

№ 7

2008

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), Ю. В. ГРУНИН
(г. Жезказган), Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ (г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕР-
ГЕНОВ, (г. Астана), И. М. ЛАМОНОВ (г. Астана), В. Ф. МИХАЙЛОВ
(г. Алматы), Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), А. У. САНДЫБАЙ
(г. Астана), А. Ю. ТАРАКОВ (г. Астана), И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

М. Масалин. Необычный пассажир.

Повесть-диалог об Арале 3

С. Кулакова. В плену у жизни. Роман (начало) 31

Поэзия

И. Брейдо. «Ещё не всё изведано...». Стихи 25

В. Гундарев. «Всем по-детски верил и всему...». Стихи 64

Б. Лукин. «Путь земной и путь небесный...». Стихи 110

Наш общий дом

Ю. Поминов. Павлодарская область:

прошлое, настоящее, будущее 73

© «Нива», 2008, Астана

Культура. Общество. Личность

Н. Курпякова. Подлинно народный артист 122

Литературная жизнь России. Полвека служения Родине
(к 50-летию Союза писателей России) 127

История без купюр

А. Какен. «Будут стихи мои жить без меня...» (окончание) 136

Критика и литературоведение

В. Могильницкий. Паустовский в стране звёзд и пустынь 156

Л. Мартынова. Особое чувство свободы 159

Искусство

С. Беккулова. Аристократ духа,
или Три встречи с Акрапом Жубановым 163

В семейном кругу

С. Муканов. Невыдуманные сюжеты 169

Далёкое — близкое

А. Ахетова. Степные легенды 181

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Бирюзовая юрта. Рассказ 187

Сатира и юмор

М. Кулатаев. Сельские истории 193

Марат МАСАЛИН

Необычный пассажир

Повесть-диалог об Арале

Поезд несётся на большой скорости, раскачивая вагоны, монотонно стуча колёсами по стыкам рельсов. Я и мой сосед по купе сидим у окна и созерцаем однообразные и посему скучные виды покрытой снегом степи, простирающейся до горизонта. Кажется, что не имеет границ эта белая унылая гладь, она лукаво манит и увлекает наш поезд всё дальше и дальше, забавляясь при этом его наивными стараниями скоро достичь её пределов.

Уже заканчивается март, но в здешних краях по-прежнему стоит зимняя стужа, лежит глубокий снег; придорожные опоры линии электропередач и провода покрыты мохнатым инеем, временами дует позёмка, перегоняя с места на место снежную порошу. Небо затянуто низкими серыми тучами. За полдня я не заметил в степи ни одной живой души, ни предмета какого-либо, который, возвышаясь над снежными сугробами, как-то разнообразил бы этот скучный пейзаж.

Я предаюсь размышлениям. В моём родном городе снег растаял ещё в начале марта. Сейчас на деревьях набухают почки, на ветках порхают и щебечут птицы, на южных склонах холмов зелёным ворсом пробилась травка, воздух напоён особым весенним ароматом.

Сегодня воскресенье. Многие мои земляки наверняка ещё вчера вечером приехали на свои дачи, ночь провели в уютных, жарко натопленных комнатах, надышались чистым воздухом и сейчас занимаются обрезкой и весенней подкормкой деревьев, перекапыванием огородных грядок. Вечером они возвратятся в городские квартиры, утомлённые физически, но бодрые духом, с новыми впечатлениями от общения с природой.

Марат Маселевич МАСАЛИН

родился в 1940 году. Является оперирующим хирургом высшей категории, имеет учёную степень кандидата медицинских наук, работает доцентом кафедры хирургических болезней Казахского национального медицинского университета имени С. Д. Асфандиярова (г. Алматы). Автор 140 научных статей, 3 монографий, 4 изобретений на

клинические темы. С 1994 года пишет художественную прозу. В журнале "Простор" опубликованы его повести "Легенда о Коркуте" (1994), "Юность Аблая" (2002) и отрывок из повести "Курмангазы". В 2004 г. вышел сборник этих произведений под названием "Легенды степей".

В № 1 "Нивы" за 2007 год увидела свет повесть Марата Масалина "Отвергнутые городом".

Мои размышления были прерваны соседом. Этот угрюмый человек, не проронивший ни слова с момента появления в купе, вдруг обратился ко мне с вопросом, причём довольно необычным.

— Как вы думаете, сколько получится воды, если быстро растает снежный пласт толщиной один метр на площади, ну, скажем, пять тысяч квадратных километров?

Вопрос меня удивил, но мне понравилось желание соседа вести со мною беседу и убить время. После недолгого раздумья я ответил:

— М-м... Право, не знаю. Но если вам это очень нужно, то, используя специфические константы, можно и посчитать...

— Впрочем, не стоит считать. Всё равно это не решит мои проблемы...

Сосед мой, насупив брови, продолжал смотреть в окно. Я попытался возобновить прервавшуюся беседу.

— Вы решаете какие-то проблемы, связанные с водой?

Лицо его стало озабоченным, затем посуровело. Он посидел молча ещё некоторое время, затем промолвил:

— Решаю ли я проблемы, связанные с водой? Хм... Невзначай я сам дал вам повод для такого вопроса. Придётся мне признаться в одной особенности моей натуры. Я, как увижу большие водоёмы или снежные массивы, испытываю сильное волнение, как поэт Иван Бездомный из “Мастера и Маргариты”. А он лишился покоя с наступлением каждого полнолуния. Вы читали этот роман?

— Да, читал, даже перечитывал, вникал, как говорится, в идею этого необычного романа. Но позвольте спросить, по каким же конкретным причинам большая вода и скопление снега лишают вас душевного покоя?

— По каким причинам? М-м... Попробуйте угадать сами...

— Угадывать не берусь. Лишь могу предположить, что вы, по-видимому, тоже поэт и когда-то какой-то объект ваших интересов произвёл на вас сильное впечатление на фоне большого водоёма или снежного массива. Возможны и другие варианты...

— Вы учёный?

— В известной мере.

— В какой отрасли науки вы трудитесь, если, конечно, это не секрет?

— По части биологии.

Я немного покривил душою. Биология — не моя специальность. Я врач-хирург с учёной степенью, и как все медики, в обществе незнакомых людей скрываю свою профессию, чтобы избежать участи отвечать на всевозможные нудные вопросы о болезнях и болячках, которые непременно будет задавать любой изнывающий от безделья человек. Но в то же время я от истины далеко не отошёл, ибо медицина — одна из отраслей биологии.

— Ваши предположения о причинах моих волнений правильны, но только в общих чертах, — пояснил сосед, затем достал из кармана брюк коробочку, оттуда два драже и проглотил их. А коробочку я узнал, в таких обычно содержится аминазин — лекарство, которое часто применяется в психиатрической практике для успокоения предрасположенных к буйству душевнобольных.

Человек этот сел в поезд рано утром на станции, оставшейся позади два часа тому назад, при себе не имел каких-либо вещей, со мною поздоровался кивком головы, снял с себя тёплую куртку с капюшоном и повесил в нише, бережно потеснив моё пальто; знакомиться не стал, уселся напротив меня и

молча всё время смотрел, как и я, в окно. Он азиатской внешности, смутный, возраста среднего, ростом высок и строен, в плечах широк, лицом красив, тщательно выбрит, слегка вьющиеся чёрные волосы аккуратно зачёсаны назад, голос — ровный баритон, русская речь без малейшего акцента.

Итак, увидев, как сосед проглотил два драже аминазина, я насторожился. Передо мною, возможно, психически больной человек. Сейчас весна, а, как известно, по весне и осени психические болезни обостряются. Что я буду делать, если сейчас у него начнётся буйное умопомешательство?! По телосложению он настоящий силач, к тому же при буйстве даже физически слабые умалишённые проявляют недюжинную силу. Дёрнул же меня чёрт отвечать на его сумасбродные вопросы. Тут же вспомнились строки из «Мастера и Маргариты»: «Никогда не разговаривайте с незнакомыми». Да, умён был и талантлив коллега Михаил Афанасьевич, царствие ему небесное...

Мои размышления вновь прервал голос соседа.

— Я знаю, о чём вы сейчас думаете. Можете оставить в покое Булгакова. Не бойтесь меня, я — не Воланд, и вы — не Берлиоз. Вы никогда не повторите его судьбу. Да, я болен вялотекущей формой шизофрении. Но я не представляю опасности для окружающих даже в периоды обострения моей болезни. Сидите себе спокойно или ложитесь и отдыхайте. Вам не придётся бороться со мною, пытаться надеть на меня смирительную рубашку. Что касается меня, то я лягу и закрою глаза. Не могу, ну не могу спокойно смотреть на это обилие снега, который через две-три недели растает, превратится в воду. Часть её испарится, другая — впитается в землю, но ни одна капля отсюда не пойдёт на образование истоков реки, не дойдёт до моря... Уф-ф! До гибнущего моря... Здесь ведь зона аридная*, но не гумидная**... К несчастью нашему... — сосед, отвернувшись от окна, закрыл лицо ладонями.

Я был ошеломлён словами и поведением своего спутника. Во-первых, удивился, что он быстро и верно прочитал мои мысли. Во-вторых, я испытывал неловкость, точнее — стыд за то, что ожидал нападения на себя с его стороны, даже внутренне готовился к защите от него, а он, хотя и психически больной, оказался смирным. Выходит, подозрениями своими в какой-то мере я оскорбил его. В-третьих, его неподдельные душевные муки из-за кругооборота влаги аридной зоны у меня вызвали к нему жалость. В то же время его чрезмерно трагический тон меня сильно смутил, так как этот человек будто бы воображает себя единоличным защитником какого-то моря (Арала, что ли?). Ясно же, что такой природный объект, как море, в каком бы состоянии оно ни находилось, является достоянием стран и народов, а значит и проблемы его принадлежат тоже им, а не единицам или одиночкам.

Он продолжал сидеть, закрыв лицо руками. Во мне, привыкшем страдать и по возможности оказывать посильную помощь больному человеку, росло чувство жалости к нему. Я также понял, что он не только неизлечимо болен, но и несчастный и одинокий, покинутый всеми близкими. Мне надо было попытаться как-то вывести его из этого опасного состояния, пока оно не переросло в глубокую депрессию или возбуждение. В данной

* Зоны засушливости.

** Зоны, где в почве много влаги, возникают истоки рек.

неожиданно возникшей клинической ситуации в моём распоряжении имелось только психотерапевтическое средство, т. е. метод словесного воздействия на душу человека, пока он ещё способен поддаваться ему.

— Хм... Это... Может, чайку попью? Позвольте, я закажу чай с лимоном и печеньем, — предложил я.

— Я пить не буду, а вы — как хотите. Извините, я полежу. — Он быстро лёг в постель, отвернувшись от меня. Я посидел некоторое время, затем тоже лёг, повернувшись лицом к нему.

Я старался больше не думать о соседе, закрыв глаза, пытался вздремнуть, но сон не шёл. Так я пролежал минут тридцать. Неожиданно он заговорил:

— Явно сбавляет ход. Здесь разъезда нет, до станции ещё порядком. К чему бы это?

Я открыл глаза. Сосед быстро поднялся, посмотрел в окно, затем вышел в коридор, но скоро вернулся в купе.

Поезд стал тормозить. Я тоже встал с постели, глянул в окно, но кроме прежней унылой, занесённой снегом степи и затянутого низкими серыми тучами неба ничего не увидел.

— Что там справа от курса? — задал я вопрос соседу, который в этот момент садился на своё место у окна.

— Ничего необычного, но есть предчувствие... Да простят меня пассажиры за эту остановку в пути. Вы тоже не переживайте. Поезд упущенное наверстает быстро.

— Я вас не совсем понял, — сказал я, но ответа не последовало. И тут, скрипя тормозами, поезд остановился. Вскоре в коридоре раздался топот ног. Дверь резко открылась, и в наше купе вошли двое дюжих мужчин холёного вида в штатском. Они, не обращая на меня внимания, впились глазами в соседа. Один из них спросил:

— И куда же вы едете?

— В Сибирь, точнее — в Новосибирск.

— Зачем?

— На консультацию к светилу по части моей болезни.

— Почему нас не поставили в известность об этой поездке?

— Вы не брали от меня таких обязательств.

— Но вы находитесь у нас под наблюдением. Стало быть, о своих перемещениях должны сообщать нам. Забыли, что ли?

— Да, забыл. Пожалуйста, наблюдайте, я не возражаю и от вас не прячусь.

— Какие у вас ещё планы на эту поездку, кроме визита к врачу?

— Нет у меня других планов.

— Так ли это?

— Так.

— Паспорт ваш при себе?

— Да, при мне.

— Покажите.

— Пожалуйста, — мой сосед достал из нагрудного кармана паспорт и протянул его представителю власти. Тот раскрыл книжку, полистал и вернул владельцу, затем произнёс:

— Не вздумайте там заниматься старыми делами. Понятно?

— Понятно.

Эти двое тут же вышли из купе. Вскоре тронулся наш поезд. Минуты через две мы увидели в окно вертолёт на снегу недалеко от железнодорожного полотна. Возле него стояла группа людей, некоторые из них были в белых халатах.

Меня взяло любопытство.

— Прошу прощения, во-первых, я хочу познакомиться с вами, во-вторых, желаю знать, что значит всё, что было здесь перед этим? Прошу вас, доверьтесь мне. Поговорим, скуку развеём... Мы же спутники по дальней дороге. Предки наши в таких случаях взаимоотношения строили на принципах доверия и откровенности, разумеется, в определённых пределах. Да и в наше время люди поступают так же.

— Возможность обострения моей болезни вас не пугает?

— Нет, не пугает. Верю, что у вас тяжёлого обострения не будет.

— Что за болезнь у меня, я вам говорил?

— Да.

Он минуты три сидел молча, затем произнёс:

— Нам лучше не знакомиться. Так будет безопаснее для вас. Вообще вам сегодня не повезло с попутчиком в моём лице. Как вы сами только что видели, я — человек поднадзорный. Всякий, кто побывает в компании или имеет разговор со мной, может стать объектом интереса спецслужб. А их интерес к гражданам не всегда приятен для этих же граждан...

— Да, это понятно, но тем не менее...

— Я вас перебыю. Знакомиться мы не будем — и точка. Если вас по приезду домой пригласят кое-куда на беседу по поводу меня, то скажите обо мне, что я “псих”, глотаю аминазин, брежу. Вы всю дорогу боялись меня, всячески избегали разговора со мною. И про талые воды никому ни слова. Не обижайтесь на меня. Я не могу допустить, чтобы из-за меня вы подверглись сомнениям в вашей благонадёжности у них...

Мы молча посидели ещё минут двадцать. Я старался о нём не думать, но всё равно не мог освободиться от разных мыслей о нём же. Кто он — симулянт или в действительности психически больной? Почему находится под гласным надзором спецслужб? Что натворил такого, чтобы те догнали на вертолёте и экстренно остановили скорый поезд в степи для короткой профилактической беседы с ним?

Будучи опытным врачом и неплохим психологом, учёным, пользующимся методами индукции и дедукции в исследовательской работе, я не смог дать себе ответа ни на один из интересующих меня вопросов. Почему сей “орешек” оказался для меня крепким? В чём же дело? Мне вспомнился Шерлок Холмс, который из суммы “пустячных” сведений мог составить о человеке правильное и стройное мнение. Я непроизвольно улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь? — подал голос сосед.

— О вас думаю, задаю себе различные вопросы о вас же, но не могу найти ответы на них. Под конец вспомнил Шерлока Холмса.

Он тоже улыбнулся, но ничего не сказал. Снова в купе установилось безмолвие.

Минут через десять попутчик достал карандаш из нагрудного кармана, оторвал клочок от газеты, оставленной кем-то на столике, и написал на нём: “У вас мобильный телефон есть?” и протянул карандаш мне. Я быстро набросал слова: “Есть, даже два”. Он, подавая руками знаки, попросил меня отдать телефоны ему, затем, достав из кармана брьюк дорожную

зажигалку “Зиппо”, поджёт исписанный клочок бумаги, когда она сгорела, растёр пальцами упавший на столик пепел, тщательно вытер руки полотенцем, затем произнёс:

— Мой поступок, возможно, даёт повод эскулапам думать о наличии у пациента маний поджога и чистоплотности. Не так ли?

Я действительно подумал только что именно о названных им видах маний, встречающихся у некоторых психически больных, но сейчас, стараясь ничем не выдать своё смущение от его вопроса, положил на столик свои телефоны.

Он встал, установил предохранительную цепь двери, достал из кармана своей куртки маленькую катушку скотча, три мобильных телефона, поколдовал клавишами всех телефонов, затем, используя липкую ленту, прикрепил их к разным точкам: к оконному стеклу, двери, двум стенкам. Прodelав всё это, он сел и стал говорить:

— Вижу, что вы человек порядочный. И ещё: вы не биолог в прямом смысле этого слова. Вы — врач, точнее — хирург. Нет-нет. Не подозревайте меня в тайном сборе информации о вас. Я вижу вас впервые в жизни. Всё, что говорил и ещё скажу о вас — результат моих сегодняшних дедуктивных исследований. Далее: вы оперируете больных давно и очень много, перед операцией руки обрабатываете раствором перворумура*, от него же страдаете раздражением кожи рук и временами лечитесь мазями. От вынужденного положения тела за операционным столом регулярно и продолжительный период жизни, у вас испорчена осанка. От напряжения зрения во время операции и чтения (вы читаете и пишете очень много) аккомодационные и орбитальные мышцы глаз подверглись тяжёлым спазмам. Из-за регулярного вынужденного прикосновения к химиотерапевтическим и биологическим препаратам, от влияния рентгеновских, лазерных лучей и ультразвуковой энергии у вас начались осложнения во внутренних органах. По каким признакам я всё это узнал — надо говорить?

— Нет, не надо...

— Мой вам совет: бросьте практическую хирургию. Пора жить спокойно, пока паралич не разбил или от инфаркта не загнулись. Всегда во всём надо знать меру. В профессии тоже.

— Мне трудно решиться на такой шаг, я ощущаю в себе ещё неиспользованные творческие и физические ресурсы.

— Вы знаете, в каком возрасте кумир всех хирургов великий Пирогов бросил практическую хирургию?

— Знаю, в 37 лет.

— А Кристиан Барнард, пионер пересадки сердца человеку от человека?

— В 48 лет...

— То-то же. А ведь они оставляли практическую хирургию не от умственной или физической слабости... Вам уже за 60. Это опасный возраст для хирурга. Я также вижу, что вы в жизни никого не предавали. Меня тоже не предадите. Поэтому я решаюсь отвечать на некоторые ваши вопросы обо мне.

— Спасибо за советы и за то, что соглашаетесь ответить на мои вопросы. Для начала — ваше имя, профессия?

*Противомикробный препарат, содержит муравьиную кислоту.

— Ответа не будет.

— М-м... Да... Чувствую, что в вашей биографии есть детали и моменты, касаться коих кому попало нельзя. Я даже смутно догадываюсь о причинах этого. Да... Честно скажу, теперь я не знаю, о чём дальше с вами говорить. Видимо, вы хотите, чтобы мы говорили только о том о сём, то есть конкретно ни о чём. Но, извините меня, даже в этом случае для естественного, непринуждённого течения беседы нам нужны взаимодоверие и взаимоуважение хотя бы в небольших пределах, а это, как мне кажется, у нас не складывается. Похоже, нам вообще не стоит разговаривать, приедем на нашу станцию расставания и, опять же молча, кивком головы попрощаемся — и на этом конец нашему совместному путешествию. Нет, я на вас обиделся...

— Браво! Вы говорите интересно, как по-писаному. Теперь вижу, что мне будет полезно пообщаться с вами. Продолжайте!

— Вот уже почти три часа мы щупаем мыслями, украдкой сверлим глазами, никчёмными фразами проверяем и испытываем друг друга, бог знает для чего. А в результате как были незнакомы утром, когда вы вошли в это купе, такими и остаёмся к полудню. Более того, с позволения сказать, наше общение, имевшее место до этого момента, принесло нам вместо знакомства и приятельских отношений подозрительность и опасения за последствия в будущем этого случайного совместного путешествия. Нет, такой, как у нас сейчас, осторожный обмен словами, дозированными как в аптеке, не является общением. Прошу прощения за беспокойство. Больше ничем не буду нарушать ваш покой ...

— Зря обижаетесь. Вы ещё грешите против истины. Мы вот уже три часа прекрасно общаемся друг с другом. В результате этого уже довольно много знаем друг о друге, успели взаимно проникнуться симпатией и уважением. Не согласны? Я юродствую? Нисколько! Молчите? Тогда я вынужден напомнить вам общеизвестную истину. Извольте слушать. По канонам философии общение человека с человеком сводится к передаче и приёму информации различными способами и средствами. Что же касается форм, цели и содержания общения, то они весьма многообразны в зависимости от уровня интеллекта общающихся и особенностей сложившихся обстоятельств.

— Вы умышленно уходите в демагогию. Либо продолжаете меня испытывать для чего-то, либо, используя меня, упражняетесь в риторике или на мне обкатываете отдельные, нужные для вас положения философии общения, — ответил я.

— Вы правы только в одном. Да, я решил с вашей помощью поупражняться, но только не в философии какого-либо конкретного явления, а умении мыслить вообще и облекать эти мысли в словесную оболочку.

— У вас это получается очень хорошо. Видимо, вы часто упражняетесь подобным образом, и это приносит свои плоды. Вы что, пишете научный труд по логике? Или учитесь ораторскому искусству? Может быть, вы адвокат, едете на судебный процесс защищать клиента и для ошеломления прокурора заранее настраиваетесь на риторiku?

— Нет. У меня цель от общения с вами другая. Разговаривая с вами, я хочу стимулировать свои интеллектуальные способности. Вижу, вы человек начитанный, трезвомыслящий, аналитического склада ума. Логика ваша организована хорошо. Для моей цели вы просто находка. С момента нашей встречи вы стараетесь со мною завязать беседу. До этого я вам отказывал в этом. Потому что мне нужно было вас, как говорится, раскусить

и оценить. Теперь же я сам желаю с вами общаться. От этого мне будет только польза.

— О чём же будем разговаривать?

— Да о чём угодно, что на ум придёт. Только не заходите в запретные зоны моей биографии, а где эти зоны — угадывайте сами.

— М-м... Значит, шайба беседы в моей зоне... — Он улыбнулся, при этом его суровое лицо на короткое время озарилось светом доброжелательности и любопытства. — Вы всегда вот так озабочены “стимуляцией своих интеллектуальных способностей”?

— Я стал специально заботиться об этих способностях с тех пор, как стал понимать, что состояние моего интеллекта стало хуже, чем прежде.

— То есть?

— За сравнительно продолжительный неблагоприятный для меня период я порядком поглупел. Теперь хочу восстановить свой прежний умственный потенциал, затем, если получится, развивать его дальше.

— И для этого в качестве нужного средства избрали общение с наиболее подходящими для вас людьми?

— Да, только в качестве одного из полезных средств.

— Разумеется. А что за неблагоприятный период был у вас?

— Я был лишён свободы и содержался в особых условиях.

— М-м... Да... “Особые условия”, говорите? Кажется, теперь я догадываюсь, о чём речь... Слышал я кое-что об этих “особых условиях”, но всегда в коротких однотипных и неконкретных выражениях. В основном о психотропных препаратах. Может, расскажете подробнее о своих злоключениях в плане...ну, например, как осуществляется там это... “оглушение” людей. Если, конечно, вам это не тяжело.

— Тяжело мне об этом говорить. Поэтому расскажу очень коротко. Лично со мною работали по схеме ТЗПРИ, что означает: торможение — застой — постепенное разрушение интеллекта.

— Как они этого достигали?

— Во-первых, меня поместили в одноместную палату и полностью изолировали от внешнего мира мощными стенами здания, железными решётками на окнах и двери, высоким железобетонным забором по окружности территории “лечебницы”. Во-вторых, в течение продолжительного времени моё общение с людьми состояло только в обмене короткими, всегда однотипными фразами с малочисленным персоналом, имевшим отношение ко мне. Должен сказать, что это были одни и те же люди угрюмого вида, замкнутые, и это усиливало угнетающий эффект обстановки на “пациента”. С позволения сказать, разговоры эти происходили во время посещения ими моей палаты, раздачи “лекарств”, проведения “лечебных процедур”, за завтраком, обедом и ужином, при стрижке волос, бритье, смене нательного и постельного белья и прогулках на отведённой для этого площадке в определённые дни и часы. Ну и, в-третьих, меня регулярно “накачивали” психотропными препаратами угнетающего действия, а также различными видами энергии, исходящей от техногенных источников.

— А пытки?

— Они были на стадии дознания, — при этом сосед небрежно махнул рукой, — то есть до судебного приговора о принудительном лечении меня. От пыток я особо-то и не пострадал. Вообще для интеллекта некоторых людей систематические пытки с причинением телесной боли — ерунда,

если только при этом не случаются повреждения головного мозга, органов слуха или зрения.

— Питки — ерунда для некоторых людей?! Вы имеете в виду терпимость человека к боли, наблюдающуюся при некоторых неврологических или психических заболеваниях?

— Нет, я имею в виду выносливость специально тренированного человека, который ещё и наделён природой особой силой воли, отвагой и бесстрашием.

— Не совсем понятно...

— Ну, вспомните хотя бы японских самураев, шау-ляньских монахов или революционеров Овода, Камо, Че Гевара...

— М-м... Да... Как долго вы были на принудительном "лечении"?

— Чуть больше пяти лет.

— Давно вышли на свободу?

— Месяцев пять тому назад.

— Вот вы жалуетесь на ослабление своего интеллекта в результате всего пережитого. А я нахожу, что ваш интеллект в прекрасном состоянии. Оттого ли это, что раньше вы были "суперспособный", потому сейчас и с "остаточными возможностями" "выглядите" отлично? Или же, выйдя на свободу, вы успешно и быстро возмещаете утраченное? Либо с вами не было ничего из того, о чём вы мне рассказали.

— Верны два первые предположения.

— Мне мало что проясняет ваш лаконичный ответ. Можете рассказать подробнее?

— Тут тайны нет. Каким был я до применения на мне средств по ТЗПРИ — едва ли удобно говорить. Отмечу только, что эксперты спецслужбы оценили тогда мои умственные способности очень высоко. После же выписки из "спецлечебницы" я находился в глубокой депрессии. Мне пришлось заняться очищением своего организма от токсических веществ — компонентов психотропных препаратов, стимуляцией функций жизненно важных органов по особой методике. В результате я физически окреп, ощущаю твёрдость духа, и умственные процессы стали приходить в порядок.

— Интересно. Из каких мероприятий состоит ваша система реабилитации организма? Каков алгоритм* применения отдельных лечебных средств? Может быть, у вас были специальные antidotes**, рецепты диеты?

— Универсальных antidotes в природе не существует, это вам должно быть известно. Все официальные детоксикационные*** препараты по природе своей химические, а в моём положении связываться с "химией" опасно. Я пользовался отварами определённых трав. Кроме того, два раза в неделю ходил в русскую баню, а после — выпивал по 200 граммов хорошей водки, добавив туда бальзам. Вы, конечно, понимаете, что в некоторых случаях хорошая водка сама по себе antidote. А ещё, слегка пьянея от неё каждый раз, я растормаживал подавленные психотропными препаратами сонные клетки моего мозга. То были моменты возвращения ко мне памяти...

— Сейчас также употребляете водку?

* Порядок и последовательность действий.

** Противоядие.

*** Выводящие яды из организма.

— Нет. Вот уже два месяца воздерживаюсь от неё. Как лечебное средство она для меня положительную роль уже сыграла. С этим чудом природы надо быть на “Вы”. В будущем, наверное, только в традиционных случаях подниму одну-другую стопку, как большинство людей. А в русскую баню продолжаю ходить регулярно, два раза в неделю.

— Из каких трав вы готовили себе отвары?

— Их мне в готовом виде приносил один тибетский монах.

— Как нашли этого монаха?

— Не помню. Кажется, он сам нашёл меня.

— Да?! Интересно, где сейчас этот монах?

— Не знаю.

— Что за бальзам вы добавляли в водку?

— Думаю, что тибетский.

— М-м... Какие ещё средства использовали для восстановления здоровья?

— Я совершал длительные прогулки в горах, степи, лесу, любовался природой и пел песни по настроению. Также плавал в море, загорал на пляже. Кроме того, специально встречался с разными людьми в разной обстановке и разговаривал на различные темы. Конечно, они не знали, зачем я к ним пришёл и какое полезное влияние сами оказывают на мою психику. Ещё я смотрел телепередачи, слушал концерты классической музыки, посещал музеи, различные производственные объекты, где в поте лица трудятся люди; ходил в зоопарк, наблюдал там за животными, завёл собаку, разговаривал с нею. И ещё: я много, очень много читал. Знаете, я на деле убедился в благотворном воздействии классических вещей на душу человека. Логические процессы упорядочились у меня в голове больше и быстрее от чтения Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького (особенно пьес его), Данте, Шекспира, Диккенса, а также, представьте себе, “Мастера и Маргариты” Булгакова.

— Как это интересно! Ваша методика по реабилитации подвергнувшегося насильственной депрессии интеллекта оригинальна, даже, кажется мне, революционна. Дело в том, что в доступной мне литературе нет описания подобных методов. И разговоров о таких способах я не слышал в медицинских кругах. Вы то ли случайно, то ли осознанно открыли новое, очень перспективное направление в психоневрологии. Получается, что по вашей методике можно успешно выводить людей из некоторых ятрогенных* форм депрессии, вернуть им прежнее душевное здоровье. Кроме того... Развивая вашу методику, можно будет подготовить серию интересных диссертаций.

— Диссертации — это хорошо, если они настоящие. Кстати, вы имели отношение к появлению на свет, а точнее — к производству суррогатных диссертаций**?

— Да. К стыду своему, я много раз сиживал на учёных советах, где защищались такие диссертации; как правило, критиковал их, голосовал против присуждения их авторам учёных степеней. Увы, большинством голосов эти авторы всё равно становились кандидатами или докторами

* По вине врача.

** Диссертации, не обладающие научной и практической ценностью, явно нелепые.

медицинских наук. Но ваше направление оздоровления “оглуплённого” в спецбольнице человека при корректном отношении исследователя к делу обещает породить настоящие диссертации.

— Я неспроста задал вам вопрос о суррогатных диссертациях. — Он улыбнулся, погладил лоб, при этом глаза его излучали, как мне показалось, тепло снисходительности доброй души. — Для меня одним из полезных мероприятий для выведения себя из состояния депрессии оказалось решение кроссвордов. Но вскоре эти загадки перестали отвечать моим целям из-за простоты их разгадки. Я искал более сложные и трудные упражнения. Тогда я решил читать диссертации последних лет, чтобы в процессе вникания в суть малознакомых или вовсе незнакомых мне проблем интеллект мой функционировал максимально и развивался. Я читал диссертации по биологии, гидрогеологии, геодезии, строительству, пиротехнике и даже по психиатрии, неврологии, физиологии, хирургии и травматологии, не разбирая, хорошие они или суррогатные. Должен признаться, что у меня по всем этим предметам (и не только по этим) имеются базовые знания, приобретённые путём самообразования. Так вот, читая эти труды, я стал находить в них плагиат, компиляцию, порою даже банальную некомпетентность авторов. Разбирая эти диссертации по “косточкам”, я давал на свой мозг большие нагрузки. Это не только не навредило мне, но и принесло пользу. Я стал мыслить разнообразно и рационально. Нелепости, написанные в некоторых диссертациях, меня то смешили, то огорчали. Мысленно оппонируя их авторам, я развлекался. В процессе такого необычного интенсивного занятия голова моя довольно быстро “прояснялась”, даже тонус и сила скелетных мышц возрастали! Я не стал выносить безделья, душа жаждала деятельности, борьбы и сотворения чего-то существенного, полезного людям! Ко мне возвращались прежние, утраченные из-за ПЗТРИ, способности, воля и интеллект. Поистине, нет худа без добра! Не наткнись я на эти суррогатные диссертации последних лет и не займись их “разоблачением”, моя психосоматическая реабилитация, возможно, шла бы медленнее и менее эффективно.

— Где доставали эти диссертации?

— В читальных залах библиотек профильных научно-исследовательских институтов. Доктор, скажите, пожалуйста, всегда ли человек, выходящий из состояния депрессии, испытывает жажду деятельности, как ребёнок, только научившийся ходить и говорить? Мне это интересно знать.

Я был удивлён его рассказом, особенно вопросом. В сущности, он говорил о неизвестном мне состоянии души взрослого человека, уподобившегося ребёнку, в силу обстоятельств, произвольно.

— Честно скажу, не знаю. До этого не было у меня повода задаваться такими вопросами. Вообще я думаю, что ваш случай выхода из ятрогенной депрессии уникальный, — ответил я.

Глядя на него, я испытывал противоположные чувства: в принципе его целеустремлённость, широта кругозора и работоспособность заслуживают уважения, в то же время досаждаешь по поводу суррогатных творений в виде диссертаций здоровых и образованных людей, использованных психическим больным в качестве шарады... Смех и грех... А человек этот — точно психически больной, в этом у меня теперь нет никаких сомнений. Ибо нормальный человек не будет тратить время на чтение диссертаций по различным дисциплинам ради развлечения или, как он выразился,

“для психосоматической реабилитации” себя. Ничего не поделаешь, придётся продолжить беседу с ним, чтобы его не обидеть и не провоцировать обострения его болезни.

— Вы говорили о наличии у вас базовых знаний по самым далёким друг от друга отраслям науки и практики. Скажите, когда, как и зачем вы приобретали такие обширные познания?

Мой сосед посмотрел на меня, затем в окно и продолжал сидеть неподвижно в таком положении. После напряжённого раздумья он ответил:

— Так и быть, расскажу. Разнообразные познания по различным отраслям жизни мне понадобились не для того, чтобы тешить своё любопытство или побеждать соперников на викторинах. Эти познания нужны были мне для осуществления своих, вернее, наших планов, а также для преодоления трудностей, ожидавших нас на ответственном и опасном пути. Не только я один, но и все мои товарищи обязаны были хорошо знать предметы и сведения, так или иначе касающиеся нашего общего дела. В нашем деле всё это называлось “наукой о выживании человека в критических ситуациях”...

— Ваши слова загадочны и интригующи. Кто ваши товарищи? Что за планы были у вас? Что за путь должны были вы пройти? Туман какой-то...

— Расскажу, но не подробно, а только в общих чертах. Лет двадцать пять тому назад несколько десятков молодых и среднего возраста мужчин объединились в кружок для изучения истинных причин высыхания Аральского моря. В последующем наша группа разрослась, да и задачи наши усложнились. Тогда мы создали тайную организацию реального возрождения Арала, сокращённо — ТОРВА.

— Не пойму, зачем вам надо было делать тайну из проблемы Арала? Она же давно известна всему человечеству. Если у вас есть реальный план спасения погибающего моря, то зачем его скрывать от людей, от властей?!

— Тут дело в сущности и особенностях нашего плана спасения Арала. Он предусматривает реальное возрождение моря путём быстрого принятия радикальных мер, которые, будучи абсолютно логичными с технических и экологических позиций, в то же время являются противозаконными, даже преступными с нынешних (я подчёркиваю слова “с нынешних”) социальных и политических точек зрения.

Мне стало интересно знать, как переживает современный образованный, но душевнобольной азиат проблемы Арала. Моё любопытство было обусловлено тем, что в медицинских институтах СНГ студентов учат по психиатрии на примерах маний или бредовых идей, так или иначе отражающих события или явления из быта европейца; в их учебниках не встретишь форм мании или бреда, отражающих (понятно, в искажённом виде) события и явления из быта азиата. Дальше я решил своими вопросами расположить собеседника к спокойному рассказу всего, что ему придёт на ум по Аралу. При этом я ещё преследовал чисто врачебную цель: его активное участие в беседе послужило бы для него же профилактикой внезапного буйства (разумеется, если я смогу управлять должным образом эмоциональным уровнем нашей беседы).

— Я толком ничего не понял. Бога ради, говорите без излишнего абстрагирования, конкретно и предметно. В вашем лице я впервые встретил человека, имеющего реальные планы возрождения Арала. И хотел бы знать, что это за планы.

— Что толку теперь рассказывать о наших планах?! Они сорваны, не будут осуществлены...

— Разве они были плохие? Поэтому сорвались?

— Нет, они были сказочно хороши, глубоко продуманные и радикальные по ожидаемым конечным результатам. Сорвались наши планы, можно сказать, из-за фатального невезения. Не будь той известной серии быстро следовавших одно за другим объективных обстоятельств и событий, сейчас в акватории моря 1960 года простиралась бы водная гладь от горизонта до горизонта, в бурю ходили бы там громадные волны, вода наступала бы на сушу всё больше и больше, чтобы обрести берега 1200 года. Но нам не повезло, всему человечеству не повезло...

— Пожалуйста, конкретнее и подробнее об этих планах. Если они действительно были хороши, то вместе будем оплакивать их!

— Извините, не могу. Довольствуйтесь тем, что слышали. Я остановлюсь на этой абстрактной стадии информации, в подробности вдаваться не стану.

Мною овладело сильнейшее любопытство и состояние окрылённости от ощущения близкой удачи, которое обычно бывает у меня перед тем, как я завершаю начатое дело: будь то научная статья, монография или давно вынашиваемое изобретение, или же минование кризиса у тяжелобольного, которого я прооперировал и с большой тревогой в душе ухаживал за ним, не будучи уверенным в выздоровлении. В то же время я удивлялся сам себе, что бредовые идеи душевнобольного так глубоко заинтересовали и взволновали меня, словно от этих его идей будет кому-то польза. Что со мною? Я же строгий реалист до мозга костей. Неужели на меня действует его тяжёлая аура?! Но желание узнать побольше о чудесном плане возрождения Арала, зародившегося в голове пусть даже душевнобольного человека, не давало мне покоя. В тот момент я не думал о том, что в жизни иногда сбываются самые невероятные прогнозы или воплощаются в реальность даже сумасбродные идеи; не думал также о том, что проблема Арала настолько актуальна, что нельзя пренебрегать ни чьим мнением по ней, даже психически больного, если оно, это мнение, имеет благую направленность. Я всего лишь был обуян любопытством.

— Вы интереснейший собеседник. Знаете, я — хирург и в отличие, к примеру, от экстрасенсов или психиатров, привык мыслить совершенно конкретными категориями, лечить людей таким образом, чтобы в каждую минуту своей деятельности (я имею в виду операции) располагать возможностями видеть тот иной результат отдельных этапов своих действий. Сумма этих поэтапных результатов составляет искомый общий результат моей работы. Благодаря многолетнему занятию хирургией реалистичность, радикализм, быстрота действий, неприятие пустословия стали основными чертами моего характера. К чему я это говорю? Пожалуйста, не томите меня, скажите сразу и ясно, что за меры вы предусматривали в своих планах по возрождению Арала? Фу! У меня аж сердце закололо, прямо как при инфаркте миокарда...

— Мы оба очень близки друг другу по степени активности наших позиций в жизни. Но она, то есть жизнь, порою протекает очень сложно и неблагоприятно для человека. В периоды тяжких испытаний ему приходится притворяться совсем не тем, кем он является на самом деле, приспосабливаться на время к возникшей неприятной, а иногда даже

отвратительной для него ситуации, изощряться в способах борьбы за выживание. За годы работы по нашей тайной миссии я к активным свойствам своего характера прибавил осторожность, скрытность, терпеливость, под маской беспечности скрывал завлекающее собеседника в западню коварство и многое другое. Одним словом, я учился и научился управлять своими эмоциями, а также влиять с помощью психологических приёмов на ход событий так, чтобы они протекали более благоприятно для меня. Вам тоже надлежит научиться не допускать резких перепадов настроения. Сильные всплески желаний и страстей не всегда полезны...

Выслушав эту тираду, я задумался. Да, не слабый получился у него словесный пассаж. Что ж, такая стройная речь иногда бывает у больных шизофренией, когда они находятся в фазе маниакальности. Но я должен добиться от него нужного мне рассказа.

— Что, так и не посвятите меня хотя бы вкратце в суть ваших планов?! — я снова ощутил колику в сердце и, не искушая судьбу, достал из кармана рубашки флакончик, оттуда таблеточку нитроглицерина и положил под язык.

— Прошу прощения, позвольте, — тихо произнёс сосед и быстро схватил мою левую руку, положил палец на пульс и, спустя несколько секунд, сказал:

— Спокойно, спокойно! Нельзя же так расклеиваться из-за обыкновенной беседы со случайным знакомым. Держитесь же! — затем он своим прежним спокойным баритоном продолжил: — Ладно, слушайте. Основной замысел нашего проекта заключался в том, что в назначенное время мы должны были одну за другой взорвать все плотины, а также устья, начальные и средние отделы каналов, сооружённые в разные годы на Сырдарье, Амударье и на их притоках, и вернуть таким способом усыхающему морю отобранные у него воды.

Меня прошиб холодный пот. Я, откинувшись, упёрся затылком в стенку и закрыл глаза. У меня кружилась голова, в ушах появился шум, но колики в сердце ослабевали.

Снова заговорил сосед.

— Ничего, ничего! Опасности нет. Это на вас действуют нитроглицерин и моё сообщение. Спазмы в сердце уже прошли, сейчас и кровообращение придёт в норму. Повторяю, научитесь управлять эмоциями... — и он отпустил мою руку.

Через пару минут я почувствовал себя значительно лучше, открыл глаза, но испытывал сильнейший психологический дискомфорт: мне было стыдно перед соседом за то, что, будучи врачом, не сумел вовремя погасить свои эмоции и подвергся атаке аутогенного стресса. Кроме того, идея грандиозных взрывов важнейших народнохозяйственных объектов меня потрясла и возмутила. До такого изуверства может додуматься только махровый террорист или “псих”, как этот! Тут же я подумал о том, что, прежде всего, должен стараться ничем не выдавать своё возмущение.

— Спасибо, конечно, за советы и слова поддержки, но я тоже не из “слабаков” по части борьбы за своё благополучие в нашей непростой жизни. И у меня имеются свои методы предупреждения патогенетических последствий стрессовых ситуаций...

Я незаметно для него нажал на точку сердца в системе “насекомого”* и, опустив левую руку под стол (опять же, чтобы он не увидел), стал усиленно работать пальцами, сжимая и разжимая их.

* Элементы восточной Су-Джок терапии.

— Вот и хорошо. Успехов вам во всём и всегда! — сказал он.

— Наверное, я вас утомил своими вопросами? — я посмотрел на него.

Он улыбался, глаза его светились искорками, как мне показалось, озорства, присущего молодым и здоровым людям.

— Нет, вы устали больше, чем я. Ваша ноша тяжелее моей.

— Почему?

— Потому, что я совершенно свободно, почти механически рассказываю про давно мною испытанные, не раз проанализированные и разложенные по полочкам события. А вы находитесь в напряжённом состоянии всё время, сколько мы знакомы. Сегодня на вас неожиданно обрушилась масса необычных, даже неприятных факторов и информации: тут и соседство с психическим больным, и внезапное появление в купе представителей спецслужбы, и мой шокирующий человека рассказ о “спецлечебнице” и виртуальных взрывах. Вы всё время вынуждены детально обдумывать каждый свой вопрос перед тем как задать его мне, быстро “переварить” полученный ответ и встраивать его в контекст беседы. А это тяжёлый умственный труд. Вы устали. Вам нужен отдых. Пойдите в ресторан, пообедайте и посидите там.

— А вы? Пойдёте со мной?

— Нет.

— Почему же? Мне было бы приятно...

— Нет, не надо. Во-первых, я сейчас не хочу есть. Во-вторых, неразумно будет ходить вам в ресторан вместе со мной. В-третьих, нам нельзя оставлять купе. Идите же. Я за вами закрою дверь на цепочку, “мобильники” можете не снимать.

В ресторан я ушёл один.

Стоянка на очередной станции продолжалась минут тридцать, затем наш поезд отправился дальше. Мы отдыхали лёжа, но сон ко мне не шёл. Я думал о странном соседе: кто он — настоящий больной или симулянт? Стал анализировать содержание нашей беседы, вспоминал отдельные фразы, пытался по ним судить о состоянии его психической функции. Однако твёрдый однозначный вывод не складывался.

— Что не спите? — спросил попутчик.

— Не привык спать днём.

— Да, знаю. Вам, хирургам, спать днём не удаётся.

— Знаете, в хирургической клинике трудовая жизнь начинается с восьми часов, к девяти — закипает, к двенадцати — достигает наивысшего накала, к пятнадцати — наступает спад активности. Только к восемнадцати часам хирурги уходят из клиники. При этом голова у них тяжёлая, скелетная мускулатура напряжена и плохо поддаётся расслаблению, на лице — застывшее выражение концентрации мыслей под влиянием доминировавшей во время операции ситуации, как правило, тяжёлой. Много и хорошо оперирующие хирурги обычно до старости не доживают.

— Слышал я про это. Вот и используйте эту поездку для отдыха, медитируйте, расслабьтесь.

— Отправляясь в эту командировку, я уже переключился на режим отдыха. Для меня смена рода занятий тоже отдых.

— Качество такого отдыха зависит от свойства чередующихся занятий.

— Однако после того, что вы рассказали о сути ваших планов, я не могу не обратиться с новыми вопросами. Очень прошу ответить на них.

Мне хотелось бы узнать как можно больше о деятельности ТОРВА. Клянусь честью сохранить в тайне...

Он перебил меня:

— Не надо клясться. Считайте, что вы не поклялись. Задавайте ваши вопросы. Только предупреждаю, на некоторые из них ответа не будет, не обижайтесь. Дело в том, что я сам о ТОРВА не всё знаю, поскольку работал не в центральном аппарате, а в одной из её отраслей. Кроме того, некоторые сведения о нашей организации и сейчас остаются засекреченными нашим уставом.

— Спасибо! В какой отрасли вы работали и чем занимались?

— Я был начальником комплексной геодезической экспедиции. В нашу задачу входило выполнение топографических съёмок и изготовление топографических карт территории, по которой проходит русло Сыр-дарьи, начиная от истоков в Тянь-Шане и Памире и вплоть до точки впадения в море.

— Зачем? Подобные карты наверняка давно сняты и лежат себе спокойно в архивах.

— Те карты безнадежно устарели. Видите ли, за годы маловодья конфигурация прежнего русла реки и самого моря сильно изменилась по причинам появления многочисленных и весьма значительных масштабов возвышенностей, впадин и оврагов — это результат природных явлений и хозяйственной деятельности человека. Эти изменения рельефа местности необходимо было обнаружить, детально описать, а также чётко разработать эффективные меры для их устранения или коррекции. В противном случае часть спущенной с искусственных водохранилищ (после взрыва плотин) большой воды ушла бы не в акваторию моря, а в степь и пески, причиняя колоссальный ущерб природе и людям. Наши расчёты показали, что некоторые очаги вторично возникших низменностей и оврагов, заполнившись водою, из-за продолжающегося размыва почвы в дальнейшем способны были превращаться в стойкие водоёмы, обедняя Арал больше прежнего.

— И как вы собирались “исправлять” “испорченную” конфигурацию русла реки?

— Мы решили полностью отказаться от землеройных работ по причине их трудоёмкости, дороговизны и малой производительности, делая ставку на “направленные взрывы”. В нашем случае это был единственный верный способ, так как искомый эффект с его помощью можно достичь быстро и сравнительно дешево.

— Вы смогли завершить геофизические и картографические работы?

— Да.

— Сколько времени понадобилось для этого?

— Один год, то есть весна, лето и осень.

— Так быстро?

— Успеху дела способствовали хорошая организация труда, высокая квалификация и дисциплина персонала, наличие в достаточном количестве технических средств, а также то обстоятельство, что русло реки протекает в основном в тёплых климатических зонах. Это позволяло нам начать полевые работы в конце февраля и проводить аж до конца декабря. Мы вынуждены были торопиться, чтобы завершить геодезические

работы как можно скорее и дать возможность пиротехникам приступить к заключительной части нашей программы уже весной следующего года, до начала половодья. Дело опять-таки заключалось в том, что на берегах реки каждый год появлялись всё новые и новые малые и значительные изменения рельефа местности, из-за них результаты наших исследований были обречены на быстрое “старение”. В такой ситуации только максимальное сокращение интервала между указанными циклами работ обуславливало конечную эффективность и меньшую затратность всего нашего проекта.

— Понимаю. Сколько было людей в вашей экспедиции?

— Сто пятьдесят, разделённых на две группы: горную и равнинную. Мы располагали современными приборами и установками, отличной радиосвязью, были обеспечены вертолётами, самолётами, автотранспортом, тракторами, бесперебойно снабжались запчастями и горюче-смазочным материалом.

— Под чьей эгидой вы работали?

— Официально мы прикрывались вывеской не существующего, выдуманного нашим руководством якобы секретного агентства “ПЯ-АЭРО-КОСМОС-ОХ-7”. Даже на наших служебных бланках, командировочных удостоверениях, банковских платёжных документах и на печати агентства стояли эти символы.

— Что означают знаки “ПЯ”, “ОХ-7”?

— Представьте себе, сам не знаю до сих пор. Возможно, это случайный набор букв, а может быть, и не случайный. Мой отраслевой начальник на этот счёт мне сказал буквально следующее: “Будет кто интересоваться, сошлись на секретный характер деятельности агентства, имеющий оборонное значение для всего СНГ в новых геополитических условиях”. И на самом деле, ссылка на секретный характер и на оборонное значение нашей миссии производила магическое воздействие даже на должностные лица всех трёх сопредельных среднеазиатских республик, где нам приходилось вести почти всю работу. Эти люди, услышав наш стандартный ответ на свои вопросы о том, кто мы и чем занимаемся, многозначительно кивали головой и сами же тактично переводили разговор в другое русло. Нам на местах никто ни разу не чинил препятствий, наоборот, люди всегда выказывали готовность помочь.

— Это оттого, что в наших людях до сих пор жив советский дух: страх перед секретными службами и уважение к государственным тайнам.

— Поистине так.

— Взрывать планировалось много?

— Очень много, и не только вдоль русла реки, но и во многих местах по береговой линии прежней акватории моря.

— А ведь для выполнения такого объёма взрывных работ понадобится целая армия пиротехников, множество единиц транспортных средств, ну и ещё горы взрывчатки. Во всяком случае, мне, далёкому от геодезических и землеустроительных работ, дело представляется именно таким образом. Может, я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. Названная вами часть работы была заключительной и очень ответственной в нашем проекте, поэтому план осуществления её был разработан нашими специалистами весьма тщательно и

корректно во всех отношениях, подкреплён финансовыми, материально-техническими и административными ресурсами.

Я был ошеломлён услышанным. Вдруг понял, что теперь всё, что рассказывал мне этот человек, интересует меня не меньше, чем состояние его здоровья. Говорит он настолько складно и уверенно, как будто бы видел и пережил всё, о чём говорил. Но мне известно, что некоторые люди в некоторых обстоятельствах могут врать весьма правдоподобно... Ладно, подумаем дальше. Если он говорит правду, то почему я до сих пор ничего не слышал про те события, о которых он сообщил? А если он лжёт, то с какой целью? Чтобы меня одурачить? Зачем ему это нужно? Возможно, он специально упражняется в фантазировании, а весь его рассказ — плод его воображения? Может быть, он собирается написать художественное произведение на тему Арала, а сейчас вслух “обкатывает” сюжет и канву будущей книги? Или же всё, что я услышал, бред сумасшедшего? Почему мне не удаётся окончательно разобраться с состоянием его психики?! Стоп, не надо горячиться. Не всегда можно легко и быстро провести грань между психической болезнью и здоровьем. Скорее всего, он — пациент психиатрической клиники, и диагноз вялотекущей шизофрении у него обоснованный. Как мне вести себя, как быть с ним дальше?

Я посмотрел на соседа и увидел на его лице едва заметную улыбку сочувствия. Он тут же отвёл взгляд в сторону окна, затем снова посмотрел на меня. Улыбки уже не было, теперь лицо его выражало холодное спокойствие безмятежной души. От таких быстрых перемен, происходящих в нём, мне стало не по себе, у меня снова начались сердцебиение, шум в ушах и головокружение. Незаметно для него я вновь надавил на точку сердца в системе “насекомого” и, опустив левую руку под столик, стал работать пальцами. Вскоре самочувствие моё нормализовалось. Я решил продолжить беседу.

— Вы говорили про административные ресурсы. Как можно использовать в таком, скажем прямо, тёмном деле (других слов не нахожу) административные ресурсы?

— Приведу только несколько примеров. Первый: на некоторых нужных для наших целей административных постах областного и республиканского уровня сидели наши люди. Они соответствующим образом и лоббировали интересы нашей организации в нужные моменты по официальной линии. Мы трудились во всех направлениях не только быстро, планомерно, без помех со стороны кого бы там ни было, но никто и не подозревал нас в противоправной деятельности. Второй: часть работ по нашей программе финансировалась за счёт госбюджета. Третий: во время топографических съёмок в зонах предстоящих взрывов и затопления были обнаружены социально-хозяйственные объекты, появившиеся за годы постепенного высыхания моря. Нужно было заранее убирать их оттуда. Для подготовки общественного мнения к такому мероприятию, чреватому недовольством граждан и скандалами, за два года до начала запланированных взрывных работ, ранней весной, из известных нам водохранилищ спускалась вода в большем объёме, чем это предусмотрено правилами эксплуатации тамошних ГЭС. Возникли непривычные для ранней весны наводнения в низовьях реки, принёсшие людям немалый материальный и моральный урон. В средствах массовой

информации эти наводнения объяснялись весенним половодьем, спровоцированным климатическими аномалиями, а последствия муссировались. Кроме того, публиковались мнения геофизиков о высокой вероятности повторения подобного стихийного бедствия, даже более грозного, в ближайшие годы. В результате такой бурной деятельности газет, радио и телевидения в кабинетах различного уровня зародилась идея отселения упомянутых социально-хозяйственных объектов в безопасные зоны, а дальше появились и принимались к исполнению и соотвествующие региональные программы...

— Журналисты знали, что наводнение, воспринятое населением как стихийное бедствие, на самом деле является рукотворным, то есть вами сотворённым?

— Среди них были наши люди и они, разумеется, знали об истинных причинах тех наводнений, сознательно вели нужную для наших целей информационную кампанию, формируя выгодное для нас общественное мнение. Остальная пишущая братия, не зная сути и “подноготную” предмета, сама спонтанно вовлекалась в публикационную страду, выполняя функции своеобразного кордебалета на фоне наших “солистов”.

— Вам не жалко было пострадавших от наводнения людей? Помню, я видел по телевизору ушедшие под воду по самые крыши целые дачные посёлки в низовьях Сырдарьи, лица промокших до нитки, озябших несчастных жителей этих посёлков. А стояла тогда первая декада марта, кругом ещё лежал снег! Жутко было смотреть на эти картины...

— Доктор, уважаемый! Что такое там какие-то дачные посёлки, лишения и временные неудобства двух-трёх тысяч человек по сравнению с конечной целью нашего проекта — возрождения целого моря?! Планетарные по значимости, гуманные по свойствам конечной цели, радикальные по результатам, революционные по новизне методов исполнения эпохальные проекты не обходятся без жертв. Вам это, должно быть, известно. Мы сами, то есть авторы и исполнители этого проекта, относили себя к числу его жертв. Нам тоже было больно смотреть на затопленные посёлки, страдающих людей. Мы постоянно рисковали оказаться в руках правоохранительных органов, быть разоблачёнными и репрессированными. Но мы шли к своей цели без страха за собственную жизнь ради судьбы моря. Так что вы не можете обвинять нас в бесчестии. Да, элементы жестокости в наших поступках имелись, но им есть и оправдание. Во всяком случае, мы так считаем.

— “Цель оправдывает средства”. Я знаю эту догму. И вот что хочу уточнить: на заключительном этапе вашего проекта вы собирались устранить все плотины на реке направленными взрывами по особому графику. Я правильно представляю сущность вашего плана?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, назовите: сколько больших и малых городов, деревень и посёлков, производственных объектов и какое количество населения лишилось бы электроэнергии, если бы ваш план осуществился? Это — первое. Теперь следующее. Определялись ли в денежном выражении последствия экономической депрессии, которая неизбежно наступила бы в результате энергетического кризиса в тех регионах, коих вы собирались лишить ГЭС? И третье: были ли у вас продуманные и документально оформленные планы и проекты по замене уничтоженных ГЭС другими источниками электроэнергии?

— Вы задали очень хорошие вопросы. В случае ликвидации всех ГЭС, работающих на реке, лишились бы снабжения электроэнергией 3 мегаполиса, 10 крупных, 60 средних городов, более 64500 деревень, сёл, аулов с общей численностью населения более 42 миллионов человек. Попытки доставить электроэнергию в эти населённые пункты из других регионов через системы объединённых диспетчерских управлений не увенчались бы успехом, потому как нет доноров-соседей, располагающих необходимыми ресурсами электроэнергии. Вся инфраструктура лишённых электроэнергии регионов перестала бы функционировать, экономика бы быстро умерла. Среди людей, населяющих эти территории, возник бы хаос. Полную картину этой катастрофы вряд ли возможно описать пером, передать словами, вообразить вообще. Кроме того, её последствия отразились бы самым неприятным образом на жизни людей, проживающих в других сопредельных и отдалённых государствах, а также на их экономике...

— Понятно...

— Теперь ответ на второй вопрос. По двум причинам нам не удалось исчерпывающе определить в денежном выражении размеры материального ущерба от внезапной ликвидации упомянутых ГЭС. Первая причина: мы не смогли учесть и зарегистрировать полностью все виды бытовых, экономических и гуманитарных ущербов, так как они оказались невероятно разнообразными, взаимообусловленными и неудержимо размножающимися, как продукты цепной реакции в атомных реакторах. Вторая причина: на моделирование, регистрацию и обработку цифровой характеристики разных видов ущербов не хватало мощностей современных заблокированных особым образом компьютерных систем! Счётную работу пришлось прекратить на самой головоломной стадии. К тому моменту размеры насчитанного нашими специалистами ущерба перевалили за 800 миллиардов долларов США.

Теперь что касается третьего вопроса. Да, у нас были всесторонне изученные, экономически обоснованные, в научном и техническом планах корректные проекты по созданию новых источников электроэнергии — атомных электростанций, то бишь АЭС, взамен уничтоженных ГЭС. Вам известен потенциал Казахстана и среднеазиатских республик в области ядерной энергетики?

— Да. По разведанным запасам урановой руды Казахстан занимает третье место в мире.

— Это богатство только Казахстана. А ещё имеются геологические прогнозы о наличии больших залежей урановой руды на территории Узбекистана и Туркменистана. Кроме того, если взяться за ядерную энергетику как следует, то в ближайшие десять-пятнадцать лет Казахстан может стать мировым лидером по производству плутония.

— Когда, где и как планировали вы строительство АЭС?

— Руководство ТОРВА, действуя окольными путями, ещё в советское время лоббировало в ЦК КПСС и Совмине СССР вопросы их сооружения. Построить их планировали четыре: одну на Сырдарье, на равнине Келинтобе в Казахстане, вторую — на Чу в Киргизии, там, где стоит Красный Мост, третью — на Мургабе, недалеко от Мары в Туркмении, четвёртую — в Ферганской долине Узбекистана.

Суммарная мощность этих АЭС должна была намного превзойти таковую всех ныне действующих ГЭС на двух реках. В случае реализации нашего плана не только отпала бы надобность в ГЭС, не только все четыре республики обеспечили бы себя электроэнергией, но и экспортировали бы её в соседние государства.

— Ну и как отнеслись к вашим планам в ЦК КПСС и Совмине СССР?

— Крайне отрицательно.

— Чем был мотивирован отказ?

— Там сделали вид, что не верят в возможность окончательной гибели Арала из-за водозабора из питающих его рек, предлагали проводить консультации, а затем экспертизы учёных, научные конференции на эту тему, чтобы найти “реальные причины” (там нам так и сказали) усыхания Арала. Мы вначале поражались тому, что эти люди совершенно не представляли себе масштабы трагедии Арала, а потом, узнав, что они нисколько не переживают за гибель его, возмущались. Море усыхало только от чрезмерного водозабора из рек, питающих его, а они предлагали нам искать и находить другие причины происходящего! Как тут не возмущаться?! Во-вторых, они, то есть функционеры и чиновники этих могущественных структур, свой отказ нашему проекту (по замене ГЭС на АЭС) мотивировали нехваткой средств в госбюджете. Видите ли, в то время для страны приоритетное значение имело строительство Байкало-Амурской магистрали и Красноярской радиолокационной станции.

— Да, то были трудные годы для Советского Союза. Бюджет государства трещал по всем швам, экономика не выдерживала гонки вооружений, без должной отдачи тратились огромные средства на разных “стройка века” и на “прикармливание” дружественных СССР развивающихся стран Африки и Латинской Америки...

— Нет, не совсем так. В этом вопросе главные трудности заключались не в нехватке денег, а в отсутствии желания понять важность проблемы Арала людьми, ответственными за судьбу страны. В то время мало было честных и компетентных людей в верхнем эшелоне власти. Что же касается средств, то наши люди уже тогда предлагали идею инвестирования иностранного капитала в экономику страны. В частности, было предложено пригласить японцев на финансирование строительства упомянутых мною четырёх АЭС и заодно — сети автодорог с соответствующей инфраструктурой в Хабаровском крае, разумеется, предварительно подписав с ними мирный договор на взаимоприемлемой основе. Вы знаете, наверное, что между СССР и Японией мирный договор так и не был подписан, несмотря на то что Вторая мировая война закончилась более чем полвека назад? Мы также предлагали пригласить для постоянного проживания во вновь построенных атомных городках по тридцать-сорок тысяч молодых и средних лет японцев.

— Но почему вы рассчитывали на японский капитал?

— В то время международный политический расклад был такой, что самым подходящим инвестором крупных проектов для СССР могла быть только Япония.

— А зачем нам японцы для постоянного проживания на нашей территории?

— Сами не догадываетесь?

— Нет.

— М-м... Вы — человек прогрессивный, умный, меня поймёте. Мы считаем, что японские специалисты — большие мастера по строительству и эксплуатации АЭС в сейсмоопасной зоне, отлично разбираются в проблемах экологии, трепетно относятся к чистоте и первозданной красоте природной среды. Кроме того, у нас много пустующих земель. А ещё то, что японцы нашим этносам характер и кровь не испортили бы. Чем не нравится вам, например, зять-японец или невестка-японка?

— Слов нет, они — люди хорошие. М-м... Да... Ну и планы были у вас... Ладно. Как я понимаю, строительство АЭС и её эксплуатация — очень сложное и даже небезопасное предприятие. Неужели вы не предвидели возможности отказа вашему проекту со стороны Москвы отчасти и по этой причине? Разве вы не предусмотрели резервные варианты?

— Мы и не рассчитывали на немедленную поддержку нашего проекта со стороны соответствующих союзных министерств, поэтому предусматривали возможность включения некоторых механизмов влияния на нужных нам высоких персон. При этом мы надеялись, что они в нужные моменты поддержат наш проект и обеспечат его принятие. Но всё предусмотреть, оказывается, невозможно. Нам помешали два исторических события, которые произошли неожиданно для нас...

— Это какие же?

— Первое: авария на Чернобыльской АЭС, которая повергла в панику почти всех партийных и правительственных функционеров, многих учёных-атомщиков, инженеров-ядерщиков. Страх этот был настолько велик, порою даже суеверным, безотчётным, что в то время вести речь о строительстве новых АЭС в СССР считалось провокационным и даже преступным.

Второе: в государстве уже в ту пору сложилась крайне неустойчивая, не совсем понятная даже для нас политическая ситуация: истеблишменту не было дела вначале до народнохозяйственных проблем, а затем — и до судьбы государства. Эту ситуацию нам история разъяснила только потом: оказывается, что так называемые “определённые внешние и внутренние силы” планомерно вели тогда СССР к распаду. Для них это было главным делом, а на проблему Арала, равно как и на другие проблемы державы, они махнули рукой...

Окончание в следующем номере.

Иосиф БРЕЙДО

“Ещё не всё изведано...”

Завораживает властно
мерное дыхание моря,
вслушиваюсь в шум прибоя,
и в расслабленности праздной,
думаю о том, что вскоре,
принесёт прилив с собою.
С прилежаньем неопита
из песка леплю строенья,
понимаю, что волною
они будут позже смыты,
но не мучают сомненья:
смоет — новые построю.
Всё, в конце концов, конечно,
лишь вода с песком — навечно.

Инопланетянин

Я не верил долго в инопланетян,
что им делать на чужой планете,
где уже с утра бензиновый туман
разгоняет над землёю ветер.
И дымами разноцветными восход
разукрашен так, что меркнет солнце,
в маслянистых пятнах гладь озёрных вод,
красные дожди, уран да стронций...

Иосиф Вульфович БРЕЙДО

родился в 1947 г. в Киргизии на берегу озера Иссык-Куль. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1974 г. постоянно живёт в Караганде. Работает в Карагандинском государственном техническом университете заведующим кафедрой автоматизации произ-

водственных процессов, доктор технических наук, профессор. Автор поэтических книг «Метки и осколки бытия...» (2002), «Наворожи, гадалка, нам...» (2004), «Дорожная молитва» (2006), публикуется в литературных журналах России и Казахстана «Сибирские огни», «Нива» и «Простор», в республиканских и областных периодических изданиях.

Веры не было, пока июльским днём
не обжёт бы солнечным ударом
диск подсолнуха, мерцающий огнём,
между мостовой и тротуаром.
Инопланетянин! Ни клочка земли
нет под ним, дрожит на тонком стебле,
в придорожной задыхаясь он пыли,
зову солнца по привычке внемлет.
Сумасшедший шмель жужжит, ползут жуки,
дети засмеются, взглянет странник
как цветёт наперекор и вопреки
хрупкой жизни солнечный посланник.

На фоне ярко освещённых магистралей
Звезду увидишь ночью в городе едва ли.

Конечно, в этом нет трагедии иль драмы,
Сияют фонари, зовут огни рекламы.

Что звёзды, коль от них ни холодно, ни жарко,
И пользы никакой от даже самой яркой...

Но знаешь, это может показаться странным,
Никак не справиться с желаньем постоянным.

Свет выключить вокруг — и не из чувства мести,
А успокоиться, что звёзды все на месте.

Конвульсии любви, гримасы боли,
Обиды, радость, правда, ложь,
То с горем, то с удачей в доле —
Пока живёшь...
Но жизнь проходит ветром в поле.

Нам не дано сменить свой стиль,
И не избыть пристрастий прошлых,
Как цепко въевшуюся пыль
На стоптанных в пути подошвах...
Пока не догорел фитиль.

Москва

Над Красной площадью — орлы и звёзды,
Сверкают, ослепляя, купола,
И духом тех времён пропитан воздух,
Когда ещё империя жила.
Любой ценой искала ты свободу,

Но для себя. А за борт сыновей
И пасынков бросала тем в утроду,
Кто мог тебя обворожить сильней.
И новый храм воздвигла, как мечтала,
Доступный лишь для избранных персон,
В нём звоном вечно жёлтого металла
Заглушен колокольный перезвон.
Летишь легко свободной тройкой-птицей,
И помыслы вперёд устремлены,
Ты всё же стала мировой столицей
Разграбленной и брошенной страны.

От грязи, слякоти, дождей, печальных вздохов
зима избавила за час. Переполоха
она наделала, когда без подготовки
среди бела дня покрыла снегом заготовки
дождливой осени. И ты не плачь, дурёха,
зима в начале ноября — не так уж плохо.

Бродит кляча слепая привычно по кругу в загоне,
Ведь не гонит никто, но ползёт, тисась уйти от погони.

Или, может быть, вяло цепляясь за кочки ногами,
Мнит, что скачет намётом, табун догоняя лугами...

Странно, но у меня появилась привычка такая:
Убегать от себя что есть сил, свою тень настигая.

Степной родник

Сквозь толщу сопки
пройдя, возник
у самой тропки
степной родник.
Сюда прохожий
держал свой путь,
по воле божьей
передохнуть.
И птицы пели
в палящий зной,
что, в самом деле,
здесь рай земной.
И честь по чести
в короткий срок
на перекрестье
степных дорог
от грязи, пыли
в стекло, бетон

родник закрыли...
Жаль, высох он.
Полынью горькой
всё заросло,
блестит в нём только
одно стекло.

Суета, текучка, будни. Пресно и однообразно
жизнь ползёт, но ты упрямо ждёшь небесной благодати,
веришь, что наступит праздник в день особенный, прекрасный.
Год за годом пролетает, только не спешит Создатель
подарить кусочек счастья, да ещё к конкретной дате.
Оглянётся, боже правый, жизнь прошла, одни осколки,
вспомнить нечего... А если счастье в том, что просто живы:
здесь, сегодня дышишь, любишь и плюёшь на кривотолки.
Не откладывай на завтра и не вороши архивы,
научись науке трудной быть от сущего счастливым,
от весеннего рассвета, от осеннего заката,
от того, что ты сегодня улыбнулась как когда-то.

Поддень. Лето. Ляжешь под сосною,
сбросив с плеч годов прошедших ношу.
Пахнет разогретою смолою,
лёгкий ветерок ласкает кожу.
Солнце раскалённое в зените,
на камнях играют светотени.
Паутин серебряные нити
на руке, на стебельках растений,
в волосах запутались иголки,
ничего и никого не надо,
только б слышать речки голос звонкий.
Рай земной, коль есть он, где-то рядом,
в княжестве грибов и земляники,
где, прикрывшись всяческою рванью,
бродят переходные калики,
просят у природы подаянье.

Чужой

Нет рвов, не мешают заборы
Попытке движенья вперёд:
Шагни, но коль нету опоры,
Провалишься в бездны пустот.

Призывно парадные двери
Сверкают, однако, войдёт
Не тот, кто делами проверен,
А знающий правильный код.

В отчаяньи бейся об стены,
Упорно копай тайный ход,
Безропотно жди перемены,
Когда твой наступит черёд...

Бессмысленно вязнет всё в вате,
Стоит неприступно оплот.
И лозунг один на плакате:
“Чужой здесь вовек не пройдёт”.

Ещё не всё изведано,
Пока в глухих лесах
Со сказочного ведома
Творятся чудеса.
Во времена старинные
Здесь клады на века
Богатыри былинные
Зарыли в сундуках.
Но главное сокровище:
Огромный бриллиант —
Ужасное чудовище
Скрывает, говорят.
Коль кто-то попытается
Взглянуть одним глазком,
То чудище расправится
Мгновенно с чужаком.
И до сих пор под кручами
Молодчики лежат,
А сверху просто тучами
Стервятники кружат.
Но невдомёк искателям,
Что сотни лет подряд
Чудовище с приятелем
Пило бриллиант.
И по кусочкам маленьким
Он пропит так давно...
Скажите деткам баиньки,
Закончилось кино.

Хитрый умного всегда
Околпачит без труда.
Умный видит дальше тех,
Кому мил любой успех,
Понимает жизни ход,
Стратегически живёт.
Хитрый ближний чует прок:
Отхватил — и в уголок,
Там отведал, здесь схватил,

И ему свет белый мил.
В перспективе прав стратег,
Но людской недолог век.

Нет желаний искушать судьбу,
Отошёл от тщетной суеты,
От любви, от дружбы, от вражды...
Значит, ты уже лежишь в гробу.

Поэт великий написал когда-то:
“Поэзия должна быть глуповата”.
Но он сейчас бы удивился горько,
Что может быть глупа она настолько.

Пока идёт добра со злом кровавый бой,
Всегда есть шанс большой стать жертвенной овцой.

Страсть коротка. Хотя это и тревожит —
Без страсти жизнь проходит быстро тоже.

В любом свинарнике имеется элита:
Она помои пьёт из личного корыта.

Достоинство сейчас не атрибут культуры,
А только главный признак денежной купюры.

Всю жизнь решаешь сверхзадачу:
Быть впереди и на свету —
Когда идёт наград раздача,
И ловко скрыться в темноту —
Коль замаячит неудача.

Я восхищён, как ты с изяществом природным
Грань переходишь меж земным и земноводным.
То ласточкой взлетишь над грешною землёю,
А через миг вдруг оборотишься змеёю.

Светлана КУЛАКОВА

В плену у жизни

Роман

1

Соседи по купе ещё спали. Стараясь их не разбудить, Амалия привела себя в порядок, сменила футболку на голубую кофточку в крупный чёрный горошек, уложила волосы валиком на затылке и осталась довольна отражением в зеркале. Для своих лет она ещё очень даже ничего: высокий посад головы, серо-голубые ясные глаза, неглубокие морщинки под ними едва заметны, светло-пепельные волосы, посеребрённые у висков, обрамляют открытый чистый лоб.

Кто думает, что в пожилом возрасте человеку безразлично, как он выглядит, глубоко ошибается. Она и сама в молодости так думала, но с годами становилась всё чувствительнее, всё пристрастнее к проявлениям возраста и использовала все доступные средства, не требующие больших денежных затрат, чтобы поддерживать себя в приятном для собственного и постороннего взгляда состоянии.

Амалия села у окна, отёрнула занавеску. До самого горизонта простиралась бескрайняя степь, залитая ярким солнцем. А там, где она садилась в поезд трое суток назад, шёл дождь, мелкий, как сквозь сито. Несмотря на её протест, мама Вильма спустилась во двор, набросив на голову и плечи целлофановую накидку, и пока Вальтер возился у машины — заглядывал под капот, укладывал вещи в багажник — продолжала, как выражался Вальтер, пропаганду немецкого образа жизни. Впрочем, на это уже не оставалось времени, и мама Вильма только просила не позволить субъективным факторам (обиде и предубеждению) повлиять на её решение. А объективные — все говорят за Фатерланд.

— Ну а к наш мерзопакостный климат вы привыкать, — подал реплику Вальтер и широким жестом открыл дверцу машины. — Прошу, я готов.

Но мама Вильма не могла допустить, чтобы Амалия уехала с сомнением не в пользу Фатерланда хотя бы по одному пункту.

— Вальтер, зачем ты вводишь в заблуждение свою тётю? Климат здесь прекрасный, мягкий, но как и везде, год на год не приходится. Вспомни, в

**Светлана
Ивановна
КУЛАКОВА**

по образованию экономист. Многие годы работала в планово-экономическом отделе производственного объединения «Целиноградсельмаш», с конца 1990 года в течение девяти лет была главным бухгалтером редакции журнала «Нива». Пишет прозу. Её повести и рассказы публиковались в «Ниве», а также в «Просторе».

Живёт в Астане.

прошлом году в это же самое время ты участвовал в пробеге и на тебе были шортики.

Вальтер засмеялся.

— Летом немцы экономят на штанах и в любую погоду ходят в шортах. Извини, бабушка, нам пора.

Он стоял с непокрытой головой, втянув шею в ворот куртки, засунув руки в карманы. Даже непосвящённый человек без сомнения догадался бы о степени родства этих людей: черноволосого, плечистого, длиннорого двадцатипятилетнего мужчины и высокой, худой, с безупречной осанкой старухи. Их глаза с одинаковым сливообразным разрезом, живые, карие, только у неё чуть выцветшие, излучали энергию, свидетельствующую о жизнестойкости и живости характера.

А вот она, Амалия, не то по капризу природы, не то по предначертанию судьбы, имевшей далеко идущие планы, удалась в тётю Эльзу, светловолосую, светлоглазую старшую сестру мамы Вильмы. Впрочем, отец тоже был светлой “масти”.

— В этом пакете то, что нужно съесть в первую очередь, — говорила между тем мама Вильма, помогая ей расположиться в машине.

Она ещё раз поцеловала Амалию и отступила в сторону. Вальтер нажал на газ.

Сидя вполоборота, Амалия смотрела сквозь стекло и сетку дождя, как отдаляются двухэтажный особняк и стоявшая у калитки мама Вильма. Лицо уже нельзя было разглядеть, но недоступное глазу дорисовало воображение: ещё достаточно крепкая почти что восьмидесятилетняя старуха смотрит вслед удаляющемуся автомобилю и в её седой с гордым посадом голове кружат, роятся мысли, поднимая со дна памяти давно минувшие события.

Промелькнули по обеим сторонам дороги особняки под мокрыми красно-бурыми черепичными крышами, выехали на автобан — широкую, гладкую, несущуюся под колёса дорогу. Вальтер прибавил скорость, включил музыку. Немецкие маршевые мелодии давали ощущение полёта и какого-то беспричинного воодушевления. Наверное, вот так же когда-то, опьянённые бодрими маршами, пёрли полчища вермахта на восток.

Когда въехали в город, дождь кончился, но в воздухе стояла туманная пыль. В домах, магазинах, на улицах уже включили электричество. Уютно светились жилые окна, призывно манили витрины всевозможных увеселительных заведений: ресторанов, баров, пивных, кинотеатров. Да, она чрезвычайно привлекательна и притягательна — историческая родина немцев, Фатерланд, с ухоженными городами и посёлками среди живописной природы, с островерхими кирхами и особняками под черепичными крышами, с подстриженными газонами, великолепными супермаркетами, с аккуратными и добропорядочными коренными немцами, терпеливо и вежливо сносящими нашествие “бедных родственников” с востока.

Говорят, что в основе их терпимости лежит чувство вины и необходимости её искупления. Закончив послевоенное восстановление, западные немцы сочли не лишним подумать о душе, опасаясь, что там, где решается вопрос о том, кого направить в ад, а кого в рай, будет отклонён, отвергнут оправдательный аргумент, что каждый, мол, всего лишь выполнял приказ, был “винтиком” в той страшной войне.

На самом деле, пожалуй, всё не так благостно и идеально. Ведь нынешнее поколение к войне не причастно и весьма сомнительно, что оно

радеет о спасении душ своих предков. Возможно, всё прозаичнее: их нация испытывает демографический кризис — вот сколько у них стариков — и им нужны люди для неквалифицированного труда. Многие переселенцы, не найдя другой работы, нанимаются к старикам и старушкам выполнять разные работы по дому и, кстати, говорят, что эти старушки весьма привередливы.

Там, дома, ещё до поездки, ей как-то попалась на глаза статья местного профессора, побывавшего в Германии в служебной командировке. Он с восторгом повествовал, что увидел там дружбу народов: турки, югославы, итальянцы, греки, вьетнамцы и люди других национальностей занимаются в Германии коммерцией, работают на стройках, в автобизнесе, и отношение немцев к иностранцам однозначное — дружественное.

Западному человеку не пришло бы в голову ликовать по поводу дружбы народов, потому как это те отношения, которые обусловлены не личными качествами людей, их симпатиями или антипатиями, а производственными связями. Турки строят здесь не потому, что им нравятся немцы и они испытывают к ним дружеские чувства, а немцы позволяют им это делать не потому, что им нравятся именно турки, а потому, что это выгодно как тем, так и другим. А на бытовом уровне здесь бывают, как и везде, конфликты, обусловленные не нацпринадлежностью, а индивидуальными качествами людей, интересы которых пришли в противоречие.

Переезд и вживание в новую среду даётся всем, за редким исключением, нелегко, и труднее всего тем, кто не хочет довольствоваться подачками, кто имеет профессию, здоровое честолюбие, желание реализовать свои способности и не сидеть нахлебником у государства.

Комфортабельный колбасно-сосисочный рай ставит проблемы, требующие мобилизации всех сил: интеллектуальных, душевных, физических. Сам по себе переезд ставит человека в экстремальную ситуацию, а тут ему ещё приходится осваивать новый язык и новую среду обитания, подавлять проявления своего менталитета в угоду западному. Иногда, а может быть, и зачастую, это приводит к чувству несоответствия возлелеянных ожиданий реальной жизни. При более близком знакомстве то, что манило и притягивало, иногда теряет свою привлекательность и даже пугает, отталкивает. Не последнюю роль в завышении оценки жизни в Германии и последующем разочаровании играют те, кто уехал раньше. Большинство из них описывают свои впечатления в восторженных тонах отчасти из нежелания волновать своих близких, отчасти из нежелания признаться в слабости духа, в том, что спасовали, показаться неспособными: другие приспособились, а я что — хуже? Прошлым летом сын соседки, которого увезла за кордон жена-немка, прикатил на новеньком автомобиле, хвастал перед родственниками и знакомыми, что в Германии у него осталась ещё одна машина, а эту пригнал для продажи. Покатавшись пару дней, он, якобы поручив товарищам, прибывшим с ним из Германии, продать её, сел на самолёт — и был таков. Этот вояж оставил у соседей подозрение, что машина не его, что он подрядился перегнать её и, выполнив миссию, отбыл.

Благодаря семейству Шмидтов, перебравшихся в Германию пару лет назад, у которых она гостила, Амалия составила себе представление о жизни переселенцев и имела возможность судить о её плюсах и минусах.

У Андрея и Маргариты, чистокровных немцев, приличная пенсия и живут они интересами детей и внуков. Их старшая дочь Наталья замужем за немцем с примесью русской крови. Она приехала в Германию из Ташкента.

— Оставаться там было опасно, — говорит она, — рядом, в Таджикистане и Афганистане, гремит война, неизвестно, что будет в Узбекистане. Здесь, конечно, есть проблемы, главная из которых — незнание языка, но и в Узбекистане мы испытывали дискриминацию, как люди, говорящие по-русски. А здесь мы имеем материальные гарантии — жильё, пособие, и есть надежда, что дети здесь сумеют устроить свою жизнь, они неплохо говорят по-немецки. Впрочем, мы уже привередничаем, — Наталья бросает выразительный взгляд на мужа. — Он классный специалист по бытовой технике, поработал недолго в мастерской по её ремонту и уволился, не захотел иметь постоянную работу, подрабатывает то там, то тут.

— Не хватало ещё, чтобы капиталисты указывали мне, когда я должен выпить чашку кофе, — улыбается Виктор, круглолицый, добродушного вида мужчина.

— А я чувствую себя в Германии как дома, — признаётся Ирина, вторая дочь Шмидтов. — Правда, поначалу я испытывала к Германии некоторый страх в силу её исторического прошлого. Кроме того, плохо знала немецкий язык, но сейчас говорю довольно прилично. Многие переселенцы с высшим образованием и низшим знанием немецкого языка обижаются, что коренные немцы не принимают их в свои круги. Но, позвольте, людей объединяют общие интересы, возможность обмениваться информацией, без знания языка невозможно интегрироваться в общество.

Ирина — товаровед, вышла замуж за местного немца. У них антикварный магазин. Ей, конечно, гораздо легче было освоить язык, вписаться в местную среду.

А вот у Ольги, её младшей сестры, всё складывается не так гладко. Ей тридцать, у неё шестилетний сын и она работает как и Виктор: то тут, то там. Пока не освоит более или менее прилично язык, о карьере не думает. С мужем, которого привезла в Германию из Казахстана, рассталась.

— Мало того, что домашнее хозяйство, забота о ребёнке, работа легли на мои плечи, мне приходилось быть ещё ему опорой, чтобы он, чего доброго, не сломался под гнётом адаптационных трудностей, — рассказывает она. — Чем дольше я его опекала, тем труднее было с ним ладить. Скандалы изматывали не только меня, они травмировали ребёнка. И я решила заняться решением всех проблем в одиночку. Вообще-то я считаю, что в Германию стоит выезжать в том случае, когда элементарно не удаётся свести концы с концами в материальном плане, — продолжает Ольга. — Там, на востоке, остались мои лучшие воспоминания, я не могу привыкнуть к этому образу жизни, здесь я чувствую себя человеком третьего сорта.

— Ничего, — смеётся Виктор, — не привыкнешь — подохнешь, не подохнешь — привыкнешь.

— Как-нибудь, — предлагает Ольга, прощаясь, — я возьму вас на денёк к себе и вы со мной пройдёте по некоторым кругам этого рая.

Она сдержала своё обещание и однажды вечером приехала за ней.

— Да, — заметила Амалия с иронией, садясь в машину, где на переднем сиденье рядом с Ольгой восседал её отпрыск и грыз “сникерс”, — сильно сомневаюсь, что там, где остались твои лучшие воспоминания, ты бы могла покупать ребёнку “сникерс”, а уж разъезжать на собственной машине — это из “Тысячи и одной ночи”.

— Но я работала, как проклятая, у меня нагрузочка — о-го-го! — Ольга уверенно нажимает на педали, крутит баранку, выезжая на проезжую

часть дороги, — вот завтра увидите мой рабочий день. А машина — старьё, местные на таких не ездят, но это дешевле и удобнее, чем пользоваться общественным транспортом.

В отличие от многих у Ольги нет преклонения перед западным раем, она смотрит на него свысока, как Маяковский. Здесь она, видите ли, испытывает духовный, культурный голод. Амалии кажется, что Ольга не совсем искренна, несколько фасонит. Чувство удовлетворения на лице не вяжется со словами.

— Но, во-первых, у тебя нет времени испытывать голод при твоей, как ты говоришь, нагрузочке, а во-вторых, ты можешь общаться с такими, как ты, выходцами с востока. В конце концов, у тебя много родственников.

— Родственники общаются, пока живы отец с матерью, они всех нас объединяют. Их не станет — все окопаются в своих углах. Индивидуализм — это такая зараза, и здесь она особенно распространена.

Ольга из той категории людей, которые не мыслят своей жизни без общественной деятельности, без посиделок с приятельницами и соседками, коллективизм глубоко укоренился в её психологии.

Она живёт в так называемом доходном доме. У неё большая комната с электрической плитой и душевой кабиной, совмещённой с санузлом.

С сыном у Ольги получается забавный разговор, этаким синтез двух языков.

— На, — говорит Вадик, — ихь хочу компьютер.

— У меня найн гелд, — отвечает Ольга, — ком милх тринкен.

— Ну, найн, так найн, — покладисто соглашается Вадик и берёт стакан с молоком.

— А хенде мыть, — строго напоминает мать.

— Ихь нур помыл, — Вадик показывает розовые ладошки.

Утром они отвозят Вадика в детсад, а потом едут, как говорит Ольга, на подёнщину. Подёнщина у неё в ночном клубе и ещё где-то.

В призрачном свете туманного утра фасад увеселительного заведения представлял довольно заурядное зрелище, но, судя по потушенным гирляндам освещения, вечером блистал огнями, на которые слетались жаждущие общения как ночные бабочки на свет. Внутри тоже было обыденно: полутёмный зал, бар, столики.

Амалия вытирает пыль, Ольга моет полы. Закончив работу, Ольга говорит:

— Вот так бывший советский педагог вкалывает на капиталистов в западном раю. Германия — рай, когда смотришь на неё из-за границы, а когда в ней живёшь, сталкиваешься с проблемами, может быть, другими, чем там, за “бугром”, но всё равно с проблемами.

Она ополаскивается в душе, переодевается и, перекусив, они снова садятся в машину и едут в какое-то социальное ведомство. У Ольги к нему есть дело.

В длинном коридоре ожидают приёма в разные кабинеты несколько человек. Напротив, у противоположной стены, беседуют две женщины, одна рассказывает:

— У нас с мужем большая семья: два взрослых женатых сына, дочь, внуки. У мужа и сыновей востребованные рабочие профессии. Мы и в России жили неплохо, но здесь живём намного лучше: у сыновей машины, скоро купим дом. Но меня вот что беспокоит: в России чувствовали себя

немного чужими, немцами. Здесь же, в Германии, нас считают русскими. Получается, мы снова не дома?

Ольга поворачивается к Амалии, тихо говорит:

— А я не чувствовала себя чужой в Казахстане оттого, что я немка, а уехала потому, что началась свистопляска в экономике: зарплату не давали месяцами, то света нет, то газа, то тепла.

Своим приходом в социальное ведомство Ольга осталась недовольна.

— Она на меня даже не взглянула ни разу. Выписала справку — и гут бай.

— Но она сделала то, что тебе от неё требовалось?

— Да, но с каким пренебрежением.

— А я думаю, это не пренебрежение, а деловитость. У неё с тобой не личные, а служебные отношения. Она делает то, что положено по инструкции, без лишних и ненужных эмоций.

— Может быть, вы и правы, но уж очень они рациональные, эти западные люди, ни поболтать от души, ни пообщаться.

Кто прибыл в Германию сложившейся личностью, тот обречён на ностальгию. Там, на востоке, остались важнейшие вехи их жизни: школа, друзья, первая любовь, а может быть, и последующие, там сформировался их менталитет, там шло становление тонкого аппарата, называемого душой, сложился стереотип поведения.

Пройдёт немало времени, сменится поколение, прежде чем переселенцы обретут респектабельность, присущую семье мамы Вильмы. Это качество, сотканное из достоинства, преуспеяния, благопристойности, несовместимо с суетой, зависимостью от пособий.

Именно впечатление респектабельности возникло у Амалии, когда она впервые увидела маму и племянника Вальтера.

2

Поезд медленно полз вдоль платформы, и она с трепетом вглядывалась в окно, стараясь угадать среди сутолоки, обычно сопровождающей прибытие поезда, ту, о встрече с которой мечтала всю жизнь, ту, чей образ оставался неподвластным неумолимому бегу времени. На мгновение её взор невольно споткнулся на молодом черноглазом, чернобровом лице, обманувшись отдалённым сходством с дорогим образом, запечатлённым на старом фотоснимке, но она тут же спохватилась — уж если и снимку, и ей самой пятьдесят, то маме Вильме, страшно подумать, около восьмидесяти.

И вдруг, словно толчок в сердце — вот она! Вместе с иллюзорно движущейся платформой проплыла навстречу, поравнялась и отступила назад исполненная неподражаемого достоинства пара: высокий плечистый молодой человек в джинсах и тёмно-синей спортивной куртке с букетом в руке и под стать ему старая седовласая дама в сером брючном костюме. В отличие от достаточно небрежно одетой публики они выглядели нарядными, но всё же не одежда определяла основное впечатление, а особая уверенная стать, достоинство этой пары.

Амалия сопровождала их взглядом, поскольку никто другой не привлёк её внимания. Поезд между тем остановился, взгляды дамы и молодого человека скользнули по окнам её вагона и вот... долгожданная минута! Их взгляды, её и дамы, встретились и произошло узнавание, не зрительное, ведь они расстались более пятидесяти лет назад, а на уровне чувств.

Молодой человек, перехватив их взгляды, лёгким шагом вошёл в вагон.

— Если не ошибаюсь, вы есть тётя Амалия, — произнёс он вопросительно и, получив утвердительный ответ, продолжил: — добро пожаловать, я есть ваш племянник Вальтер.

Он подхватил её вещи и, выйдя вслед за ним из вагона, она попала в родные объятия.

Потом они ехали в великолепном автомобиле. Вальтер сидел за рулём, а они с мамой Вильмой на заднем сиденье. Мама Вильма всю дорогу держала её за руку и не сводила глаз с её лица. Трудно, наверное, матери признать в пятидесятилетней женщине своё дитя, с которым рассталась, когда ему было всего лишь чуть более трёх лет от роду.

— Ах, эта брошь! Она сохранилась с тех пор! — мама Вильма только теперь обратила внимание на украшение, которое Амалия приколотла к платью как опознавательный знак на случай, если бы они не узнали друг друга.

Вальтер привёз их в загородный дом семьи, где они с мамой Вильмой провели двое суток в бесконечных разговорах и воспоминаниях. А рассказать и той, и другой было о чём, ведь врозь прошла без малого целая жизнь.

Сразу по приезду ей была предложена ванна, и пока она блаженствует в ароматной пене среди голубого фаянса и кафеля (дома это удовольствие омрачается необходимостью греть воду на газе в большой кастрюле и носить в ванну, потому что летом, как правило, горячее водоснабжение отключается на ремонт, да и интерьер ванны не столько изыскан), мама Вильма с прислугой, женщиной лет сорока, накрывает стол к ужину.

Из ванны, облачённая в мягкий халат, приготовленный заботливыми руками мамы Вильмы, она препровождается на почётное место за столом, уставленном яствами. Её намерение переодеться в приличествующее застолью платье не поддерживается, из солидарности мама Вильма тоже в халате — «попроще, непринуждённое, хочу, чтобы ты чувствовала себя как дома».

Сама она ест мало, но то и дело подкладывает Амалии. Амалия не возражает, не жеманится — всё вкусно, да и аппетит разыграл после дорожной сухомятки. Она чувствует, как пылает лицо от рюмки вина, а мама Вильма улыбается: «Румянец тебя так украшает».

На второй этаж ведёт уютная деревянная лесенка, устланная ковровой дорожкой. Из небольшого холла — четыре двери. Мама Вильма открывает одну из них, пропускает её вперёд.

— Здесь твоя спальня, располагайся, я отдам распоряжение прислуге на завтрашний день и приду попрощаться на ночь.

Прощаться на ночь! Ах, мама Вильма, характер стойкий, нордический, упрямый. Кто же, встретившись после столь долгой разлуки, сможет уснуть? И ты не уснёшь, знаю. Учтивые реверансы — не для нашего случая. Амалия остановилась перед окном, за которым темнели деревья, надвигалась ночь чужой Германии. Сколько мужества, воли, ума надо было иметь, чтобы в одиночку справиться с проблемами, преодолеть препятствия, о сути которых можно только догадываться, и в конечном счёте прийти к столь достойному финалу.

Деликатный стук в дверь, на пороге мама Вильма с подносом.

— Ты ещё не легла, Майечка? Выпей молоко с мёдом, хорошо способствует засыпанию.

Майя — это её второе имя, данное мамой Вильмой, а Амалия — имя, полученное от бабушки в честь её матери. У немцев двойные имена не

редкость. Для людей, знающих её смолоду, она Майя, Амалией же представляется при знакомстве с людьми с недавних пор, как бы ознаменовав этим переход к зрелости.

Приняв поднос, Амалия поставила его на тумбочку.

— Спасибо, мама Вильма, здесь две кровати. Может, мы расположимся вдвоём в этой спальне? Поговорим, пока не уснём, мне так не хочется с тобой расставаться даже на ночь.

— Я бы с удовольствием, но я много ворочаюсь ночью, боюсь, буду тебе мешать, ведь я так стара, доченька, а тебе с дороги надо отдохнуть.

— Увы, я тоже уже не первой молодости и тоже ворочаюсь, будем ворочаться вместе, — возразила Амалия.

— Если ты настаиваешь, пусть будет по-твоему, — с видимым удовольствием согласилась мама Вильма, — если откровенно, мне тоже не терпится поговорить. До воскресенья мы с тобой здесь, как на необитаемом острове, кроме приходящей прислуги — ни одной души, — говорит мама Вильма, разбирая свою постель, — а в воскресенье семья соберётся в полном составе, и я рада буду представить тебя как ещё одного её члена.

— Боюсь, им трудно будет поверить в наше родство, я бы на их месте заподозрила новоявленную родственницу в самозванстве, — шутит Амалия. — Судя по Вальтеру, мой брат пошёл в тебя. Сестра тоже такая же чернявая?

— Извини, одну минутку, — мама Вильма выходит и возвращается с фотоальбомом.

Амалия тоже привезла конверт с фотокарточками.

Двух суток едва хватило, чтобы восстановить в общих чертах цельную картину событий последних пятидесяти лет, прежде разорванную надвое. А как хорошо всё начиналось на Кавказе.

3

Бабушка и тётя Эльза часто вспоминали свою деревню на Кавказе, где они жили до войны.

— Чистенькая, зелёная, как на картинке. Каждый хозяин метёт, убирает возле своего двора до середины проезжей части улицы, если не приберёт — штраф, да ещё на сходе пропесочат. Там ни революции, ни гражданской войны не было. Слышали, что где-то воюют, а у нас было спокойно. Приехал как-то уполномоченный из района, собрал сход, рассказал, что в России революция, царя скинули, теперь свобода, вся власть Советам. Велел красный флаг над конторой водрузить. Советы так советы. Никто не возражал. Благословенный край, — у бабушки на глаза наворачивались слёзы.

— Я тоже кое-что помню, — подключалась к воспоминаниям Майя. — Помню нашу с тобой, бабушка, спальню. Ты встаёшь рано, я тоже просыпаюсь, но не подав вида, что проснулась. В щёлочку из-под одеяла подглядываю за тобой, как ты одеваешься. Мне нравятся твои белоснежные нижние юбки, корсеты, отделанные кружевом. Отогнав корову, ты поднимаешь меня: “Майечка, вставай, знаю, что не спишь”. Тётя Эльза с дядей Алексом уходят на работу, а мы с тобой неторопливо пьём кофе со сливками, то есть ты — кофе, — а я — сливки.

— Неужели помнишь? — умиляется бабушка.

— Хорошо жили, пока война не началась, — говорит тётя Эльза.

— Нет, наши беды начались раньше, — поправляет её бабушка. — Хорошо жили, пока не потеряли Вильму.

Постепенно из разрозненных воспоминаний бабушки и тёти Эльзы у Майи сложилась более или менее цельная картина истории её семьи, спокойное течение которой было нарушено загадочным исчезновением мамы Вильмы. Майя не помнила её, потому что тогда была ещё слишком мала.

4

... У них была небольшая разница в возрасте, около двух лет, но внешне они отличались как день от ночи. Старшая — белокурая, голубоглазая Эльза и характером вышла в мать, образец воспитанной, добродетельной, домовитой немецкой женщины. Она помогала родителям по хозяйству, занималась рукоделием: вышивала, вязала. Кареглазая, черноволосая в отца — Вильма отличалась живостью характера, была честолюбива, стремилась быть на виду и не имела ни малейшей склонности к домоводству. В четырнадцать лет, как в своё время и Эльза, она уехала в город, чтобы продолжить учёбу в школе-десятилетке с педагогическим уклоном, но вкусив городской жизни и свободы от родительской опеки, не захотела следовать примеру старшей сестры, вернувшейся в деревню и ставшей сельской учительницей в школе, где директором был отец, а поступила в вуз.

... Подходили к концу её летние каникулы, приближалось время отъезда — предстоял последний курс института.

— Видела сегодня в сельмаге нашего нового ветеринарного доктора, покупал кофе, — сказала как-то мать за ужином, ставя на стол миску со штруделями, — приятный молодой человек... и не женат, — добавила она через паузу, значительно посмотрев на Эльзу.

— Уж не собираешься ли ты меня сосватать? — пожала плечами Эльза.

— Почему бы и нет? Хватит чужих детей воспитывать, пора завести своих. И если не ты, то я постараюсь, чтобы он достался мне в зятя, а не Сомовым или Вейсам.

— Мне не нравится твой ажиотаж, — заметил отец. — Эльза девушка видная, достойная и не нуждается в посторонней помощи, — он ласково посмотрел на дочь, как бы любуясь своим произведением.

— Не согласна с тобой. Испокон веков родители подыскивали партии своим детям, и семьи были, не в пример нынешним, крепче. Любовь любовью, а расчёт всё же надёжнее. Любовь безрассудна, непостоянна, переменчива, а брак — благочестивый союз, основанный на взаимном уважении, общих интересах и не в последнюю очередь на материальном достатке. И доктор, на мой взгляд, отличная пара для Эльзы. А на него, как мне сказала тётя Эмма, имеют виды Сомовы и Вейсы.

— Тем более, — возразил отец, — надеюсь, ты не унизишься до соперничества с ними?

— Предоставь это мне. Ты забыл, как я сосватала Георгия для Греты? Никому и в голову не пришло, что это моих рук дело. Если взяться с умом...

— Мама, ты так рассуждаешь, как будто меня здесь нет, — упрекнула Эльза, вытирая пальцы салфеткой и встав из-за стола. — Я настаиваю, чтобы ты не предпринимала никаких действий, меня это оскорбляет, а кроме того, возможно, я доктору не понравлюсь, возможно, у него есть невеста, возможно, он не собирается жениться.

Из-за этих разговоров, ещё не зная Алекса, Эльза почувствовала к нему даже некоторое предубеждение.

На следующий день, возвращаясь с работы — уже готовились к новому учебному году — Эльза по поручению отца зашла в контору, чтобы сделать заявку на столярные работы для школы, и в коридоре встретила председателя колхоза Рихтера. Он шёл с незнакомым высоким худощавым молодым человеком, и Эльза догадалась, что это и есть тот самый ветеринарный доктор, за которого мать мечтает выдать её замуж.

— Эльза Антоновна, вы ещё не знакомы? Александр Яковлевич — ветеринарный врач, — представил Рихтер молодого человека, — а Эльза Антоновна — наш педагог.

Когда молодые люди обменялись дежурными фразами, Рихтер сказал:

— Извините, Эльза Антоновна, нас ждут на ферме. Если у вас дело, Пауль Иванович на месте.

Надо полагать, смотр невест состоится в ближайшее воскресенье, подумала Эльза. Воскресными вечерами в клубе играл самодеятельный оркестр, были танцы. В них принимали участие и женатые, и пожилые пары. Сделав тур-другой, одни уходили, другие рассаживались на скамьях вдоль стен. Здесь прогнозировались браки, замышлялись сватовства, а порой и интриги, здесь формировалась общественная котировка невест и женихов.

В тот воскресный вечер Вильма убежала из дому пораньше. Она заглянула в кухню, где Эльза с матерью домывали посуду, чмокнула мать в щёку, крутнулась перед зеркалом, вделанном в створку шкафа, выдернула из вазы, попавшей в поле её зрения, красный бутон дикой розы, приколотла к волосам, и её тёмно-красная кофточка в чёрный горошек мелькнула за окном.

Эльза условилась с Кларой, подругой и коллегой, встретиться у входа в клуб за несколько минут до начала танцев, и вышла из дому с отцом и матерью, направлявшимися к приятелям, с которыми дружили семьями. Ей было по дороге с ними.

Перед клубом уже было многолюдно. Одни из принаряженных односельчан степенно прохаживались среди цветников, другие стояли группами. Со всех сторон раздавались приветствия, и отец с матерью задержались возле одной из групп.

Эльза окинула взглядом собравшихся. Вот активистка Марта Кох крутит пуговицу заведующему клубом и что-то энергично доказывает. Группа молодых парней поглядывает на стайку девушек, а те хихикают и стреляют глазами в противоположную сторону. Там, среди студентов, приехавших домой на каникулы, стоит Александр, Алекс — так зовут его те, кто знаком с ним поближе. Эльза не рассмотрела его в момент знакомства, в памяти запечатлелись только улыбающиеся светлые глаза. Теперь, со стороны, она отметила высокий лоб, прямой, красиво очерченный нос. Он поймал её взгляд и издал учтиво раскланялся. Среди его окружения яркой экзотической внешностью выделялась Вильма. Густые волосы крупными завитками ниспадали на плечи, приколотый цветок делал её похожей на Кармен, изображавшуюся на парфюмерных коробках.

Перехватив взгляды, которыми обменялись Эльза и Алекс, она, взяв Алекса за локоть, подвела к родным и представила:

— Мой папа, Антон Францевич, директор школы, мама, Дора Ивановна. С Эльзой, моей сестрой, как я поняла, вы знакомы.

Состоялся приличествующий случаю обмен любезностями.

В клубе заиграл оркестр, и публика потянулась в зал. Вильма нетерпеливо оглянулась, взяла Алекса под руку, мать неодобрительно взглянула на неё, отец откланялся, Алекс вопросительно посмотрел на Эльзу.

— Вы идите, я обожду Клару, — сказала она.

Когда они с Кларой вошли в зал, там уже всюду кружились пары.

— Пожалуй, нам ходить на танцы без своих кавалеров уже неприлично, — заметила Эльза, — придётся сидеть на скамье.

Но к ним уже разогнались два студента.

— Разрешите пригласить? — они галантно расшаркались.

— А мы с Кларой уже подумываем, не подать ли нам в отставку по возрасту, посмотрите, какая молодёжь подросла, — Эльза обвела взглядом танцующих, среди которых было много вчерашних школьников.

— Какой вздор! Вы же наши ровесницы, мы готовы с вами танцевать до утра, — великодушно возразили кавалеры.

На второй танец они с Кларой обменялись партнёрами, а Вильма снова танцевала с Алексом. Она в тот вечер была ослепительна, и парни робели оспаривать её у малознакомого и более respectable кавалера.

Не только Эльза, все, и танцующие, и сидящие у стены, с повышенным интересом наблюдали за этой парой. Вильма внесла сумятицу в планы и намерения многих.

Заведующий клубом, видимо, решил отнять у неё монополию на партнёра и объявил игру “Ручеёк”. Участники становились парами, взявшись за руки и подняв их вверх, образуя арку. Под этой аркой постоянно двигался ручеёк из оставшихся без партнёра, которые уводили с собой любого приглянувшегося, становясь с ним в конец арки. Вот тут-то одна из девчонок посмела увести Алекса, а потом и остальные, осмелев, веселясь и хихикая, уводили его друг у друга, а он только покорно и добродушно улыбался. Оставшись без партнёра, Эльза увела визави Алекса, молоденькую девчонку, предоставив ему самому выбрать пару. Она видела, как он после минутной заминки — видно, колебался, не выйти ли из игры — всё же нырнул под свод рук и крепко взял её за запястье.

В тот момент заиграли вальс. Эльза подозревала, что это опять-таки проделка заведующего клубом, отца Аделины, одной из её учениц. Он явно подыгрывал в её пользу.

— Очень мило, — говорил Алекс, кружа её, — но я чувствую себя переростком-второгодником, ведь мне уже двадцать шесть.

— Мне двадцать два, и я испытываю то же. Мы с Кларой только что об этом говорили, кроме того, наш статус учительниц налагает определённые ограничения.

— Если вы не против, — оживился Алекс, — мы бы могли погулять на свежем воздухе.

— С удовольствием. Думаю, Клара и Вильма присоединятся к нам.

— Какая глупая игра этот “Ручеёк”, — говорила Вильма, поправляя причёску, — он бы ещё жмурки затеял, — кивнула она в сторону заведующего клубом.

— Оно и понятно, — улыbnулась Клара, — а мы с Эльзой так не считаем. Если б не “Ручеёк”, ты бы завладела Алексом безраздельно.

Вышли. С августовского неба мигали звёзды. Слева опрокинутым ковшем разлеглась Большая Медведица. Сияла полная луна. Облака,

перемещаемые слабым ветром, время от времени заслоняли её, создавая впечатление, что это луна скользит за облаками, подглядывая сверху на земных обитателей.

По улице, засаженной пирамидальными тополями, они спустились за околицу. Справа, за огороженным загоном, темнела конюшня.

— Слышите? — Вильма потянула носом воздух, — запах конюшни мне знаком с детства, я здесь частенько бывала. Дядя Вилли учил меня верховой езде. А Эльза боится сесть на коня. Корову доить не боится, а ведь корова опаснее — у неё рога. Я корову боюсь.

— Какой же вы ещё ребёнок, — улыбнулся Алекс.

Заслышав людей, заржала лошадь, за ней другая. С ближайшего стога с недовольным криком взлетела сова. Она медленно и низко спланировала у них над головами, отчего Клара испуганно присела.

— Как я боюсь этих сов, у них такой потусторонний крик.

— По-моему, сова сама нас испугалась, — заметила Эльза, — и лошади встревожены. Пойдёмте-ка лучше назад, в деревню, а то мы всю живность перепугаем.

— Я полагала, мы дойдём до речки, на мостике посидим, лягушек послушаем, — разочарованно произнесла Вильма.

— О нет! — взмолилась Клара. — Не хватало ещё наступить на лягушку.

— Вот вам, Алекс, образчики деревенских кисейных барышень, — вздохнула Вильма. — Ну что ж, мне остаётся поугадать сонных сов и кисейных барышень, — и она издала пронзительный свист.

Испуганно закричали в зарослях совы, откуда-то из травы выскочила зверушка и, испуганно заматавшись, перебежала тропинку.

— Бедный папа, — сказала Эльза, — он пребывает в глубоком заблуждении, полагая, что его воспитательные меры возымели действие, что его сорванец наконец-то остепенился. Он так горд, что его дочь учится в институте.

— Но, Эльза Антоновна, — возразил Алекс, — институт не то место, где остепеняются, по себе знаю. Получив относительную свободу, вчерашние школьники впадают в эйфорию. Я и сам в студенческие годы куролесил.

— Алекс, вас не угнетает, не приводит в уныние перспектива остаться на всю жизнь в деревне? Для меня это невыносимо. Я вот приехала, но утешаюсь мыслью, что это не навсегда. К концу каникул я сгораю от нетерпения вернуться в город, — сказала Вильма.

— Но ваши родители живут всю жизнь в деревне, и на мой поверхностный взгляд — счастливы.

— Они пожилые. Для папы работа — смысл жизни, для мамы — семья, хозяйство.

— А вы думаете, у городских другой смысл жизни? Тоже — работа, семья. Только на работу добираются по часу, да за продуктами бегают в магазин. Но за какими продуктами! Им и не снились те свежие сливки, с которыми вы здесь пьёте кофе.

— Нет, духовную пищу я не променяю ни на какие сливки и сметану.

— А вы, Эльза Антоновна, что вы скажете? — поинтересовался Алекс.

— Признаюсь честно: я люблю свежие сливки и сметану, — отдалась шуткой Эльза.

5

Эльза любила свою деревню. Эта привязанность особенно окрепла, стала осознанной за годы учёбы в городе. Город был ей чужд. Всё в нём не выдерживало сравнения с её деревней: шумные, зачастую неухоженные улицы, дымные хвосты над фабричными корпусами, грохочущие трамваи, озабоченные люди, которым до неё нет никакого дела. С детства уважительное отношение односельчан к её родителям проецировалось и на неё, она была в курсе общественной жизни. А в городе ей было одиноко. В классе подобались девочки бойкие, задорные, лихие, сфера их интересов уже простиралась за пределы школы и семьи. Она же была тихой, домашней, мечтательной. В свободное от учёбы время читала. В городской библиотеке её заметили, приглашали на диспуты, позволяли выбирать книги по ту сторону барьера, куда рядовые посетители не имели доступа. Так бы эти три года прошли “без слёз, без жизни, без любви”, если бы не появился Валя Демченко.

Он пришёл к ним в девятом классе — невысокий черноглазый паренёк в гимнастёрке с братова плеча. Вошёл в класс и шутливо представился: “Демченко Валентин Владимирович. Где у вас свободное место?”.

Он тоже приехал из деревни, где не было школы-десятилетки, и тоже поселился на частной квартире недалеко от дома, где снимала комнату Эльза. Он часто приходил к ней то за учебником, то просто так, и Эльзе, трудно сходявшейся с одноклассниками, с ним было легко и просто.

На летние каникулы они разъехались по домам, а когда первого сентября встретились в школе, она мысленно ахнула — Валентин вытянулся, превратился в стройного чернобрового красавца.

Он по-прежнему часто приходил к ней, и когда она, заболев, неделю не посещала школу, навещал её каждый день. Вильма, к тому времени перебравшаяся к ней, заведя его в окно, говорила: “Твой Иван идёт”. В разговоре с Эльзой она шутя называла Валентина Иваном как бы по аналогии с молоденькой хозяйской дочкой, вышедшей недавно замуж за Ивана.

Эльза смущалась. Ей было радостно, грустно и тревожно. Она была влюблена. Оставаясь дома одна, подолгу рассматривала своё отражение в зеркале. Что ж, она не красавица, как Галя Наймушина, не такая яркая, как Вильма, но, в общем, не хуже других. Порой ей казалось, что и Валентин к ней равнодушен, но чаще её мучили сомнения. Вокруг него увивались бойкие, весёлые девчонки, и ей казалось, что с ними ему интереснее.

Однажды Валентин признался ей, что пишет стихи. Это было в десятом классе. Уже пахло весной, капало с крыш. Он пришёл к ней весёлый, воодушевлённый.

— Математичка с ума сошла — задала столько задач! И когда? Весной!

Эльза великодушно предложила:

— Я всё решила, хочешь — списывай.

Он с притворным ужасом посмотрел на неё.

— Ты железная девушка, Эльза! Взгляни-ка вокруг, ведь весна же, какие задачи! Нет, я не стану списывать. У меня вот здесь, — он ткнул пальцем там, где предполагалось быть сердцу, — поэзия. Я даже написал стихи. И потом: наша жизнь скоро сделает крутой поворот. Как она сложится дальше? Вот так и разойдёмся, как в море корабли?

Эльза взглянула ему в глаза. Он говорил о том, чем её мысли были заняты всё последнее время. Её сердце тревожно дрогнуло. Она не успела ответить, да и не знала — что. В дверь постучали, пришла Рита Завьялова.

— Шла мимо, думаю: зайду-ка на минутку к Эльзе. А, и ты здесь, Демченко! Видела тебя вчера в кино. Что за девица с тобой была? Ничего из себя, пышечка. Ты, Эльза, его гони, а то задачки решать — к тебе, а в кино — с пышечкой.

Через несколько минут она ушла, многозначительно сказав: “Не буду вам мешать, совет да любовь”. В контексте с пышечкой это прозвучало издевательски по отношению к Эльзе, и она, чтобы Валентин не видел её угасшего лица, подошла к окну, открыла форточку. Весеннее яркое солнце слепило глаза, а на душе было тускло и пасмурно. Валентин что-то говорил ей о своей старшей сестре, приехавшей навестить его со своей подругой, но неискушённая в интригах, Эльза поддалась на провокацию Риты и сказала с вызовом:

— Зачем ты мне всё это объясняешь? Какое мне дело до того, с кем ты ходишь в кино? Они думают, что я влюблена в тебя. Как будто весь смысл жизни в любви.

— А в чём смысл? Ты знаешь?

— Думаю, что да. “Если б вся цель жизни состояла только в личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адом... Но хвала Вечному Разуму, хвала попечительному Промыслу! Есть для человека и ещё великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца — мир исторического созерцания и общественной деятельности...”.

Уже в середине этой длинной цитаты из Белинского Эльза почувствовала, что её заносит не туда, что говорит она не то, что думает, но остановиться уже не могла и, закончив, упрямо повторила: “Да-да, созерцания и деятельности”.

— Это литература, а жизнь — другое, — ответил Валентин.

Потом она жалела о своей вспышке. Оказалось, что она чрезвычайно самолюбива и ревнива, оказалось, что самолюбие сильнее любви.

Этот эпизод оставил непреодолимое чувство обоюдной неловкости, вскоре после выпускного вечера они уехали каждый в свою деревню и уже не встречались никогда.

С тех пор она всех молодых людей примеривала к Валентину, сравнивала, сопоставляла с ним. Когда впервые услышала об Алексе, мысленно представила его высоким, черноглазым, чернобровым, как Валентин, и была несколько разочарована, увидев высокого, но светлоглазого и светловолосого молодого человека.

6

Теперь, когда Вильма сделала “заявочку” на Алекса со всеми вытекающими последствиями: любопытством окружающих, пересудами, соперничеством, Эльза испытывала некоторое облегчение, обрела покой, уверенность, независимость. Она не была влюблена, и если Алекс отдаст предпочтение сестре или другой девушке, ни её чувства, ни её самолюбие не пострадают. Она палец о палец не ударит, чтобы увлечь Алекса в угоду

матери, она отдастся на волю судьбы. Такое направление мыслей, нехарактерное для девушки в критическом возрасте, сложилось у неё под влиянием отца, относившегося к жизни философски. Как-то, когда разговор зашёл о дяде Вилли, которого преследовали неудачи, отец сказал: "Он слишком активно пытается строить свою судьбу вопреки обстоятельствам, много суетится". Но главным в её спокойствии было, конечно, то, что она не была влюблена. Валентин всё ещё занимал главное место в её сердце.

То, что они с Вильмой пришли домой вместе, несколько остудило пыл матери, кипевшей негодованием из-за того, что Вильма расстраивает её планы, и она ограничилась замечанием, что девушке не следует вешаться на шею мужчине.

— Во-первых, я не вешаюсь, а во-вторых, у тебя средневековые понятия об отношениях мужчин и женщин, — возмутилась Вильма. — Отец, ты тоже так считаешь?

— Если ты имеешь в виду то, что, во-первых, то есть, что ты вешаешься на шею, то нет, не думаю, если же ты имеешь в виду то, что, во-вторых, то есть, что у твоей мамы средневековые понятия, то да, есть маленько, — разрядил обстановку отец.

— Это всё ты, Эльза. Мама, глядя на тебя, и меня хочет видеть кисейной барышней, — упрекнула сестру Вильма.

— У тебя другой темперамент, характер, и я счастлив, не следует требовать от тебя не быть самой собой. Ты другой цветок, с другим ароматом, и я рад, что вырастил такую прекрасную "клумбу", — отец перевёл взгляд с одной дочери на другую.

— Всё правильно: я мальва, а ты шиповник, — примирительно сказала Эльза.

— Мама, как ты смотришь, если мы устроим вечеринку по случаю моего отъезда в следующее воскресенье? — спросила Вильма, отправляясь спать.

Видя, что мать медлит с ответом, Эльза поддержала сестру:

— Я испеку пирог, ведь, как известно, путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Вильма, надеюсь, ты пригласишь Алекса? Мамочка, не волнуйся, ты заполучишь зятя, это сделает если не одна, так другая твоя дочь.

— Я бы предпочла, чтобы это сделала старшая. Всё должно идти по порядку.

— Ох уж эта немецкая любовь к порядку, — подсадовала Вильма, — можно умереть со скуки. Я ухожу спать.

Отец тоже удалился в свой кабинет почитать перед сном древних философов. В последнее время он перечитывал некоторых из них: Сенеку, Плутарха, из более поздних — Монтеня. Это доставляло ему удовольствие. Иногда он зачитывал выдержки Эльзе, и она удивлялась, что то, о чём размышляли древние философы, актуально и в наши дни.

— Я приобщился к этому кладезю мудрости поздно, в зрелом возрасте, но ты можешь сделать это раньше, не упускай такой возможности, — говорил он Эльзе.

— И что было бы, если бы ты приобщился раньше? — насмешливо спрашивала мать. — Ты бы женился на этой гордячке Анне и жил бы в городе.

Гордячка Анна присутствовала на одной из отцовских фотографий студенческих времён. Во втором ряду группы рядом с молоденьким чернобровым

отцом сидела жгучая брюнетка с красивым волевым лицом. Как-то отец имел неосторожность сказать, что Анна умница. И эта фраза засела в голове матери ранящим гвоздём. Она никогда не ревновала мужа к окружающим реальным женщинам, хотя среди них были молодые и красивые. Только гордячка Анна вызывала в ней непонятную досаду, хотя она и сама была не лыком шита, имела среднее медицинское образование, в молодости работала медсестрой, но когда родилась Эльза, посвятила себя только семье.

— Нет, — отвечал отец, — я бы не женился на умнице Анне, потому что в ту пору мы оба были увлечены идеей всенародного счастья, а потом я встретил тебя, и такие прекрасные дочери могли родиться только у нас с тобой. Но, читая древних философов, я бы избежал многих мировоззренческих ошибок. Мудрый ведь не тот, кто много знает, а тот, кто знает главное. А древние пишут о главном, потому-то их творения актуальны поныне.

Эльза поцеловала мать, оставшуюся в кухне, заглянула к отцу, пожелав спокойной ночи, и тоже пошла спать.

Вильма уже лежала в постели, закинув тонкие загорелые руки за голову.

— Как меня раздражает мамина навязчивая идея, — сказала Эльза, разбирая постель. — Тебе хорошо, ты уедешь.

— Но ты сама захотела остаться в деревне.

— Да, это так, и моё отношение к деревне не изменилось, но меня задевает та суета, которую привнесло в нашу жизнь появление Алекса.

Вильма вопросительно подняла брови.

— Разве он тебе не нравится, сестрёнка?

— Он симпатичный, приятный человек, но для замужества этого мало. Должно быть ещё чувство, хотя мама это отрицает.

— Мама не отрицает. Она считает, что чувство появится потом. Её можно понять. Она переживает за тебя, боится, что твоя жизнь не будет устроена. В деревне ты самая видная, самая красивая, самая уважаемая, самая-самая невеста, а женихов, достойных тебя, нет. Есть хорошие ребята, но они не смеют и подумать о тебе, ты на недосягаемой высоте. И тут появляется Алекс. Естественно, мама не хочет упустить такой случай.

— Такой ажиотаж, можно подумать, я старуха. Впрочем, я что-то тебя не понимаю. Разве мы не соперницы?

— Я? — Вильма скорчила удивлённую гримасу. — Алекс типичный скучный добропорядочный немец, и у меня к нему чисто познавательный интерес без далеко идущих планов. Не стану отрицать, мне было приятно в его сопровождении. Согласись, какими бы достоинствами и добродетелями ни обладала женщина, окончательный, завершающий штрих в её оценке окружающими, особенно в деревне, придаёт мужчина, который рядом. Приди я на танцульки с подружкой, я бы не произвела того впечатления, которое ты могла наблюдать. А кроме того, я подумала: пусть уж лучше он будет со мной, чем допустить, чтобы им завладели эти клуши Аля и Марта. Я хоть и противоречу маме, но это так, кураж, заявка на свои права и свободы, а в глубине души солидарна с ней. Лучшего жениха для тебя нет.

Вильма вдруг села на постели и внимательно заглянула Эльзе в глаза.

— Или ты всё ещё думаешь о Валентине?

Эльза промолчала и, почувствовав, что затуманившийся взгляд выдаёт её, погасила свет.

— Давай спать, — сказала она уклончиво. — Я бы предпочла, чтобы всё шло своим чередом.

7

И всё пошло своим чередом. Утром, чуть свет, она встала доить корову. Летом, пока не начались занятия в школе, утреннюю дойку она добровольно взяла на себя, жалея мать. Старый рыжий кот как всегда выскользнул вслед за ней, путаясь под ногами, подобострастно заглядывая ей в глаза, облизываясь и подхалимски мурлыча. Услышав скрип двери, вылез из-под крыльца, потягиваясь, дворовый пёс и тоже, виляя хвостом и преданно глядя в глаза, свидетельствовал своё почтение.

По утрам уже было светло. Эльза, одетая в лёгкий халатик, поспешила в тепло коровника, а кот, брезгливо фыркнув, остался за дверью сарая. Красавица Зорька неторопливо повернула свою умную голову навстречу Эльзе и ласково ткнулась тёплыми ноздрями ей в плечо. Потрепав бурёнку за шею и пододвинув скамеечку, Эльза села к вымени. Корова, скосив на неё прекрасный, с поволокой, глаз, приняла удобную стойку.

Когда Эльза вышла из сарая с полным ведром, кот с истошным воплем, будто голодал не один день, бросился под ноги и бежал впереди, задрав хвост. Пёс проводил кота умным снисходительным взглядом, но сам не тронулся с места. Плеснув в кошачью миску и поставив ведро в сенях, Эльза возвратилась к Зорьке, напоила её и выгнала на окраину села, где она обычно присоединялась к общему стаду, направлявшемуся на пастбище. На этот раз они запоздали, стадо ушло, и ей самой пришлось нагонять его вместе с коровой.

Возвращалась с Оскаром Верле, который тоже запоздал со своей бурёнкой. Оскар работал слесарем, но больше был известен как прекрасный мастер-краснодеревщик. Книжный шкаф в отцовском кабинете — его рук дело. Но самым любопытным было то, что этот худощавый, стройный, с интеллигентным лицом человек лет сорока — религиозный сектант. Говорили, что он читает проповеди на собраниях. В пятом классе училась его дочь, тихая, застенчивая, миловидная девочка. Дети сектантов, как правило, были незаметными, не участвовали в общественной жизни, не вступали в пионеры, в комсомол. Дети-атеисты относились к ним небрежно, порой дразнили, но сектанты не поддавались, вели себя кротко, и до серьёзных эксцессов не доходило.

Оскар учтиво поздоровался, похвалил погоду, рассказал, как съездил в райцентр за кое-каким инструментом и как ему там не понравилось. Эльза выразила взаимопонимание.

Оскар производил на неё наилучшее впечатление и совсем не вписывался в образ тёмного, замшелого или наоборот, воинствующего сектанта, созданный пропагандистскими органами в средствах массовой информации. Не укладывалось в голове, что такой развитый, преуспевающий в ремёслах интеллигентный человек заблуждается, поддавшись на “происки империализма”. Эльза поделилась своими мыслями по этому поводу с отцом и неожиданно для себя услышала:

— Многие признанные учёные не исключают возможности существования Бога, по замыслу которого возникла вселенная и человек. Поверить в случайное развитие из простейшей живой клетки такого сложного организма как человек, это всё равно, что поверить, будто смерч, несущийся над беспорядочно разбросанными обломками судна, выброшенного на берег, способен собрать судно.

— Так, значит, ты?.. — Эльза ошеломлённо смотрела на отца. — Ты верующий? Но почему ты нас не посвящал?

— Каждый разумный человек рано или поздно сам задаётся вопросом мироздания. Но однозначного ответа нет, во всяком случае, у меня. Существуют разные теории, течения. Теория божественного начала общественным мнением не одобряется и даже более того. Я не считаю нужным афишировать свои мысли, тем более, когда нет твёрдой убеждённости.

— У Оскара, надо полагать, она есть, поскольку он взял на себя проповедничество? Ты не беседовал с ним на эту тему?

— Было дело. Он сам заговорил, когда мастерил мне шкаф. Потом приносил брошюры.

— И что в них?

— В общих чертах: первоначально замысел Бога состоял в том, чтобы Земля была населена праведными совершенными людьми. Неповиновение Адама и Евы не свело Божий замысел на нет, но всё же повлекло за собой некоторые изменения. Бог позволил человечеству жить самостоятельно без его руководства. Эта независимость от руководства свыше показала неспособность людей управлять своими ближними на благо всем, человечество погрязло в войнах, насилии, болезнях, нищете. Но он отпустил людям срок, чтобы они на собственном опыте убедились в своей несостоятельности. А когда истекут отпущенные людям сроки, Создатель положит конец безбожному несправедному миру, оставив в живых праведных и непорочных. Такую версию проповедует Оскар. Мне же более близка мысль, что Создатель созидает не миры и тем более не отдельных представителей животного мира, а саму возможность возникновения и существования миров, — сказал отец.

— Да, мне тоже эта версия кажется более вероятной, — поддержала отца Эльза и, переводя разговор в шутливую плоскость, добавила: — Адам и Ева эгоисты, отказались от райской жизни, а потомки по их милости страдают.

— А я тоже райской жизни предпочла бы свободу, — заметила Вильма, казалось бы, не слушавшая их разговор, занятая чтением. — Представьте, что за вас всё решают, — она самолюбиво пожала плечами.

— Но решают рационально, на пользу тебе, — возразила Эльза.

— Нет, не надо! Скучно, — Вильма решительно отвергла райскую жизнь для себя. — Эльза, чем не райский уголок — наша деревня? Вот и Адам явился, то есть Алекс, я хотела сказать. Неплохо бы, чтобы к следующему моему приезду у меня появилась племянница: крохотная, беленькая, голубоглазая, — Вильма скорчила умильную гримасу и сделала жест, будто укачивает младенца.

— Вильма! — возмутился отец. — Я поражён твоей бестактностью и дерзостью.

— Папа, но я же шучу. Нельзя быть таким занудливым, скучным. Никогда не выйду замуж за немца, у немцев нет чувства юмора.

— Похоже, ты не немка, — улыбнулась Эльза. — Я всегда подозревала, что ты у нас цыганка. Папа, оставь её в покое, я вовсе не против, чтобы у Вильмы появилась очаровательная племянница, жаль только, что при этом нельзя обойтись без мужчин.

— Зачем же без мужчин? Или мы уродины какие, или у нас нет приданого?

Отец только сокрушённо покачал головой: как город портит девушек!

8

Пожалуй, наибольшее удовлетворение состоявшаяся вечеринка принесла матери. Алекс пришёл с букетом цветов и, вручив ей, поцеловал руку. Но важнее для неё было предпочтение, которое она усмотрела в его поведении по отношению к Эльзе. Хотя Алекс был внимателен ко всем, его внимание имело разные оттенки. С ней он был предупредительно-почтителен, с Кларой — вежлив, с Вильмой у него сложились более короткие отношения с некоторым налётом покровительства с его стороны и фамильярности, каприза и кокетства — с её, с Эльзой же он был бережно-нежен.

Своими наблюдениями она поделилась с Эльзой, когда гости ушли и они остались вдвоём в кухне.

Эльза и сама заметила. Такие вещи угадываются женщиной инстинктивно.

— Он уже почти готов, мамочка, — ответила она иронично. — Ты довольна? Для ускорения процесса мне остаётся приложить небольшое усилие.

— Какие неприличные слова, — мать воздела глаза к небу, — это ты у Вильмы нахваталась.

— Ты сама этого хотела, — в свою очередь упрекнула Эльза.

На следующее утро Вильме и студентам, Петеру и Фреду, предстояло отбыть к месту учёбы. Петер пообещал заехать за ней на повозке, принадлежащей его семье.

Каково же было удивление, когда рано утром вместо тряской обычной телеги для перевозки сена к дому подкатила коляска председателя сельсовета на рессорах с жестяной подножкой, на облучке которой восседал улыбающийся Алекс.

Эльза не собиралась ехать на станцию. Она только что отогнала корову и, проводив Вильму за калитку, намеревалась вернуться к сепаратору. Но молодёжь не отпустила её: как можно не воспользоваться случаем прокатиться в такой прекрасной коляске в такое чудное утро, да и Алексу будет скучно возвращаться одному.

— Эльза Антоновна, какое восхитительное утро! Мы за час управимся. — Алекс соскочил с облучка и подал ей руку.

— Поезжай, Эльза, — сказали отец и мать.

Она, как была в халатике и старой вязаной кофточке, села рядом с Вильмой. Алекс лихо покрутил над головой кнутом, и повозка тронулась.

Воздух был подёрнут туманной дымкой. Ночью прошёл дождь и к аромату листьев и трав примешивался свежий запах влажной земли.

Не один раз уезжала Эльза по этой дороге в город, но ни разу у неё не возникло желание остаться там навсегда, поменять утопающие в зелени улицы на одетые камнем, аромат жасмина — на чад выхлопных газов,

чистое небо — на закопчённое заводскими трубами. А Вильма была радостно возбуждена отъездом.

Оставив повозку у коновязи, они прошли на перрон. Вдали послышался гудок паровоза, а вскоре появился и он сам, окутанный клубами дыма и пара.

Студенты и Алекс с вещами Вильмы взобрались в вагон по неудобной, расположенной высоко над землёй подножке, а Вильма обняла Эльзу.

— Итак, сестрёнка, чтобы к следующему лету у меня появилась престелная племянница.

— Мне не к спеху, — возразила Эльза.

Обождая, пока скроется из виду последний вагон, они с Алексом возвратились к повозке. Алекс сел рядом с ней и тронул поводья, предоставив коню самому выбрать темп, и тот взял старт неторопливой рысью.

— У меня предчувствие, Эльза Антоновна, что здесь я буду счастлив, — Алекс обвёл взглядом открывшуюся панораму.

Туман рассеялся. Потоки солнечных лучей заливали долину, окаймлённую справа холмами с виноградниками по склонам, слева простирался луг. Блистали капли утренней росы, легкокрылые стрекозы носились в прозрачном воздухе.

— Среди прекрасной природы и прекрасных людей иначе быть не может, — продолжал Алекс с таким выражением, что не оставалось никаких сомнений в том, что она — одна из тех прекрасных людей.

— Рада за вас, — сдержанно улыбнулась Эльза, — но и среди прекрасной природы и людей случается быть несчастливými.

Он искоса внимательно взглянул на неё, хотел что-то сказать, но, видно, не осмелился. Наверное, решил, что это она о себе, потому что после довольно-таки продолжительной паузы, во время которой они с преувеличенным интересом обозревали окрестности, ответил:

— Несчастливым человека может сделать только безнадёжная болезнь. Остальное — приходит и уходит. И несчастная любовь — тоже. Можете поверить, это я по себе знаю. И лучшее лекарство от несчастной любви — другая любовь.

— А если и другая неудачна?

— Значит, надо подождать следующую.

— Это вы тоже из собственного опыта утверждаете?

— Нет, это на основании теоретических умозаключений, — его глаза смеялись.

— И до каких пор ждать?

— Пока не придёт счастливая.

— Почему счастье связывают только с любовью? Разве только в любви счастье, цель и смысл жизни? Белинский, например, так не считал, — и Эльза во второй раз бросила своеобразный “пробный камень” — цитату из Белинского, которая уже однажды развела её с любимым человеком, с Вале́й Демченко. Впрочем, в глубине души она отдавала себе отчёт, что дело не в цитате. Ни Валя, ни она не смогли поступиться своим самолюбием.

— Что ж, Белинский прав, но прежде чем всецело отдаться общественной деятельности и историческому созерцанию, человек всё же попытается счастья на поприще любви, так как всякая любовь, даже без взаимности,

сама по себе счастье. Человек счастлив, когда сам любит, а не только тогда, когда любят его. Ненужная любовь, которой ты не можешь ответить взаимностью, тяготит. Разумеется, если ты не Дон Жуан и не расчётливая холодная кокетка. Вы согласны со мной?

Согласна ли она? Нет. Любовь без уверенности во взаимном чувстве мучительна. Она держит человека в состоянии лихорадки, то возносящей и дающей надежду, то погружающей в пучину уныния и неуверенности в себе. Это напряжённое чувство сужает кругозор, держит мысли на привязи возле одного объекта, ограничивает спектр жизни одним предметом — предметом своих воздыханий, желанием внушить ему те же чувства к себе.

Что же касается “ненужной любви”, то хотя она и не холодная кокетка, ей лестны и приятны её проявления, разумеется, в определённых пределах и до тех пор, пока она не требует ничего взамен.

Не желая, чтобы Алекс что-то воспринял на свой счёт, она ответила уклончиво:

— В чём-то да, в чём-то нет, — и переменяла тему. — Слышите, как поёт какая-то пичуга?

Алекс прислушался.

— Я пою лучше. — Он откинулся на спинку коляски вполборота к Эльзе и вполголоса запел: “Среди долины ровныя...”.

У него был приятный чистый голос.

— Как вам нравится моя серенада?

— Очень, — искренне ответила Эльза, — а я, увы, безголосая и завидую тем, кто поёт.

9

Само собой получилось, без всяких усилий и ухищрений с её стороны и её родных, что Алекс прибил к их дому. Он почти каждый вечер бывал у них.

— Ваш зять идёт, — услужливо оповещала соседка тётя Эмма, заметив со своего наблюдательного пункта у калитки приближающуюся высокую длинноногую фигуру в сером костюме и белых парусиновых туфлях.

В отличие от “твой Иван идёт”, так комментировалось в своё время появление на горизонте Вали Демченко, “ваш зять” не производил на Эльзу сколько-нибудь волнующего действия. Её сердце билось ровно. И потому она без всяких комплексов, раскованно, спокойно, свободно и непринуждённо выходила встречать его у калитки, шутя просила тётю Эмму, чтобы та и впредь не позволяла ему пройти мимо её дома.

Алекс подносил к губам её руку, она, улыбаясь, смотрела в его приятное тонкое лицо, и ни одна струна её души не трепетала. Он нравился, его общество было приятно, но и только.

Особенно доверительные отношения сложились у него с её матерью. Та любила рассказывать свою родословную, а он был идеальным слушателем, кроме того, в его лице мать обрела советчика по вопросам содержания домашней живности.

С отцом Алекс играл в шахматы. Эльза садилась рядом с рукоделием или проверяла школьные тетради. Оба партнёра не очень стремились к победе, для них важнее была беседа.

Отец обладал обширной информацией о деревенской жизни, знал её во всех аспектах и на всех уровнях. Сельская администрация, педагоги, ученики и их родители, а таковые были почти в каждом дворе, входили в круг его общения. Кроме того, время от времени он выезжал в город по служебным делам, и его кругозор был достаточно широк. Последнее увлечение произведениями древних философов требовало собеседника определённого интеллектуального уровня. Кое-что он обсуждал с Эльзой, но ему нужен был друг-мужчина. И он его нашёл в лице Алекса.

Вскоре уже не только мать, но и отец вопрошал её полущутя-полусерьёзно:

— А ты не могла бы быть с Алексом понежнее?

Наверное, родители полагали, что она неопытна в сердечных делах или равнодушна к этой стороне жизни. Откуда им было знать, ведь их беленькая скромница была застенчива и скрытна, что в её жизни с малых лет были редкие периоды, когда бы она не была предметом воздыхания какого-нибудь мальчишки. Но те детские романы рассосались безболезненно, оставив лёгкий, вызывающий снисходительную усмешку след. Впервые она познала силу своих чар в пятилетнем возрасте.

10

Тот вояж в семейной хронике именовался поездкой на конференцию. Вильма тогда была совсем мала и ничего не помнила. Потом, в школьные годы, когда длинными зимними вечерами сидели всей семьёй в кухне и вспоминали разные события и случаи из жизни, она иногда просила: “Расскажите, как мы ездили на конференцию”.

Эльза вставляла в рассказ матери запомнившиеся детали, нюансы, но о мальчике Мите не упоминала никогда. Тот мимолётный детский роман постепенно был оттеснён более поздними увлечениями, но бережно хранился в заповедном уголке души, куда никого не пускают.

А семейная хроника гласила, что в один прекрасный день отец объявил за обедом, что получил от своего городского коллеги предложение и приглашение совместить полезное с приятным: приехать на учительскую конференцию с семьёй, показать девочкам город, жену сводить в театр, вот только он в нерешительности: принимать ли приглашение.

— А что? — мать подмигнула Эльзе, как старшей. — Или мы недостойны, или нас стыдно показать людям?

— Едем! — радостно воскликнула она.

— Едем, едем, — вторила ей, конечно, не понимавшая в чём дело, Вильма, хлопая в ладоши пухлыми ручонками.

В доме воцарился переполох: из сундука и ящиков доставались наряды, приличествующие событию, что-то перешивалось, подшивалось, гладилось.

Наконец ранним утром принаряженные родители усадили их на сиденье коляски спиной к вознице, а сами сели напротив, и цветник — банты, оборки, пелерины — тронулся в сторону вокзала.

Они впервые увидели паровоз — чёрное дымящее чудовище со страшными колёсами. Эльза прижалась к материнской юбке, а Вильма обхватила отца за шею и уткнулась лицом в его плечо.

Эльзе было страшно, когда мать, подняв и поставив её на верхнюю ступеньку подножки, велела идти в тамбур. Она боялась, что поезд тронется, и остальные не успеют войти в вагон. Она испуганно оглянулась и увидела, как отец преклонил колено, и мать, наступив на него одной ногой, держась за поручни, быстро поднялась вслед за ней. Когда они обе были в тамбуре, отец подал матери багаж, а потом сам поднялся вместе с Вильмой.

Эта неприятная часть путешествия забылась, едва они с Вильмой уселись с двух сторон маленького столика, на котором мать разложила варёные яйца, ватрушки и прочую снедь. А за окном мелькали леса, поля и горы.

Осмелев, они бежали по вагону с другими детьми, заходили в чужие купе. Когда их спрашивали, куда они едут, с гордостью отвечали: “На конференцию”.

В город прибыли вечером. За окном сверкало множество огней. Из вагона отец выходил первым, взяв багаж и полусонную Вильму, а они с мамой следовали за ним. Эльза смотрела под ноги, помня о каверзной лесенке, висящей высоко над землёй, но город на то он и город — вагон стоял у платформы, и чтобы ступить на неё, надо было сделать всего лишь шаг.

Не успели они осмотреться, как откуда-то появился отцовский коллега, розовощёкий крепыш с рыжеватыми усами. Здраваясь с её родителями, он радовался: “Не правда ли, замечательная идея?”. Несмотря на её протест — я уже большая! — он подхватил Эльзу на руки, и они двинулись на привокзальную площадь, где стояли извозчики.

— Я в своё время так привык ходить по городу с маленькой девочкой на руках, что теперь, когда мои дочки подросли, испытываю дискомфорт и инстинктивно хватаю первую попавшуюся под руку девочку, — рассказывал он добродушно, — я знаю, что соседи за глаза называют меня “идеальный папа”, и горжусь.

Пока он договаривался с извозчиком, Эльза засмотрелась на молодую пару, нанявшую соседний экипаж. Они показались ей необыкновенно красивыми. Таких людей она в деревне не видела. Темноволосая гибкая стройная девушка, захватив одной рукой юбку длинного тёмного платья, а другой опершись на руку элегантного мужчины, легко и непринуждённо села в экипаж. Он вскочил и сел рядом. Только и всего: мужчина и женщина сели в экипаж. Но это видение осталось в её памяти навсегда как эталон красоты и изящества.

Дорогу от вокзала она не запомнила, потому что сидя на коленях чужого “идеального папы”, заботливо укрывшего её от ветра полкой своего пиджака, она задремала. Очнувшись, когда повозка остановилась. Она позволила снять себя с коляски, но предстать перед девочками на руках у их папы не могла позволить и категорически заявила: “Я сама!”.

Вспоминая себя ту, пятилетнюю, она с удивлением обнаруживает, что интеллект в этом возрасте уже достаточно высок, чувства развиты, осмыслены, многообразны, и только недостаток жизненного опыта, знаний, словарного запаса, застенчивость не позволяют проявлять, формулировать эти чувства.

Двухэтажный дом на два подъезда уже спал и только из окна на первом этаже падала полоса света. Проходя мимо, “идеальный папа” постучал

по стеклу, и когда они вошли в подъезд, дверь в квартиру уже была распахнута, на пороге их встречала хозяйка, а из глубины прихожей с любопытством смотрели две девочки в ночнушках с распущенными по плечам каштановыми волосами.

После небольшой суматохи, во время которой спящую Вильму уложили в детской на постель, её умыли, накормили и, облачив в ночнушку, отдали на попечение девочек, с которыми она спала поперёк большой кровати.

На следующий день, пока отцы заседали на конференции, они с мамами гуляли по городу, ходили в парк. Вечером взрослые ушли в театр, предварительно накрыв для них стол со сладостями. Оставался с ними и соседский мальчик Митя, мать которого, уходя в театр со всей компанией, подтолкнула его к ним за порог со словами:

— Вот вам один кавалер на четверых.

“Кавалер” смущённо топтался у порога, и Ольга, старшая девочка, — ей было лет девять и все её звали полным именем — сказала:

— Тоже мне кавалер, знакомься: это Эльза, а это Вильма.

Эльза встретила с Митей глазами и на протяжении всего вечера чувствовала, что из всех девочек он отдал предпочтение ей.

— Во что будем играть? — деловито спросила Ольга, глядя на Митю.

— В дурачка? — предложил Митя. — Двое на двое: я — с Эльзой, ты — с Наденькой.

— Сам ты дурачок, — бесцеремонно возразила Ольга, — они же не умеют.

— А мы с тобой будем подсказывать: я — Эльзе, ты — Наденьке. Пусть учатся.

Ей было хорошо под покровительством Мити.

— Эльза, ходи семёркой, — говорил он, указывая ей глазами нужную карту. — Теперь ты кроешь валетом, а это мы отдадим малышке, — он отодвигал вышедшие из игры карты Вильме, сидевшей у него под рукой.

Эльза понимала, что и этот жест — тоже для неё, чтобы сделать ей приятное.

А в стане соперников не было единодушия, им не везло, они проигрывали. Ольга относил неудачи на счёт сестрёнки, дёргала из её рук карты, покрикивала, в конце концов Наденька заплакала, и игра расстроилась.

После примирительного чаепития разглядывали книжку с картинками. В это занятие Митя привнёс элемент игры. Закрыв глаза, он наугад тыкал пальцем в страницу и говорил: “Это я”. Было забавно, когда палец попадал на ежа, лягушку или крокодила. Хохоча и опережая друг друга, все последовали его примеру, но с открытыми глазами. Митя был мальчик с юмором и себе выбирал самих смешных или страшных животных: волка, бегемота, мартышку. Если же на странице была симпатичная зверушка вроде белочки или кошечки, он говорил: “Это Эльза”.

Весь следующий день они с Митей не виделись, но она постоянно помнила о нём и, проходя по двору, тайком озиралась по сторонам. Только вечером, когда они усаживались в коляску, чтобы ехать на вокзал, он вдруг выбежал из дому и смущённо подал ей красивую открытку, на которой была изображена девочка с котёнком.

— Ждите сватов, — улыбнулась его мама, тоже вышедшая их проводить.

— А что, — откликнулась мама Ольги и Наденьки, — пройдёт каких-нибудь пятнадцать лет...

11

С тех пор в жизни Эльзы время от времени появлялись воздыхатели, возникали детские романы, незаметные для окружающих по причине стеснительности участников, проявлявшиеся во взглядах, жестах, намёках, вносящие в повседневность волнующую новизну, загадочность, влюблённость.

Но никем она не была увлечена столь сильно, как Вале́й Демченко. О Вале́е она мечтала, в мечтах и грёзах заходила далеко, но ей и в голову не приходило, чтобы как-то проявить своё влечение. Её казалось, что догадайся Валя о её “низменных” чувствах, — и он проникнется к ней презрением, она падёт в его глаза.

Она подозревала, что в силу стыдливости не сможет выйти замуж за человека, который вызывает в ней высокие чувства — нежность, любовь. С таким человеком невозможно допустить “это” наяву, об “этом” можно только грезить. И кто знает, почему мать так болезненно воспринимает упоминание о “гордячке Анне”. Может быть, она догадывается, что отец, испытывая к той высокие и нежные чувства, не посмел “осквернить” их в браке.

Она осознавала, что это довольно-таки странные умозаключения, не свойственные большинству людей, и тем не менее они отражали её образ мыслей.

Много лет спустя ей на глаза попалась брошюрка, где среди прочих была и статья З. Фрейда именно на эту тему. Выяснилось, что тем комплексам, которые одолевали её в юности, подвержен достаточно широкий круг людей, причём людей с развитым интеллектом, так как влечение распадается на множество компонентов, не все из которых совместимы с этической культурой. Любовная жизнь таких людей оказывается на распутье между любовью земной (животной) и неземной (возвышенной). Когда они любят, они не желают обладания, вернее — не смеют, а когда обладают, не могут любить любовью возвышенной, утончённой. Такие люди чувствуют себя стеснёнными, испытывают внутреннее противодействие и зачастую терпят неудачу в проявлениях своей половой жизни из-за уважения к объекту своих нежных чувств. Отсюда происходит их потребность в партнёре этически малоценном, у которого, по их мнению, эстетические требования невысоки. Вероятно, это одна из причин неравных браков.

К моменту встречи с Алексом Эльза уже осознавала, что только дерзкий, настойчивый человек может преодолеть её застенчивость в этом плане и, конечно, любящий. Алекс не был дерзким, но был настойчивым и терпеливым, деликатным, порядочным. Но странное дело: он ей нравился, с ним было приятно общаться, а в сердце жила тоска по тем чувствам, которые довелось испытать в период увлечения Вале́й Демченко.

Матери, умной, доброй женщине, но начисто лишённой излишеств, зато в достаточной мере практичной и рационалистичной, и в голову не приходило, какие нравственные сложности испытывает Эльза, а если и приходило, она была убеждена, что женщина создана быть женой и матерью и на пути к этой цели должна использовать каждый шанс, более того, если его нет — найти, создать из ничего, преодолеть, устранить препятствия, не гнушаясь средствами. Тут же судьба преподносит прекрасный шанс, а дочь ещё крутит носом. Инертность дочери в судьбоносном вопросе удручала и раздражала.

— Ты в нём уверена, потому и безынициативна,пустила всё на самотёк, — сказала она незадолго до Рождества, — но учти, так не может продолжаться до бесконечности. Он уже в том возрасте, когда неустроенность быта может толкнуть его на женитьбу, при том, что нет недостатка в претендентках. Его могут соблазнить, и он, как порядочный человек, посчитает своим долгом жениться.

— Мне что же, сделать ему предложение?

— Он сам его сделает. Тебе только надо дать понять, что ты этого хочешь.

— А всё же думаю, инициатива должна исходить от мужчины, и если он не делает этого шага, значит его что-то удерживает.

— Его удерживает твоя целомудренность, и если ты и дальше будешь поддерживать в его глазах этот возвышенный образ, так и останешься для него женщиной его мечты. Он женится на другой, наплодит детей, а к нам будет наведываться, чтобы удовлетворить своё эстетическое чувство, впрочем, до тех пор, пока жена не устроит ему скандал. А ты... красота и свежесть недолговечны. Женщина в безбрачии скоро увядает. Но самое неприятное — людское мнение. Самая никчёмная, незначительная женщина будет смотреть на тебя свысока, потому что тебя “не взяли”, а её “взяли”. Уж поверь мне, я повидала на своём веку.

— А чем ниже её интеллект, тем меньше внимания следует обращать на её кичливость, — возразила Эльза. — Догадываюсь, ты имеешь в виду пресловутую Фриду и её злопыхательство по отношению к Анне Альбертовне. Но здесь всё предельно ясно: её гложет то, что Эвальд, прежде чем вступить с ней в связь, делал реверансы Анне Альбертовне, и только когда там не сложилось, обратил свой взор, а она на него повесилась. Ты хочешь, чтобы я уподобилась ей? Прошу тебя, умерь своё нетерпение.

В отличие от новогоднего праздника, к которому в деревне готовились открыто, отмечали шумно, неофициальный праздник Рождества справляли в кругу семьи тихо, без суеты, но с большой торжественностью. Утром — подношение подарков. Так было всегда, сколько Эльза помнила себя. Они с Вильмой ещё в постели, но уже не спят, с нетерпением ждут пороха за дверью. Наконец дверь отворяется, на пороге мама, из-за её плеча выглядывает отец. У обоих довольные, весёлые лица. Мать целует их, обнимает и отходит в сторону, отец вручает подарки. Этот ритуал повторяется до тех пор, пока она не уезжает учиться в город. Но и в городе рождественский подарок находит её. Неожиданно в дом, где она снимает комнату, приносят с почты извещение на посылку.

В тот раз Рождество пришлось на рабочий день. Вечером к праздничному ужину ждали Алекса. Мать связала ему в подарок мягкие шерстяные носки. Но вот уже и на стол накрыто, и мать принарядилась в новую блузку, а гостя нет. Соседка тётя Эмма — и та озабочена: неужто проглядела? Из её кухонного окна соседская калитка — как на ладони. Под предлогом, будто часы остановились, забегает, окидывает всё примечающим взглядом вешалку. И вешалка, и пуще всего расстроенное лицо соседки говорят сами за себя: не пришёл. Нехороший симптом.

— Вот! Я предупредила! Что скажут односельчане? — сокрушалась мать, проводив соседку.

— Я довольна, что не уронила своего достоинства, — возразила Эльза. — Как бы там ни было, что бы там у него ни произошло, вежливый

человек на его месте нашёл бы время заглянуть, поздравить с праздником, тем более что не одну чашку кофе выпил в этом доме.

— Что-то у Алекса стряслось, на него не похоже, чтобы не пришёл в такой день, — говорил, выйдя из своего кабинета и усаживаясь за столом отец. — Наверное, позвали к какой-нибудь тёлке или жеребцу, такая уж у него профессия: день ли, ночь ли, праздник, не праздник...

Отец старается разрядить обстановку, но в глубину Эльзиной души, несмотря на то, что внешне она хорохорится и бодрится, проникает страх одиночества. Что её ждёт в перспективе, если с Алексом они разминутся? Всё то, что предрекала мать и чем она высокомерно пренебрегала.

Всю ночь проворочалась Эльза в постели, утром встала разбитая и подавленная.

— Доченька, я не жду тебя, мне надо зайти в сельсовет, — сказал отец, выпив свой кофе.

— Хорошо, папа, — вяло отозвалась Эльза.

Она тоже не стала задерживаться за столом, чтобы не искушать мать на разговор.

Времени до начала занятий оставалось достаточно, и она выбрала дорогу подлиннее, в обход сквера, тогда как обычно пересекала его по диагонали. Она шла неспеша, рассчитывая прийти к звонку, чтобы не задерживаться в учительской, где от внимательных глаз коллег не утаить душевное смятение.

В утренних сумерках её обгоняли школьники, здороваясь на бегу. И вдруг на подходе к школе от аптеки отделилась высокая фигура и встала на её пути.

— Эльза Антоновна, я не видел вас целую вечность, — не сказал, а выдохнул Алекс, взяв обеими руками её за плечи и глядя на неё счастливыми глазами.

Она, не зная что и думать, молчала, но чувствовала, как в её сердце и душу возвращается жизнь. И тут она обратила внимание, что у него осунувшееся лицо, что шарф заправлен криво, а из шапки торчат травинки сена.

— А что случилось? — осторожно спросила она, вынув травинки, а потом расстегнула верхнюю пуговицу его пальто и поправила шарф.

Он блаженно и растроганно улыбался, не шевелясь, как бы прислушиваясь к её прикосновениям.

— Так что случилось? — повторила она.

— Эльза Антоновна, не стану распространяться, скажу только: было серьёзное испытание моей профессиональной пригодности. Наша рекордистка корова Матильда чуть копыта не откинула. Если бы это случилось, мне бы несдобровать — загремел бы под суд.

— Ах, Алекс, я рада за вас. Вчера нам вас так не хватало!

— Правда? — он восторженно улыбнулся. — И вам? И вам, Эльза Антоновна?

— Больше всех — мне, — уверенно сказала Эльза.

Как всё же приятно даровать свои милости и видеть, что в твоей власти сделать человека счастливым. Впрочем, она не кривила душой — вчерашний вечер и бессонная ночь тому подтверждение.

— Милая, — Алекс отобрал у неё сумку с тетрадками и поцеловал руку.

— Вы слышите? — Эльза насторожилась. — Ну, конечно, звонок! Я опоздала на урок как разгильдяйка, как последняя двоечница.

Взявшись за руки и смеясь, они побежали навстречу школьным огням — там уже светились все окна.

В тот день её не покидало ощущение умиротворения, стабильности, надёжности. Как всегда, в корне, в сути вещей мать права.

Эльза предполагала, что скоро, вернее всего под Новый год, Алекс сделает предложение. И она ответит “да”.

Но, по-видимому, велико было его нетерпение, а её утреннее поведение, превысившее её обычную приветливость, придало ему смелости, и он в тот же вечер явился при параде. Впрочем, костюм на нём был тот же, серый, наверное, это был его лучший костюм, но в его чисто выбритом, похудевшем за одну ночь лице была парадная торжественность.

Ещё не догадываясь в чём причина, полагая, что это печать перенесённых волнений и одержанной победы, она пошутила:

— Алекс, я не удивлюсь, если вы достанете из кармана верительную грамоту, у вас такой помпезный вид.

— Такому случаю приличествует именно такой вид, — загадочно и смущённо улыбнулся он.

— Какому случаю?

— Сейчас скажу, — пообещал он, приглаживая и без того гладкие волосы.

— Не томите, Алекс, выкладывайте, — настаивала Эльза, провожая его в столовую, где мать накрывала на стол.

Заслышав голоса, вышел из кабинета отец. Алекс между тем продолжал:

— Да уж я и сам истомился, пребывая в робости, и вот наконец осмелился.

Но прежде чем сказал, она поняла, а вслед за тем и услышала подтверждение своей догадки.

— Дора Ивановна, Антон Францевич, я прошу у вас руки вашей дочери, — торжественно произнёс Алекс.

“Как старомодно, — подумала Эльза, — по нынешним временам, наверное, полагалось бы прежде спросить согласия у меня. Не домострой же”.

Следуя тону, заданному Алексом, отец ласково обратился к ней:

— Согласна ли ты, доченька, выйти замуж за этого молодого человека, которого мы с мамой хотели бы видеть своим зятем?

И она, пряча за нарочитой старомодностью своё смущение, ответила полушутя-полусерьёзно в том же тоне:

— Да, папенька, да, маменька.

Не зря придуманы людьми ритуалы, правила, не зря испокон веков существуют традиции, облегчающие поведение в различных ситуациях.

Мать сдержанно, с достоинством, как будто это не она мечтала заполучить зятя, не она суетилась, докучала Эльзе, — поцеловала обоих, благословляя.

За ужином обсуждали детали предстоящего свадебного вечера. Мать желала, чтобы торжество состоялось по высшему разряду. Добрые пожелания множества гостей — залог счастливой супружеской жизни.

Эльзе было жаль огорчать мать, но она не была сторонницей шумного многолюдного гулянья, её тяготила перспектива быть в центре праздничной круговерти.

— Мамочка, — Эльза ласково накрыла своей ладонью руку матери, — у нас и так в коротком промежутке времени достаточно праздников:

Рождество, Новый год. Наступит пресыщение. Я предлагаю другой вариант: до Нового года мы с Алексом подаём заявление в сельсовет, во время школьных каникул нас регистрируют, потом небольшой вечер в узком кругу — и мы с Алексом отбываем в трёхдневное свадебное путешествие в город. Как моё предложение, Алекс?

— Великолепно, но, — Алекс смущённо улыбнулся, — не знаю, смогу ли оставить коров. Матильда ещё не совсем оправилась.

— Но это же не завтра. Я уже начинаю ревновать вас к Матильде, — возразила Эльза.

— Тётя Марта опытная скотница, — поддержал Эльзу отец. — Если её попросить, она присмотрит за Матильдой с особым вниманием, а вы привезёте ей из города подарок.

Мать не возражала. Главная цель достигнута, остальное не так существенно.

Провожая Алекса, Эльза вышла с ним на крыльцо. Было необычно светло. Пока они сидели, выпал пушистый снег. Он лежал на крышах домов, серебряным украшением на ветвях деревьев, белым незатоптанным, неезженным покрывалом на дороге.

Взявшись за руки, они помолчали, наслаждаясь тишиной и белизной, потом Алекс наклонился к ней:

— Я поцелую вас, Эльза Антоновна, — не то спросил, не то поставил известность он.

Она почувствовала лёгкую досаду: своим глубочайшим почтением и уважением он как бы передавал инициативу ей, и приняв её, она положила руки ему на плечи и приблизила губы к его губам.

— Алекс, — сказала она потом, — для начала попробуйте не называть меня по отчеству, для вас я — Эльза.

— Эльза, — послушно повторил он и, запечатлев на её губах уже уверенный, крепкий поцелуй, сбежал по ступенькам. — До завтра.

12

Наконец всё улажено. Немногочисленные гости разошлись, у калитки на привязи стоит конь, запряжённый в ту самую коляску, на которой провожали Вильму.

Эльза, в фетровой городской шляпке и сером суконном пальто, садится между отцом и матерью.

— Куда прикажете-с? — вопрошает улыбающийся Алекс, отвязывает коня, вскакивает на облучок, и коляска трогается.

С тех пор как Эльза в первый раз ездила на поезде “на конференцию”, паровоз и поезд не претерпели никаких изменений. Та же копоть, тот же пар и подножка на уровне пояса. Алекс, наслышанный о подробностях того исторического путешествия, пригибает колено, но Эльза сама вскакивает на подножку.

— Я ещё молодая. У мамы тогда уже было двое детей.

— У нас тоже будут, — обещает Алекс.

Сев у окна, Эльза посылает воздушные поцелуи счастливо улыбающимся родителям. Устали, родные: мама осунулась, у отца отёки под глазами. У Эльзы комок подкатывает к горлу, влажнеют глаза. Вот вернутся с Алексом и возьмут большинство хлопот по хозяйству на себя.

Гостиничный администратор — пожилая, но молодящаяся дама в белой блузке и чёрной юбке, напоминающая классную руководительницу, строго блюла нравственность в своём заведении. Она тщательно проверила их документы и наличие брачных уз. Узрев свежую дату регистрации, сделала гостеприимный радушный жест и самолично проводила в двухместный номер на третьем этаже.

— Приведём себя в порядок, перекусим, — оживлённо говорила Эльза, распаковывая вещи, — и пойдём в город.

Алекс не возражал, но когда покончив с трапезой, она прибирала на столе, он задёрнул шторы.

— Зачем? — спросила Эльза, но споткнулась о его полный страсти взгляд.

— Вот зачем, — сказал он мягко и расстегнул пуговичку её блузки.

Его волнение передалось ей и, прикрыв глаза, она чувствовала его нетерпеливые пальцы, передвигавшиеся от пуговицы к пуговице, его ладони, мягко и ласково обтекавшие её шею и плечи, неуловимыми движениями освободившие её от кофточки.

Потом была чудная ночь, длившаяся до следующего полудня. Очень кстати пришлась та вкуснятина, которую мать натолкала в сумку, и у них не было надобности идти в буфет.

Всё было так, как она представляла в мечтах о Вале Демченко, только теперь она сама была уже другая. Та любовь, которую она испытывала к Вале, беспокойная, тайная, чтоб никто, даже сам Валя, не догадался, была обречена, ведь браки заключаются не на небесах. Для брака нужны спокойствие, уверенность и прагматизм.

— Какие мысли бродят в этой милой головке? — Алекс прикоснулся губами к её ресницам, почувствовав, что она не спит.

— А вот такие: эти колхозники потеряли всякий стыд — до обеда валяются в постели. — Эльза протянула руку и достала с тумбочки часы. — Впрочем, “до обеда” — мягко сказано. Уже половина четвёртого.

— Ну и что, до поезда ещё пять часов.

— Ты намерен провести их в постели?

— Почему бы и нет? Дома такое мы позволить себе уже не посмеем. Ну а город... При свете фонарей он даже лучше. Мы проедем по центральным улицам и повидаем всё, что представляет интерес.

— Надо обратить внимание, что идёт в театре, мои коллеги обязательно спросят.

— Если меня станут спрашивать о поездке, я отвечу: “Великолепно! Мы с Эльзой не выходили из гостиницы, но время пролетело как один счастливый миг”. А по театрам будем ходить, когда приедем с детками.

— С какими детками?

— С нашими.

— О, Алекс, это было бы замечательно.

Эльза растроганно уткнулась ему в плечо, представив очаровательных малюток.

Проезжая мимо центральной площади, она вспомнила, как школьницей приходила сюда на первомайскую праздничную демонстрацию. Это было в девятом классе. Они шли шумной галдящей колонной, размахивая флажками и бумажными цветами. На ней был голубой шёлковый шарфик, концы которого трепетали на ветру. Проходя мимо трибуны, она

сняла его и распустила на вытянутой руке как флаг. Откуда-то сбоку появился Валя. Он пристроился рядом и, подставляя лицо под упругий шёлк, улыбался ей карими тёплыми глазами. Потом весь день и всю ночь она грезила этим взглядом, с нетерпением ждала конца праздничного дня, чтобы увидеться с ним в школе, но встретившись, внешне оставалась спокойной и бесстрастной. Находясь в плену условностей, не позволявших открыться, она потеряла Валью, но теперь в этом воспоминании уже не было ни печали, ни сожаления, и когда спустя полгода Вильма её спросила, лукаво улыбаясь: “Ну как, сестрёнка, хорошо замужем?”, она ответила без тени сомнения:

— Да! И тебе советую. Замужество даёт чувство стабильности и уверенности.

В то лето Вильма успешно закончила учёбу в институте и получила направление на работу. Преисполненная радужных надежд и честлюбивых планов, она кое-как использовала часть причитающегося отпуска и с явным нетерпением отбыла по месту назначения.

Она не баловала их письмами, отделяваясь короткими посланиями на почтовых открытках, из которых явствовало, что у неё всё хорошо.

— Это прекрасно, что на работе у тебя всё складывается удачно, а в личном, сердечном плане — так-таки ничего? — допытывалась мать в её приезд ровно через год.

— В самом деле, сестрёнка, открой нам хотя бы краешек завесы секретности, — поддержала Эльза.

— Вот как? А ты забыла, как в недалёком прошлом сама становилась на дыбы, едва речь заходила о твоих сердечных делах? — напомнила Вильма.

— Нет, сестрёнка, ситуации несравнимы. Я была у вас на виду, как под микроскопом. Не томи, удовлетвори наше с мамой любопытство.

— Эльза неточно выразилась, — поправила её мать, — это не праздное любопытство, а заинтересованность. Мы желаем тебе добра. Главное в жизни — всё же семья. Если человек имеет надёжный тыл, то и в прочем ему сопутствует успех. Скажи ей, Эльза, она матери не верит, мол, отсталая.

— Мой тыл — это вы, — с иронической невозмутимостью заверила Вильма.

Она сидела за столом, перебирая рис длинными ухоженными пальчиками, утончённая, какая-то нездешняя, из другого мира. Горд, образование наложили отпечаток избранности на её внешность и поведение, хотя она оставалась милой и доступной для родных.

— Навязывать свой образ жизни сложившемуся человеку — пустая затея, — сказала Эльза, отвечая матери. — Наш с тобой пример налицо, а уж следовать ему или нет — её дело, но всё же, — она перевела смеющийся взгляд на Вильму, — хоть один воздыхатель есть?

— Дело мужчин домогаться, женщины — защищаться и не уступать, — уклончиво ответила Вильма, и Эльза с матерью поняли, что в обозримом будущем свадьбы не предвидится.

Тем неожиданнее было для них известие о её замужестве, полученное той же осенью. В коротком послании, к которому прилагалась фотокарточка, она сообщала, что избранника зовут Анатолием, он прораб-строитель, и теперь её фамилия Касеванова.

Передавая фото из рук в руки, по очереди вглядывались в открытое с выражением душевной ясности лицо нового члена семьи — светлые волосы на косой пробор, светлые глаза. Наконец мать сказала:

— По фотографии трудно судить о человеке, но на первый взгляд он простоват для Вильмы и окажется у неё на поводу.

Эльза всматривалась в лицо сестры. Что означает этот скоропалительный брак? Любовь? Расчёт? Прислушалась к их с матерью советам? Но прекрасное, уверенное, с прямым небольшим носом, чётким рисунком губ и великолепными чёрными глазами лицо Вильмы было непроницаемо.

В поздравительной открытке к отцовскому дню рождения была приписка, что если всё будет благополучно, то в июне отцу с матерью следует ожидать внука или внучку, а Эльзе с Алексом — племянника или племянницу.

В ответ из деревни пошло пространное послание с полезными советами и рекомендациями. Деревня настаивала, чтобы это радостное событие произошло здесь, а не в городе.

13

Встречали Эльза с Алексом. Алекс принял вещи, помог выйти из вагона Вильме.

— Разве Анатолий не приехал? — спросила Эльза.

Она всё смотрела, но так и не дождалась, когда в дверном проёме вагона появится знакомое по фотокарточке лицо, хотя то, что Вильма сама несла вещи, её уже насторожило.

— Мы с ним расстались, — спокойно, как о само собой разумеющемся ответила Вильма, — он уехал строить Комсомольск-на-Амуре.

Она выглядела прекрасно. Беременность несколько не испортила её черты.

— Да, я переносу это необычное состояние более чем удовлетворительно и совсем не отекала. На работе ни о чём не догадывались до самого последнего времени, — ответила она на комплимент.

— Анатолий знает о твоём положении? — Эльза кивнула на живот.

— Нет, я не стала обременять его ответственностью. Пусть живёт спокойно.

— Бедняжка, — посочувствовала Эльза. Было непонятно, к кому это относится: к Вильме или к Анатолию.

Она не стала больше ни о чём спрашивать, чтобы Вильме не пришлось дважды объяснять одно и то же: сейчас — ей, потом — отцу с матерью.

— Мы рады, что ты согласилась сделать это в деревне, — сказала она, когда разместились в коляске.

Но Вильма сама заговорила.

— Эльза, мне так не хочется обсуждать с родителями свой развод, особенно боюсь разговора с мамой, у неё старомодные взгляды на брак: “жена да убоится мужа”, и она меня не поймёт. Я надеюсь на тебя, поддержи меня.

Невероятно! Её строптивая независимая сестрёнка кротко просит о заступничестве. Неудачное ли замужество её обломало, или беременность смягчила нрав, но так или иначе — это прозвучало трогательно.

Эльза обняла её за плечи.

— Так что же случилось?

— В том-то и дело, что ничего не случилось. Не было ни ссор, ни разборок. Просто я поняла, что семейный образ жизни не по мне, по крайней мере на данном этапе. Замужество должно повысить качество бытия, дать чувство удовлетворения. Не так ли? Иначе для чего “огород городить”? А я этого не ощутила. И дело вовсе не в стирке и стряпне, вернее, не только в них, меня удручало ограничение степени моей свободы и независимости.

— Он тебя притеснял?

— Нет, но когда живёшь не один, приходится согласовывать свои действия, объяснять свои намерения, иногда поступаться своими желаниями, а я за время жизни вне дома привыкла к независимости.

— Но, милая, абсолютной свободы и независимости не существует вообще. Мы зависим от близких, а они от нас, зависим от общества, от государства, обстоятельства втягивают нас в свою орбиту, принуждают к участию. Даже на необитаемом острове ты будешь зависеть от погоды, от времени суток. Но ты ничего не сказала об Анатолии. Что он за человек?

— К нему у меня нет претензий, всё дело во мне.

— А любовь? Если любишь человека, даже приятно, как ты говоришь, согласовывать с ним свои действия, идти на уступки.

— Ах, любовь! Одно дело, когда он ухаживает за тобой, курит тебе фишам и совсем другое... — Вильма понизила голос и с опаской взглянула на спину Алекса.

— Он не слышит, колёса скрипят, видно, давно не смазывали, — успокоила её Эльза, — ну и? Что другое?

— Эти так называемые супружеские обязанности, при исполнении которых я чувствую себя идиоткой. Какое пошлое занятие!

— Однако же, согласись, приятное, — улыбнулась Эльза. — Или ты не испытывала ни малейшего удовольствия? — весело полюбопытствовала она.

— Но мы же люди, интеллектуальные существа, и должны управлять инстинктами, — уклонилась от прямого ответа Вильма. — Впрочем, это личное дело каждого, но я не расположена к той степени близости, открытости, которую предполагает брак, как в душевном плане, так и в физическом.

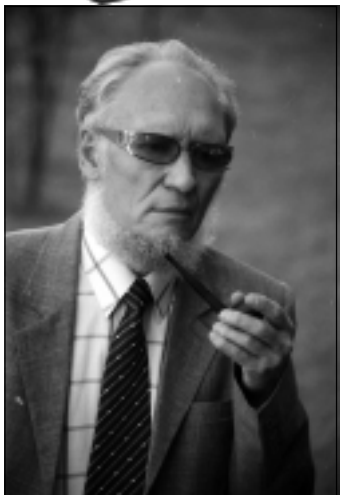
У Эльзы сложилось впечатление, что Вильма не любила Анатолия, в противном случае то, что вызывало у неё досаду, воспринималось бы как достоинства. Несвобода от любимого человека никак не повод для разрыва и, видимо, вопрос не в том, почему расстались, а в том, почему поженились.

Эльза вспомнила, как в прошлый свой приезд Вильма обмолвилась, что немецкая фамилия — тормоз на пути карьеры, и заподозрила, что это был брак по расчёту.

— А как у тебя? — Вильма окинула её испытующим взглядом. — На вид ты всё та же одухотворённая тургеневская девушка из дворянского гнезда. Извини свою непутёвую младшую сестру, вторгшуюся вне очереди. Впрочем, я не виновата, это он, наверное, ленится, — она указала смеющимися глазами на Алекса.

— Ничего, — возразила Эльза, — нам не к спеху, мы сначала у тебя поучимся.

Продолжение следует.

Владимир ГУНДАРЕВ

“Всем по-детски верил и всему...”

Парижские зарисовки

1.

Был всегда им и остался парнем сельским.
Оттого не доставало, каюсь, лоску мне.
Но бродил я по полям — по Елисейским.
И похаживал по лесу — Булонскому.

Прежде я не помышлял совсем об этом —
Вдруг удачу мне часы мои натикали.
Очутился я в Париже бабьим летом,
Где украшены платаны паутинками.

По каким-то чудодейственным законам
Воскресало всё, что память напророчила.
И казалось мне давным-давно знакомым
То, что видел пред собою я воочию.

Оживало всё, что зналось по преданьям.
И, влекомый туристическими массажи,
С ними я вступал под своды Нотр-Дама,
А потом топтал траву на поле Марсовом.

Стёр подошвы башмаков там не напрасно,
Пусть и вымок неожиданно под дождем, —
Я в причудливых кварталах Монпарнаса
Ощущал себя непонятым художником.

Исчезали быстро дни за облаками...
Коротая вечера в бистро за ужином,
Улыбался я по-дружески лукавым,
Щебетавшим, словно ласточки, француженкам.

По ночам струились радуги фонтанов,
Растворяясь незаметно в звёздном крошечке.
А в душе звучала голосом Монтана
Песня ласковая нежным эхом прошлого.

9-10 марта 2008 г.

2.

В роскошном каменном убранстве,
Свой демонстрируя наряд,
Века соседствуют в пространстве
И гордо в вечности парят.

Роднит единство разных стилей
Величья сплав и красоты —
Дворцов, соборов, замков, шпилей
Неповторимые черты.

Застыло времени течение.
Гармонией возвысив мир,
Молодцевато подбоченьясь,
Глядит на готику ампир.

Нет над прекрасным власти рока, —
Отринув гнёт его легко,
Взирает пышное барокко
На грациозность рококо.

И нет меж ними диссонанса,
Полифоничен их мотив.
С духовной мощью Ренессанса
Наш не сравнится примитив.

А в те века всмотревшись зорче,
Постигнешь истинное в них,
Что нет теперь великих зодчих,
Есть только эпигоны их.

12-13 марта 2008 г.

3.

Лувр не изобразить словами —
Вот так и космос не объять.
Все восклицанья тривиальны,
Когда парит над головами
Божественная благодать.

И, светом волшебства пронизан,
Храм красоты к себе манит,
Полуулыбкой Моны Лизы,
Её пленительным капризом
Притягивает как магнит.

И забываются невзгоды
В молитвенном экстазе душ...
Но было ли судьбе угодно,
Чтоб вдруг попал под власть Джоконды
Ковбой техасский — младший Буш?

А мы вот дух постичь сакральный
Искусства вечного хотим.
Но тайна остаётся тайной:
И чем творенье гениальней —
Тем мы ничтожней перед ним.

21-22 марта 2008 г.

4.

Библиотеку мне Париж напомнил:
Названия улиц — корешки бессмертных книг,
На них начертаны великих имена,
Которыми я с давних пор наполнил
Ячейки памяти. В благословенный миг
Исчезла прошлого незримая стена —
И предо мною наяву предстали
Рабле, Вийон, Мольер из вековых глубин,
Гюго и Беранже, Бальзак, Бодлер с Готье,
Ги Мопассан с Флобером и Стендалем,
И многие ещё, кто дорог и любим,
Чей дух воздействует на наше бытие.
11 марта 2008 г.

5.

История венчает славой
Тех, кто оставил след кровавый
На изувеченной земле,
Кто покорял края чужие,
Народы грабил для наживы,
Погряз в насилии и зле.

Зато деянья миротворцев —
С их благородством и упорством,
Стремленьем избежать войны,
Жить без алчбы, вражды, разлада,
Чем истинно гордиться надо, —
В анналы не занесены.

Но чем захватчик кровожадней,
К порабождённым беспощадней —
Тем ярче ореол над ним,
Тем человечеством он больше —
Тишеславный вождь несметных полчищ —
И почитаем, и ценим.

Таков и он — злодей, грабитель,
В конце концов, как пёс побитый,
Поверженный Наполеон,
Чей прах в Соборе Инвалидов
В компании болтливых гидов
Господней дланью осенён.

За десять евро поклониться
Стекается к его гробнице
Людской поток... Ну почему
Остался Бонапарт кумиром
И до сих пор владеет миром,
Который платит дань ему?

14-15 марта 2008 г.

6.

Радостный сад Тюильри —
Неправдоподобно красивый.
Будто небесные силы
Обитель свою обрели.

Праздничный сад Тюильри —
В английском чопорном стиле.
С пышною свитой ходили
Когда-то здесь и короли.

Радужный сад Тюильри —
Скульптур идеальные лики,
Переливаются блики
Вечерней пунцовой зари.

Благостный сад Тюильри —
Он смотрится слишком по-райски,
Запахи, звуки и краски
Изнежены как сизари.

Приторный сад Тюильри —
Как суп диетический, пресен,
Вроде просторен — а тесен,
Природы б живой Тюильри!
25 марта 2008 г.

7.

У тёмных сенских парпетов
Я ни на миг не забывал
Певцов, художников, поэтов —
Тех, кто попал в девятый вал.
Двадцатый век свирепой силой
Нёс по земле их, крут и лют.
Как много пасынков России
Нашло в Париже свой приют!
Я вспоминал с щемящей грустью
Моих соотчичей судьбу,
Их стон в протяжных песнях русских
И от отчаянья гульбу.
На равнодушной к ним чужбине
Давила смертная тоска,
Родные снились им рябины,
Над Подмосковьем облака...
Они, храня святое чувство,
От гневной Родины вдали,
В канву французского искусства
Орнамент русский наш вплели.
Простор небесный был распахнут,

Но слышалось издалека:
“Здесь русский дух, здесь Русью пахнет” —
Тому свидетели века.
Он ощущается и ныне,
И я поклясться в том готов —
То привкус горечи полыни
В благоухании цветов.
16-17 марта 2008 г.

8.

Осени ранней жесты:
В тенистых аллеях мглисто,
Вырезаны из жести
Каштанов ржавые листья.
Слышен их жёсткий скрежет
Под медленными шагами.
Вечер сентябрьский свежий
Тихонько играет гаммы.
Набережные Сены
Ещё под зелёной сенью.
Воздух — уже осенний,
Такое и настроенье.
Нотки лёгкой печали
С налётом робкого транса
В памяти зазвучали
Мелодиями Сен-Санса.
Грезится в дымке сизой
Твой образ лучисто-светлый.
Ты — моя Мона Лиза
Второе тысячелетье.
Чувствую я в Париже —
Как всюду — одно и то же:
Нет никого мне ближе
И нет никого дороже.
23-24 марта 2008 г.

9.

Прекрасен облик твой, Париж,
В осеннем мареве паришь...
Но, уплывая в день вчерашний,
Ты кажешься мне всё милей, —
Навечно к памяти моей
Пришпилен Эйфелевой башней.
26 февраля 2007 г.

Известно, что история
любит повторяться.
То в виде драмы и трагедии,
то в виде фарса.

Ещё она умеет
 жестоко притворяться
То в виде пушечного мяса,
 то в виде фарша.

То и другое делает,
 конечно, из народа,
Способная на выходки
 порой любого рода.

И от неё ждать можно нам
 всегда чего угодно,
И даже повторения
 семнадцатого года.

16 марта 2008 г.

Позволить быть старым, уставшим, недужным
Себе не могу я ни дня:
И всем-то я надобен,
Всем-то я нужен,
И все-то терзают меня.

Я рад бы в лесу иль в степи затеряться,
Где вольно рождается стих.
Но нет мне покоя...
Помилуйте, братцы,
Ведь я обхожусь без других.

Так дайте в отпущенный срок мне доделать
Всё то, что так душу томит.
Пока не достиг
Рокового предела,
Пока не исчерпан лимит.

28 марта 2008 г.

Не верю

Съела жизнь копну моих волос,
Заменив их лысиной и плешью.
Много видеть скверны довелось.
Сомуцал, с пути сбивая, леший.

Не увяз в трясине, не погряз.
Устоял под ветром и под ливнем.
И хотя обманут был не раз —
Оставался простаком наивным.

Всем по-детски верил и всему.
А без веры — словно днём без солнца.
До сих пор не верю лишь тому,
Что мне тоже помереть придётся.

Если незаметно поутру
В зыбком сне расстанусь с белым светом,
Так ведь это я для всех умру, —
Сам же я не буду знать об этом.

10-13 февраля 2008 г.

*Чужая жизнь безжалостней моей.
Сергей Марков*

Через век чей лик мерцает матово,
С чёлкой на ликующем челе? —
Юная и дерзкая Ахматова,
Нить судьбы трагической разматывая,
Шествует богиней по земле.

Впереди и слава, и забвение...
У неё сомнений в этом нет.
Чистый голос — божье откровение —
Не сливаясь с грязным гулом времени,
Освежает мир уже сто лет.

Чей небесный облик то истаивал,
То опять обрёл свои черты? —
Это же страдальца Цветаева,
Неизменно нежно почитаемая,
Через годы смотрит с высоты.

А в глазах — несбывшиеся чаянья.
И немой укор. И скорбный свет.
А на тонкой шее — след отчаянья,
Прикрываемый рукой печальною —
Этот роковой лиловый след...

Выпали в судьбе им муки адовы —
Плата за бессмертье высока.
Белый свет их скупо счастьем радовал,
На пути — лишь рытвины да надолбы,
Бесприютность, а в душе тоска.

Может, вопреки всему, поэтому
Слово их есть чудо из чудес.

... Женщины, что родились поэтами,
Дороги и любы мне. При этом я
Сроду не влюблялся в поэтесс.

17 февраля 2008 г.

Неисчислимы щедроты Господни:
Одних — Бог могучим умом наделил,
Других — до высот вдохновения поднял,
А в третьих — влил неиссякаемость сил,
В четвёртых — вдохнул чудный дар лицедейства,
А пятых — на высший вознёс пьедестал.
Кому-то волшебную кисть по наследству
Во имя искусства Творец передал.
Кому-то — дал власть и богатство Создатель,
Кому-то умение играть на трубе...
Меня не забыл, одарив благодатью:
Пожизненным счастьем — любовью к тебе.

А вот за грехи Он — взыскатель суровый.
Всевышним со всех учиняется спрос:
Одних — Он лишает разумного слова,
Другим — насылает шипы вместо роз.
За все прегрешенья, порочные страсти
Бог сделал отметины в каждой судьбе.
Меня не забыл, наказав для острастки
Пожизненной карой — любовью к тебе.
20-25 ноября 2007 г.

Шутливые посвящения друзьям

Юрию Поминову

Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,
И когда я занедужу,
Не виня и не кляня,
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня —
И когда я стопку выпью,
Стану лебедем иль выпью —
На заре ль, к исходу ль дня —
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я — тоже
(Все в твоей мы власти, Боже),
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!

2 декабря 1999 г.

Валерию Михайлову
в честь 60-летия

— Где Михайлов?
— А там, где “Ограда”,
Где “Молитвенный дым” и елей.
Ничего ему больше не надо,
Ни к чему даже свой юбилей.

У него “Золотая дремота” —
“Колыбельная из-под небес”.
Потому-то его, оттого-то
Ни за что не попутает бес.

Отрешившись от сонной отрады,
Вспомнив вдруг о своём естестве,
Он окинет “Простор” кротким взглядом
И замрёт... на “Молчун-на-траве”.

Погружаясь в привычную дрёму,
Подкрепившись немного вином,
Он восходит к “Небесному дому”, —
Обитая с комфортом в земном.

23 августа 2006 г.

Александру Таракову

Мне часто звонит президент, —
Ведь мы с ним по духу родня.
Порою, упав на брезент,
Пьём водку в течение дня.

Меня он в поездки берёт
По нашей великой стране.
За это счастливый народ
Ему благодарен вдвойне.

Бываем мы в сауне с ним,
Где встречи друзей без трусов.
А то у камина сидим
В тиши зерендинских лесов.

И рюмку в удобный момент
Поднять за него я готов.
Да здравствует наш президент
“Казправды” А. Ю. Тараков!

2 декабря 2007 г.

Юрий ПОМИНОВ

ПАВЛОДАРСКАЯ ОБЛАСТЬ: прошлое, настоящее, будущее

Павлодарская область — высокоразвитый индустриально-аграрный регион Казахстана, занимающий ведущие позиции в стране в отраслях чёрной и цветной металлургии, угледобыче, электроэнергетике, нефтепереработке. Область даёт 44 процента вырабатываемой в республике электроэнергии, около 66 процентов всего добываемого угля, большую часть выплавляемых ферросплавов, весь глинозём, а с недавних пор производит первый казахстанский алюминий.

Обладая гигантскими запасами полезных ископаемых, большим потенциалом высококвалифицированных кадров, область имеет огромные резервы для ускоренного развития.

У павлодарского Прииртышья — богатая история, оно известно своими достижениями во всех областях жизни, добрыми традициями, именами знатных земляков.

Павлодарская область, отмечающая в 2008 году своё 70-летие, была организована 15 января 1938 года. В этот день на сессии Верховного Совета СССР был принят закон о разделении Западно-Казахстанской

области на Западно-Казахстанскую и Гурьевскую, Южно-Казахстанской — на Южно-Казахстанскую и Кзыл-Ординскую, Восточно-Казахстанской — на Восточно-Казахстанскую и Павлодарскую области Казахской ССР. Тогда же в состав Павлодарской области были включены десять районов. Центром области стал город Павлодар.

Павлодарская область расположена на северо-востоке Казахстана. Она занимает территорию в 127,5 тысяч квадратных километров, на которой вполне бы уместилось среднее по размерам территории европейское государство, или даже две такие страны, как Австралия и Швейцария.

Соседи казахстанские — Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Акмолинская и Северо-Казахстанская области и российские — Омская, Новосибирская области и Алтайский край.

Общая протяжённость границ области — 2100 километров, в том числе с Россией — 800 километров.

Географически павлодарское Прииртышье расположено в глубине материка Евразия, в центре его, почти на равном расстоянии от Тихого и Атлантического океанов, в срединном течении Иртыша, который делит область на две части — правобережье и левобережье.

Северные широты области примерно те же, что и у Москвы, Лондона, Копенгагена, а южные — что у Харькова и у Праги. Рельеф территории в основном равнинный. Правобережье Иртыша расположено на Барабинской низменности и Кулундинской равнине, левобережье — на Прииртышской равнине, которая в юго-западной части переходит в Казахский мелкосопочник, издревле называемый казахами Сары-Аркой.

Климат — резкоконтинентальный. На северо-востоке — студёное дыхание Сибири, на юге-западе — горячие казахстанские ветры. Зимой область находится под влиянием Сибирского антициклона, средняя температура января — 17-19 градусов мороза, который может достигать до 48 градусов. Средняя температура июля — 19-22 градуса, но бывает жара и до 41 градуса.

Да, этот край — край контрастов. Здешняя природа скромна и щедра одновременно. Большая часть территории павлодарского Прииртышья — ровные неоглядные степи, где легко и привольно дышится, где просторно взгляду, а душе радостно. На севере — уголок лесостепи с застенчивыми берёзовыми колками. На юго-востоке сосновый Чалдайский ленточный бор — многовековой и загадочный: говорят, он повторяет извивы могучей реки, некогда протекавшей в этих местах.

Свыше 750 километров “накручивает” по территории области, складывая свое русло, древний Иртыш — голубая дорога, связывающая область с Западной Сибирью.

О гористо-лесном Баянауле вообще лучше говорить стихами. По одной из легенд у Создателя после раздачи природных щедрот всем краям и землям осталась ещё понемножку всего самого лучшего, и он почему-то решил наградить этим богатством именно Баянаул.

Когда-то, много миллионов лет назад, на территории Прииртышья плескалось море, которое доходило до Казахского мелкосопочника и даже затопило часть его... Много позднее, когда сформировалась прииртышская пойма, её ландшафты во многом напоминали африканскую саванну. По богатым растениями и деревьями пространствам бродили стада антилоп, газелей, оленей; тут же жили мастодонты и жирафы, а в зарослях лесов скрывались гиены и саблезубые тигры. Одно из подтверждений всему этому — многочисленные останки древней фауны, которые находят на территории области.

Иртыш — крупнейшая река Казахстана и Сибири. На долю павлодарского Прииртышья приходится срединное течение Иртыша. Местами долина реки достигает в ширину 15-18 километров. Русло разбито множеством островов, песчаных кос на отдельные рукава, протоки, старицы, у которых есть названия — Белая, Усолка, Окунёвка, Орловка.

Течение Иртыша в пределах области — ровное, спокойное, местами — величавое. Глубина на перекатах — меньше метра, на плёсах — 6,5 метра. Средний годовой расход воды — 920 кубометров в секунду. К концу зимы толщина льда достигает более одного метра.

Уникальна и щедра пойма Иртыша, раскинувшаяся на 370 тысячах гектаров. Пойма — это заливные луга — естественный древний инкубатор, куда рыба во время половодья выходит метать икру. Здесь, на мелководье, под лучами весеннего солнца проклёвывается из икринок несметное количество рыбной молодёжи.

Пойма — неисчерпаемый источник кормов, редчайший природный комплекс с неповторимой фауной и флорой.

Не всякий художник способен передать красоту цветущей иртышской поймы, когда травы встают в рост человека. Специалисты насчитывают здесь одних лекарственных растений больше сорока видов. Есть сведения, что в начале прошлого века заготовка лекарственных растений в этих краях была поставлена довольно широко. Только целебного корня солодки припасалось ежегодно до полтысячи и более пудов. Затем он поставлялся в Англию, США и другие страны.

Иртышская пойма издревле кормила животных и птиц и, конечно, человека: здесь настоящее изобилие шиповника и калины, ежевики, щавеля, черёмухи, съедобных грибов. Пойменные озёра — раздолье для рыбаков.

В области насчитывается свыше 1200 озёр, большинство из них — солёные, около ста — пресные.

Самые крупные солёные озёра: Силетытениз — 965 квадратных километров, Жалаулы — 398, Кызылкак — 180, Большой Ажбулат — 110 квадратных километров.

Есть пресные озера тектонического происхождения — Жасыбай, Торайгыр, Сабандыкуль в Баянауле.

По площади сосновых лесов Павлодарская область уступает в республике лишь Восточно-Казахстанской области. Это особая группа лесов — ленточные сосновые боры, раскинувшиеся на территории обеих областей Казахстана и Алтайского края России... Эти леса растут на песчаных дюновых отложениях — по долинам древнего стока — параллельными лентами. Отсюда и их название. Сосны в борах достигают в ширину нескольких обхватов, а в высоту 30 и более метров.

Чалдайский ленточный бор богат зверьём и птицей, грибами. Здесь можно встретить и волка, и лося, и даже рысь, а из птиц — почти изжитого с территории области глухаря.

Один из путешественников, побывавший в здешних местах в конце девятнадцатого века, написал, что он не видел ничего более однообразного и унылого, чем павлодарская степь.

Вряд ли с этим согласятся те, кто живёт здесь... Для тех, кто способен понимать и ценить степь, она прекрасна во все времена.

Хорошо оказаться в степи весной, на исходе мая, ранним утром. Зелёный ковёр трав, земной простор до самого горизонта... Голубой купол неба. Внятный запах полыни... Песня невидимого в небе жаворонка... Найдётся ли человек, чью душу не тронет этот неброский, радующий взор пейзаж?

Умытая быстрым дождём июньская степь ходит под утренним ветром волнами и лоснится, как круп молодой сытой кобылицы.

Осенняя степь, особенно в погожие дни, дышит спокойствием и умиротворением... Самая земная из всех земных картин — хлеб от горизонта до горизонта. Всюду, куда хватает взгляда, хлеб, хлеб, хлеб...

Полна очарования и тайны скованная морозом зимняя степь, когда над ней курится позёмка и когда в ней так гармонируют, дополняя друг друга, цвет снега и прошлогодней травы.

Каких только трав не встретишь в павлодарской степи! Весной зацветают подснежники, одуванчики, ромашки и маки. К лету набирает силу разнотравье: сон-трава, таволга, полыни всех видов; зацветает ковыль; на солонцах растут свои травы, их так и называют “солеросы”... Удивительно богата разнотравьем лесостепь, где к середине лета поспевают в низинах и на опушках берёзовых колков степная земляника, с ароматом и вкусом которой не сравнится никакая другая ягода. А ещё берёзовые колки богаты шиповником и грибами. Любители “тихой охоты” знают, что в берёзово-осиновых колках водятся до десяти видов съедобных грибов: от простодушной сыроежки до франта подосиновика и важного своей статью белого гриба; от изящной лисички и скромного валуя до настоящего сырого груздя, особо ценимого у самых взыскательных грибников... Чалдайский сосновый бор после обильных летних дождей усеян маслятами.

Столь же многообразен животный мир области. Десятки видов млекопитающих и хищников, полтора десятка видов рыб, свыше сотни — птиц. Кроме распространённых повсеместно зайцев и лисиц встречаются два вида волков. Иногда в домах казахов, убранных в национальном стиле, можно встретить шкуру лесного волка с длинным, тёмным и мягким мехом. Степной волк отличается от своего лесного брата более скромными размерами и более светлым грубым мехом. В последние годы волков в области расплодилось так много, что за их отстрел охотникам выплачивают вознаграждение.

На севере области иногда можно встретить ценных пушных зверьков — выдру, колонка, ласку, степного хорька. Водятся и барсуки, у которых особо ценен не только мех, но и жир, обладающий целебными свойствами. В Баянауле прижились сурки, их тут целые колонии. Многие озёра облюбовала ондатра.

Из экзотических хищников в Чалдайском бору и в Баянаульских горах можно встретить рысь. В Чалдае же изредка попадаются почти полностью истреблённые лоси и маралы. В Баянауле, если вам повезёт, можете издали полюбоваться архаром... А в лесостепи ещё сохранились грациозные козули, которых местные жители именуют дикими козами.

Больше стало в последние годы традиционных жителей степи коршунов и беркутов и других хищников — кобчиков, сов, степных орлов. В Чалдайском сосновом бору и в Баянауле снова появились красавцы тетерева-косаки... А прижившиеся в Павлодаре сосны облюбовали остроносые дятлы.

Всё это — в дополнение к многочисленным видам пернатых, всегда обитавших на территории края: от традиционных воробьёв и синиц, сорок и ворон до экзотических ярко-окрашенных удонов, рябчиков и дятлов.

А ещё Прииртышье — извечная трасса для десятков видов перелётных птиц. Предвестники весны — скворцы (и не только они) каждую весну

прилетают сюда вить гнёзда, выводить птенцов, чтобы затем отправиться в свой многотысячный путь обратно. А другие птицы только останавливаются здесь, чтобы сделать передышку, подкормиться, нагулять жиру. Прилетают на гнездование водоплавающие: утки-атайки и утки-кряквы, серые гуси, чирки, крачки, кулики, лебеди, а также другие птицы — жаворонки, ласточки, стрижи, грачи... По осени на просяных полях кормятся совершающие перелёт на юг журавли-красавки...

“Князь птиц и рыб — беглец-зеленоводый” — написал об Иртыше поэт Павел Васильев. Когда-то так и было. Теперь рыбные запасы реки сильно оскудели, но даже в наши дни в Иртыше ещё встречаются осётр и стерлядь... А какой-то век назад мороженных осетров возили зимой по санному пути в Омск на лошадах — осетры были размером с небольшие укороченные брёвна. Водятся в Иртыше редкие нельма и налим, традиционные язь, щука, судак. В степных и пойменных озёрах и прудах изобилие карася и карпа, той же щуки, во всех водоёмах — чебака. В последнее время рыба в области перестала быть дефицитом.

Достоверно установлено: человек на территории, занимаемой нынешней областью, появился ещё в эпоху палеолита (древнекаменного века). Подтверждение тому — находки каменных орудий, кремниевых наконечников стрел и копий. Эти экспонаты, а также многочисленные свидетельства других древних эпох собраны в областном историко-краеведческом музее. Часть этого наследства принадлежала сакским племенам — одним из предков нынешних казахов. Находки, характеризующие их кочевой быт, датируются XII-XIII веками.

Останки древнего человека обнаружены в песках правого берега Иртыша, около райцентра Лебяжье (ныне Акку). Возраст “Прииртышского человека” — редчайшей находки на территории СНГ — оценивается в 30 тысяч лет. В разных уголках области обнаруживаются всё новые и новые захоронения более поздних эпох.

Несколько лет назад в районе села Лебяжье, у подножья берега Иртыша, археологи обнаружили галечные орудия древнего человека вместе с костями животных, вымерших более полутора миллиона лет назад. Помимо всего прочего, эти находки — свидетельство в пользу гипотезы о Центрально-Азиатском происхождении человечества.

Павлодарское Прииртышье — земля древней цивилизации Евразии, где возникла колыбель тюркских народов — Тюркский каганат. Учёными установлено, что на рубеже эпохи бронзы и раннего железа существовал развитой центр Тасмолинской археологической культуры, локализовавшийся вокруг Баянаульского горно-лесного массива по долинам рек Олен-ты, Шидерты и левобережью Иртыша.

В среднем течении Иртыша в IX-XI веках располагалась столица Кимакского каганата город Кимакия. Кимаки имели 16 городов, значительная часть которых располагалась на караванных трассах Великого шёлкового пути.

В XI-XIII вв. территория Павлодарской области стала частью могущественного Кыпчакского государства — “Дешт-и-Кыпчак”. В то время и позднее здесь традиционно кочевали кыпчаки, найманы и керейты.

В период образования и развития Казахского ханства павлодарское Прииртышье стало местом расселения казахских племён Среднего жуза: ар-гынов, найманов, кыпчаков, кереев и уаков.

Первые русские проникли на территорию Прииртышья в XVI веке — они приходили к Ямыш-озеру за солью. В XVIII веке по приказу российского царя Петра Первого строятся казачьи крепости на Иртыше — Ямышевская, Железинская и другие, а между ними поселения — форпосты. В том числе Коряковский форпост, с которого в 1720 году начинается история города Павлодара. Неподалёку от форпоста было два солёных озера, о которых в одной из книг того времени сказано: “Вода в озере столь прозрачна, что до дна видать можно, а соль эта зело чиста, аки лёд ясец, солка вельми и сладка”.

Первым русским населённым пунктом на территории области считается Ямышево, которое было основано в 1715 году как крепость. Его первыми жителями были служилые казаки.

В 1731 году произошло присоединение Казахстана к России. У многих учёных и деловых людей возникает интерес к неизведанным землям. Активно развивается торговля, налаживается быстрый и выгодный обмен товарами со степняками.

Долгое время основной “промышленной” отраслью в этом краю оставалась соледобыча. Работали на ней главным образом местные казахи, труд этот был неимоверно тяжёлым. Потом возникли производства, связанные с переработкой животноводческого сырья. Полукустарные цеха варили мыло и пиво, топили сало. Много было ветряных мельниц. В конце XIX века в Экибастузе было организовано Воскресенское горно-промышленное общество, которое занялось добычей каменного угля. Работали здесь казахи, русские, пленные, каторжники. Образ жизни, быт, условия труда степняков того времени запечатлел павлодарский фотограф и краевед Д. П. Багаев.

Казахское население издревле кочевало со своим скотом по здешним привольным просторам. Две волны крестьян-переселенцев из России и Украины (в конце XIX века и начале минувшего) принесли сюда навыки земледелия: переселенцы пахали землю, растили хлеб, овощи, разводили сады.

Так здесь, на стыке Казахстана с Россией, происходило соприкосновение двух народов. В истории их взаимоотношений случалось всякое — и хорошее, и плохое. В значительной мере благодаря России казахский народ сохранил себя как этнос в жестокой борьбе с воинственными джунгарами. Была и колонизация — притеснение казахов царской администрацией. Но было и главное — мирное соседство простых людей, товарный обмен, взаимовыручка, взаимовлияние культур и обычаев.

В годы советской власти судьбы двух народов переплелись ещё теснее в великой социальной трагедии насильственной коллективизации и политики принудительного “ускоренного оседания коренного населения” (перевода казахов с кочевого на оседлый образ жизни). Печальные результаты обоих великих экспериментов хорошо известны, они привели к гибели сотен тысяч людей.

В годы Великой Отечественной войны, помимо собственной воли, дополнили население края немцы, чеченцы, ингуши, представители других репрессированных народов.

Павлодарцы приближали победу на фронте и в тылу, не жалея для этого ни сил, ни жизни. Сорок шесть тысяч жителей области защищали родину в годы Великой Отечественной войны и почти половина их погибла на фронте. Павлодарская область — родина 22 Героев Советского Союза, четырёх полных кавалеров ордена солдатской Славы, десятки тысяч павлодарцев награждены боевыми орденами и медалями. Ежегодно 9 мая, в День Победы, во всех городах и сёлах люди приходят к обелискам славы, чтобы почтить память тех, кто погиб на полях Великой Отечественной.

Выгодное географическое положение области, обилие полезных ископаемых способствовали созданию мощной индустрии. Вспомним лишь о некоторых вехах в развитии промышленности.

В 1899 году в Павлодаре основаны судоремонтные мастерские.

В 1920-1921 годах в город проведена железная дорога.

В 1930 году в Павлодар прилетел первый самолёт.

В январе 1938 года принято решение о создании Павлодарской области.

В 1949 году построен железнодорожный мост через Иртыш.

В 1953 году пришёл первый поезд из Акмолинска. Начата эксплуатация железной дороги Павлодар — Акмолинск.

В 1954 году началось освоение целинных земель. В этом же году организовано Павлодарское отделение железной дороги.

С 1955 года начинается бурное развитие промышленности в области.

Начиная с середины пятидесятых годов, немногим более чем за 25 лет, в области был сформирован мощный территориально-промышленный комплекс, который по праву считался одним из самых динамично развивающихся в бывшем Советском Союзе.

За эти годы в Павлодаре были созданы предприятия стройиндустрии, построены алюминиевый и тракторный заводы, три тепловые энергоцентрали, химический, нефтеперерабатывающий заводы, предприятия местной промышленности, аэропорт, речной и железнодорожный вокзалы, многие объекты соцкультбыта.

В городе Аксу (бывший Ермак) была возведена первая в Казахстане Ермаковская тепловая электростанция, построен крупный завод ферросплавов.

В Экибастузе вступили в строй действующих крупнейший в мире угольный разрез “Богатырь”, Экибастузские ГРЭС-1 и ГРЭС-2, самый крупный в СССР железнодорожный узел.

В том, что бывшее союзное правительство ускоренными темпами развивало в области крупную промышленность, были свои положительные и отрицательные стороны. Хорошо, что аграрный край становился краем индустриальным. Но строили, подчас не думая о последствиях. “Посадив” в области ряд сверхмощных предприятий так называемого

союзного значения (металлургия, энергетика, нефтехимия, угледобыча), не подумали о том, как это скажется на экологии региона. А она испытывала и продолжает испытывать запредельные нагрузки — и по части выбросов в атмосферу вредных веществ, и по части загрязнения другими отходами производства.

Экологические проблемы довольно остро стоят в городах области. Но не только в них. Десятилетия на юге павлодарского Прииртышья гремели смертоносные ядерные взрывы. Значительной своей частью Семипалатинский ядерный полигон располагался на землях Павлодарской области. Жители многих сёл Майского, Лебяжинского районов не раз воочию наблюдали, как встаёт в степи злобный чёрный гриб атомного взрыва. Полигон был закрыт указом Президента Н. А. Назарбаева. Но последствия остаются: болеют люди, отравлена земля, понадобятся многие годы, чтобы залечить нанесённые природе и населению раны.

Бывшие «союзные» предприятия — жертвы гигантомании — первыми испытали на себе последствия развала Советского Союза — разрыв экономических связей, потерю прежних партнёров и рынков сбыта. Многим производствам из-за этого пришлось пережить жесточайший кризис, вплоть до вынужденной остановки.

Подобное происходило и в сельском хозяйстве. Во всех отраслях экономики наблюдался спад производства, бушевала инфляция, снижался уровень жизни людей.

Судьбоносной для страны стала Программа «Казахстан-2030» — «Прогноз, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», предложенная Президентом страны Н. А. Назарбаевым в 1997 году. Это было время, когда кризис достиг своего апогея, когда в Павлодарской области объём промышленного производства по сравнению с 1990 годом упал примерно вдвое. Ещё хуже была ситуация в строительстве и сельском хозяйстве. Но именно с этого года Республика Казахстан, а вместе с ней и наш регион, начали действовать в соответствии с долгосрочной стратегией развития страны.

С тех пор минуло больше десяти лет, отмеченных неуклонным ростом показателей во всех отраслях производства и социальной сферы — как в стране, так и во всех её регионах. В Павлодарской области валовой национальный продукт только за последние пять лет вырос более чем вдвое и достиг уровня более 450 миллиардов тенге.

За десять лет в области вступили в строй более 15 новых крупных промышленных предприятий — по производству стального литья (ТОО «Кастинг»), медицинских препаратов (фирма «Ромат»), розливу жидкого хлора (АО «Каустик»), электрических кабелей (АО «Казэнергокабель»), строительных материалов и ряд других, в том числе уникальных — предприятий по производству чистого алюминия (АО «Алюминий Казахстана») и бесшовных труб для нефтяной и газовой промышленности.

На 45 предприятиях сертифицировано на международные стандарты 60 систем менеджмента качества, на очереди — ещё десятки предприятий. Осуществлён ряд уникальных проектов социального назначения.

Приспособились к рыночным реалиям и успешно развиваются ведущие предприятия Экибастуза и Аксу.

Введена в эксплуатацию железнодорожная линия Аксу — Дегелен, которая создала новый транзитный путь, связывающий по кратчайшему

направлению северные и восточные регионы республики. Завершена электрификация железнодорожного пути Павлодар — Экибастуз, что позволило снизить расходы на эксплуатацию, увеличить вес и скорость поездов, оздоровить экологическую обстановку в этом районе.

В области успешно развиваются программы индустриально-инновационного развития и жилищного строительства, поддержки малого и среднего бизнеса, устойчивого развития агропромышленного комплекса, развития сельских территорий и ряд других — как в экономике, так и в социальной сфере.

Количество действующих предприятий малого и среднего бизнеса в регионе превысило 31 тысячу, на них занято более 78 тысяч человек. Ими производится продукции и оказывается ежегодно услуг на сумму свыше 50 миллиардов тенге.

Область располагает крупнейшим в СНГ отделением железной дороги, современным аэропортом. В регионе разветвлённая сеть автомобильных дорог, крупный грузовой речной порт. В числе первых в Казахстане область внедрила сотовую телефонную связь.

Реалии рыночной экономики уверенно вошли в повседневную жизнь области. Большинство предприятий сменило форму собственности — они стали акционерными обществами, предприятиями с частной и смешанной собственностью.

Казахстан сегодня стремится к быстрой интеграции в мировое сообщество, в мировую экономику. У Павлодарской области есть для этого всё необходимое: богатые природные ресурсы, высокий промышленный и кадровый потенциал, стабильная общественно-политическая обстановка, национальное согласие. И не удивительно, что многие иностранные партнёры обращают свой взор на наш регион.

Общий объём внешнеторгового оборота предприятий области составляет свыше двух миллиардов долларов США. Экспортные поставки осуществляют десятки предприятий. Это ферросплавы и глинозём, уголь и нефтепродукты, химическая и другая продукция... География экспортных поставок — страны СНГ, десятки государств дальнего зарубежья. Ведущим торговым партнёром области по-прежнему остаётся Россия, на долю которой приходится больше всего экспортно-импортных поставок.

Успешно развивается социальная сфера. Укрепляется материально-техническая база образования и здравоохранения.

В соответствии со стратегией развития Казахстана в Павлодарской области разработана и успешно осуществляется программа жилищного строительства.

Согласно ей ежегодно вводится в строй не менее восьми-десяти тысяч квадратных метров коммунального (для бюджетников и социально уязвимых слоёв) жилья и до 40 тысяч — ипотечного. Снижение цены на последнее достигается тем, что государство берёт на себя оплату строительства инженерных коммуникаций.

Рядом с Павлодаром выделен участок под строительство пяти тысяч индивидуальных жилых домов. Все коммуникации сюда будут подведены за счёт областного бюджета. Здесь также построят школу, детский сад и специальную детскую деревню.

В Павлодаре был в кратчайшие сроки построен диагностический центр, оснащённый самым современным медицинским оборудованием, включая магнитно-резонансный томограф. Вскоре к диагностическому центру добавится кардиологический центр. Много делается для сельской медицины.

Все школы области имеют сегодня выход в Интернет, интерактивные доски и другие современные средства обучения. Парк школьных компьютеров насчитывает более 4500 единиц, или по одному на каждые 20 учеников. Ставится задача за счёт средств бюджета обеспечить бесплатным Интернетом студентов всех павлодарских вузов и колледжей.

Вполне закономерно, что в течение уже ряда лет область лидирует в Казахстане по итогам единого национального тестирования.

Лучшим в республике признан Павлодарский областной трудовой студенческий отряд.

Всего в регионе формируется на лето до 90 и более студенческих и молодёжных трудовых отрядов, которые работают по восьми направлениям: строят и ремонтируют производственные объекты, жильё, сельские клубы, убирают урожай, расчищают горельники в сосновом бору, занимаются благоустройством городов и сёл.

В составе таких отрядов ежегодно насчитывается более двух тысяч парней и девушек. Так как они хорошо зарекомендовали себя, их охотно берут на стройки, в крестьянские и фермерские хозяйства — всюду, где нужны умелые руки.

В области активно реализуется программа “Булак” (“Родник”). Благодаря ей на селе повсеместно возрождаются Дома культуры и клубы, разрушенные или попросту заброшенные во времена экономического кризиса, а также библиотеки и другие культурные учреждения.

В некоторых сёлах Дома культуры и клубы сохранены потому, что были когда-то выкуплены в частную собственность. Находится немало хозяев — фермеров, сельских предпринимателей, которые безвозмездно передают их землякам на баланс местных бюджетов.

Павлодарская область — край не только индустриальный, но и аграрный. Коренные жители — казахи — веками кочевали на здешних раздольных, богатых травами землях с табунами лошадей, отарами овец, разводили верблюдов. Сохранились свидетельства о том, что один из баянаульских баев владел лишь конскими табунами в 25 тысяч голов.

Переселенцы из России занимались земледелием: выращивали пшеницу и просо, сажали огороды, закладывали сады. Казачество, помимо земледелия и скотоводства, промышляло рыбной ловлей.

Традиционный сельский уклад жизни перенёс в двадцатом веке два мощных потрясения — послереволюционную коллективизацию и связанную с ней политику “оседания” коренного населения (перевод его с кочевого и полукочевого на оседлый образ жизни), а также освоение целинных и залежных земель.

Освоение целины способствовало бурному росту развития сельского хозяйства и промышленности в павлодарском Прииртышье. В те годы

связали свои судьбы с Казахстаном многие выходцы из России, Украины, Белоруссии и других республик.

Целина была очередным великим штурмом со всеми вытекающими последствиями. Один за одним в Павлодар шли эшелоны: из Алма-Аты, Москвы, Орла, Тулы, Донбасса, Ставрополя, Ленинграда, Ярославля, Львова, Волгограда, с Урала... Энтузиазм у людей был необычайный. Уже весной 1954 года в области было распаханно свыше миллиона новых земель, на четверть больше, чем планировалось. А всего за годы освоения целины было распаханно в общей сложности 2,8 миллиона гектаров земель. В 1958 году область сдала государству рекордное количество хлеба — 124,5 миллиона пудов, или без малого два миллиона тонн, за что была награждена орденом Ленина.

Целина, конечно, имела для жизни края огромное значение — она преобразила его. В области выросли десятки новых крупных совхозов, изменился к лучшему быт в прежних сёлах, начался стремительный рост индустрии. Но вместе с тем сплошная массовая распашка лёгких по механическому составу почв, погоня за валом привели к ветровой эрозии земель. На укрощение её ушли многие годы. В числе тех, кто лечил землю, был агроном Г. Г. Берестовский, лауреат Ленинской премии, один из авторов почвозащитной системы земледелия на целине.

За годы целины в Павлодарской области вырос замечательный отряд руководителей, специалистов сельского хозяйства, директоров хозяйств и бригадиров, добивавшихся огромных достижений и оставивших о себе добрую память. Назовём лишь некоторых из них: секретарь обкома партии С. И. Старусев, начальник облсельхозуправления К. А. Жумабеков, первые секретари райкомов партии В. Б. Сыздыков, И. И. Баюк, Н. Ф. Гегер, председатели колхозов Я. Г. Геринг (имени 30-летия Казахской ССР), К. Я. Блац (имени Тельмана), В. П. Поляков ("Победа"), В. К. Руди (имени Кирова), директора совхозов Н. Ф. Мальцев ("Бобровка"), В. В. Смирнов ("Песчанский"), И. И. Колодий, бригадиры А. А. Миллер (Иртышский район), А. А. Ахмедин, П. Я. Гурулёв (Актогайский район) и многие другие. Не один десяток сельских тружеников — земледельцев и животноводов — был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Их добрую славу продолжают Н. А. Миллер (ТОО имени Абая), А. А. Касицин (ТОО "Галицкое"), С. У. Аскараров (опытное хозяйство "Иртышское") и многие другие.

В результате целинного штурма традиционно преобладающее в области степное скотоводство было решительно потеснено в пользу зернового хозяйства. Причём далеко не везде оправданно, и сейчас этот перекокс приходится выправлять.

Что же собой представляет агропромышленный комплекс сегодня?

В области было 27 колхозов и 131 совхоз. Теперь их нет, бывшие государственные хозяйства сменили форму собственности — стали акционерными обществами, частными, крестьянскими и другими хозяйствами. Крупнейшие из них — товарищества с ограниченной ответственностью имени Абая "Мука Казахстана" в Иртышском районе, имени Кирова и имени Тельмана в Павлодарском, "Победа" — в Щербактинском, "Галицкое" — в Успенке и ряд других.

Традиционно считалось, что Павлодарская область входит в так называемую зону рискованного земледелия: здешние земли особым

плодородием не отличаются, недостаёт и осадков, которых выпадает в год от 200 до 350 миллиметров. Область сегодня имеет площади зерновых примерно полумиллиона гектаров.

Главная продовольственная культура — пшеница, сеют её в основном на севере и северо-востоке области, где почва плодороднее. Урожайи, как правило, невелики, но на паровых полях в лучшие годы здешние земледельцы-агрономы М. И. Трусов, В. С. Пет-

рушкин, бригадир Т. В. Волков и другие собирали по 30-35 центнеров с гектара. Павлодарская пшеница особо ценится из-за высокого содержания клейковины, выращиваемые здесь сильные и твёрдые её сорта используются в качестве улучшителя муки, получаемой из зерна обычных мягких пшениц. Твёрдые сорта пшеницы — незаменимое сырьё для макарон.

Издавна возделываются на территории области крупяные культуры — гречиха и просо. Область — крупнейший производитель гречки и пшена в Казахстане. Были времена, когда в Павлодарской области размещалось почти 12 процентов гречишного поля всего Советского Союза.

Павлодарское Прииртышье с его почти идеально ровными земельными массивами, огромными запасами пресной воды располагает уникальными возможностями для развития орошаемого земледелия. Крупные оросительные системы действовали во многих хозяйствах области, использующих для полива воды Иртыша, канала Иртыш — Караганда, а также подземную влагу из артезианских скважин. Уникальный опыт применения подземных вод для полива был накоплен в колхозе имени Я. Геринга. Уже десятки лет Иртыш поит своей водой поля Черноярки — главного огорода Павлодара. Общая площадь поливных земель в области составляла в своё время около 80 тысяч гектаров. Сейчас их гораздо меньше, но оросительные системы восстанавливаются, и орошаемая пашня возрождается к жизни. На поливе выращиваются картофель, овощи, бахчевые культуры. Доброй славой пользуются в области крестьянские

хозяйства братьев Мингазовых из сельской зоны Аксу, внедряющих на поливе современную технологию и высокоурожайные сорта.

В большинстве районов области ведущая отрасль — животноводство: молочное и мясное скотоводство, табунное коневодство, свиноводство. В ряде хозяйств сформировано высокопродуктивное молочное стадо. В госплемзаводе “Бескарагайский” выведена ценная порода тонкорунных овец — североказахский меринос. Они отличаются высокой шёрстной продуктивностью, хорошо приспособлены к суровым местным климатическим условиям.

В области содержится свыше 354 тысяч голов крупного рогатого скота, 434 тысячи овец и коз, свыше 70 тысяч лошадей. Большинство этого скота находится в личных подсобных хозяйствах.

Аграрный сектор области уже пережил самые трудные времена. Пересмотрена с учётом реалий рынка и здравого смысла структура посевных площадей и специализация хозяйств, возникают новые производства и отрасли. Создаются компактные перерабатывающие предприятия в сельской глубинке, местах производства продукции. Построены и действуют сотни таких объектов — мельницы и пекарни, сыродельные и колбасные цеха, цеха по выработке подсолнечного масла, мороженого, кондитерских изделий.

Павлодарская область лидирует в Казахстане по развитию сельских кредитных товариществ (СКТ). Сегодня они действуют в каждом районе, а координирует их работу акционерное общество “Аграрная кредитная корпорация”.

Создание товариществ на селе востребовано самой жизнью, ведь они позволяют получить кредит без лишних хлопот, связанных с оценкой залога и оформлением многих документов.

Сельчане быстро почувствовали вкус к новому делу: сегодня у 12 СКТ 293 учредителя, их общий кредитный портфель — около миллиарда тенге. А самое главное возврат заёмных средств — стопроцентный.

В области, как уже говорилось, разработаны и осуществляются программы развития села. Крестьяне получают кредиты на льготных условиях, улучшают технологию земледелия, закупают новую высокопроизводительную технику. Ощутимы сдвиги в животноводстве, где ставка делается на развитие племенного дела, создание крупных молочно-товарных ферм, укрепление традиционных для региона овцеводства и коневодства.

Очень многие горожане с охотой работают на своих дачных участках, выращивая на них не только картофель и овощи, но и клубнику, малину, смородину, вишню,obleпиху, крыжовник, бахчевые культуры, разные сорта яблок и даже виноград.

Не вызывает сомнений тот факт, что область всегда будет в состоянии себя прокормить. Она также может экспортировать сельскохозяйственную продукцию.

По договорённости с Минским тракторным заводом в Павлодаре налажена сборка колёсных тракторов МТЗ-82,1. Первая сотня этих машин отправлена в сельские округа, в распоряжение акимов — глав местных администраций. Оснащённые полным набором сельхозорудий и других

приспособлений, “Беларуси” помогут благоустраивать сёла, очищать их от мусора и навоза, вспахать землю для приусадебных огородов, доставить сено и уголь, выполнять другие заказы сельчан.

Значительную часть области занимает степная равнина, которую казахи издревле называют Сары-Арка — Золотая степь. Вероятно, имелось в виду и то обстоятельство, что на этой местности большую часть года преобладает золотисто-жёлтый цвет.. Но со временем заявил о себе и первоначальный смысл названия — эта неброская с виду и далеко не самая плодородная земля таит в себе немыслимо огромные богатства.

По подсчётам специалистов, общая стоимость балансовых запасов только твёрдых полезных ископаемых региона оценивается в 460 миллиардов долларов. Это уголь и самые разные металлы, включая золото и серебро, строительные материалы и многое другое. Часть месторождений давно и успешно разрабатывается, на остальных ведутся дополнительные геологоразведочные работы, уточняются реальные объёмы полезных ископаемых, условия добычи.

В области сосредоточено более трети всех угольных запасов Казахстана. Самые крупные из месторождений — Экибастузское и Майкубенское, которые хранят, соответственно, 10,5 и 2,2 миллиарда тонн энергетического сырья.

Перспективны для освоения и девять других месторождений с общим запасом угля около трёх миллиардов тонн. Имеющихся разведанных объёмов хватит не на одно столетие.

Особенность большинства всех этих месторождений в том, что уголь в них залегает неглубоко, местами его пласты выходят прямо на поверхность земли. Поэтому добывается он экономичным открытым способом. За первые полвека освоения Экибастузского бассейна добыто свыше двух миллиардов тонн угля. Чтобы перевезти такое количество груза, потребуется свыше 500 тысяч железнодорожных составов, в которых будет более 30 миллионов вагонов. Этот поезд, длиной примерно в полмиллиона километров, сможет много раз обогнуть нашу Землю по экватору.

Подготовлено к освоению крупнейшее медно-порфировое месторождение “Бошеколь”. Руды здесь залегают близко от поверхности земли и содержат в промышленной концентрации не только медь, но и молибден, серебро, другие ценнейшие металлы. А общие запасы меди во всех месторождениях составляют три с половиной миллиона тонн.

Почти в 150 тонн оцениваются прогнозные запасы месторождения золота, которые, кроме этого драгоценного металла, также содержат серебро, медь, цинк, барит.

Месторождения кобальта и никеля оцениваются по прогнозам в 14 тысяч и 251 тысячу тонн, марганца — в 70 тысяч тонн. Важнейшая особенность рудных запасов края — их многокомпонентный состав: кроме основных названных металлов, они содержат молибден, бериллий, индий, таллий, галлий, кадмий, германий, селен, теллур.

Найдены в области месторождения малахита и бирюзы. Некоторые специалисты считают, что есть реальные предпосылки для обнаружения технических и ювелирных алмазов.

Нет пока в павлодарском Прииртышье открытых месторождений нефти и газа. Но это, похоже, лишь дело времени. Почти половину территории области занимает Прииртышская впадина, которую геологи считают перспективной на огромные запасы углеводородного сырья. Прогнозные ресурсы нефти оцениваются в 315 миллионов тонн, а газа — в 148 миллиардов кубических метров.

А ещё в области насчитывается 89 месторождений так называемых общераспространённых полезных ископаемых: это сырьё для производства различных строительных материалов, для нужд промышленности и для других целей. Так, например, Карасорское месторождение формовочных песков — крупнейшее в СНГ. Примерно 700 миллионов тонн ценнейшего сырья хранит Сухановское месторождение каолиновых (беложущихся) огнеупорных глин. Эти глины пригодны для получения высококачественных огнеупоров, электрокерамики, фаянсовых и сантехнических изделий.

И это ещё далеко не все богатства. Интерес для деловых предпринимчивых людей могут представлять гигантские запасы вторичных ресурсов: отвалы вскрышных пород в Экибастузе и Майкубене, “хвосты” золотосодержащих руд в Майкаине, горы шлака и золы — отходы мощных тепловых электростанций. В отвалах — едва ли не вся таблица Менделеева, а в золе теплоэлектростанций — до 17 процентов окиси алюминия.

Наш край не обделён водными ресурсами. Иртыш — крупнейшая водная артерия Казахстана и великий труженик. Трудно даже перечислить все профессии реки. Иртыш — животновод, хлебороб, овощевод, его воды поят посевы. Но есть у Иртыша и рабочие специальности — он энергетик, металлург, машиностроитель, угольщик, без него остановились бы целые отрасли.

Иртыш связывает павлодарцев с казахстанскими и сибирскими соседями, по реке вверх и вниз снуют баржи с грузами — песком и гравием, лесом и нефтепродуктами.

Значение Иртыша для области огромно. Уже не одно десятилетие Иртыш поит своей водой ещё и Экибастуз, Караганду, Жезказган. Это стало возможным благодаря строительству канала Иртыш — Караганда, который теперь носит имя академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Канал не имеет аналогов. Почти на всём его 450-километровом протяжении иртышская вода течёт в гору, преодолевая водораздел высотой в полкилометра. Вверх по “ступеням” воду гонят 22 насосные станции. Без канала невозможно было бы развитие угледобычи и энергетики в Экибастузе, чёрной металлургии в Караганде. Он также снабжает питьевой водой население этих городов и многих других посёлков и сёл, орошает десятки тысяч гектаров пашни. На пути канала созданы 13 водохранилищ. Из Караганды иртышская вода по 700-километровому водоводу поступает в Жезказган. А теперь иртышская вода пришла и в Астану — Иртыш начал подпитывать свой приток Ишим. Сразу в это трудно поверить, но это так.

Огромные пресные — не озёра даже, а моря обнаружены под землёй. На территории области разведано одиннадцать месторождений подземных вод с эксплуатационными запасами 3,8 миллиона кубических

метров в сутки. И почти все эти гигантские природные резервуары пригодны для питья и орошения. Используются же сегодня лишь три процента этого бесценного богатства.

Есть у нас и источники лечебно-питьевых и минеральных вод. Далеко за пределами области известны чудодейственные целебные свойства грязей и рапы озера Мойылды и других водоёмов.

По первой Всероссийской переписи в начале прошлого века на территории нынешней области проживала 141 тысяча человек. В том числе свыше 132 тысяч казахов и около девяти тысяч русских — в поселениях Иртышской укрепленной линии.

В настоящее время население области — 760 тысяч человек. Национальный состав: казахи — 43 процента, русские — 40, украинцы — 7,1, немцы — 3,7, татары — 2 процента. Весьма представительны диаспоры — белорусская, азербайджанская, чеченская, ингушская, польская, еврейская, удмуртская, чувашская. А всего в регионе живут представители более 70 национальностей.

После обретения Казахстаном суверенитета у потомков казахских семей, которые когда-то, спасая свои жизни, вынуждены были покинуть родину, появилась возможность вернуться. И немало монгольских, китайских, иранских, российских, узбекских казахов возвращаются к некогда покинутым очагам. Власти помогают им в переезде и обустройстве на новом месте, поиске работы. Тем самым государство исправляет историческую несправедливость, допущенную в разные годы по отношению к соплеменникам.

В отношениях между людьми разных национальностей царят мир и согласие. Этому способствует Конституция суверенного Казахстана, другие законодательные акты, провозглашающие равенство людей, независимо от цвета их кожи и разреза глаз. По инициативе Президента Н. А. Назарбаева в нашей республике создана и активно работает Ассамблея народа Казахстана, а в регионах её подразделения — Малые ассамблеи народов. У нас в области Малая ассамблея, созданная первой в республике, зарекомендовала себя многими добрыми делами. В её составе 16 национально-культурных центров: славянский культурный центр, общество немцев “Возрождение”, товарищество украинской культуры имени Т. Г. Шевченко, корейский культурный центр, еврейский национальный центр “Мерказ”, общество поляков “Полония”, чувашский общественно-культурный центр, армянское общество “Айреник”, чечено-ингушский, татаро-башкирский, азербайджанский, белорусский, греческий, болгарский, карачаево-черкесский и кабардино-балкарский национально-культурные центры, лига женщин-мусульманок. При Малой ассамблее действует и её молодёжное крыло. Всего же в области работают 23 национально-культурных объединения и около 30 их филиалов.

Привычным для павлодарцев стало участие национально-культурных центров в общегосударственных праздниках, массовых гуляниях. По инициативе совета Малой ассамблеи ежегодно проходят областные фестивали национальных культур, проводятся другие важные мероприятия, способствующие укреплению дружбы между людьми, достижению национального согласия.

Принято решение о строительстве в Павлодаре Дома дружбы, под крышей которого разместятся все национально-культурные центры и школа национального возрождения.

Мы давно поняли — наше богатство и наша сила как раз в том, что мы такие разные, и мы умеем этим достоянием дорожить.

Территория области представлена десятью районами и тремя городами. Районы: Актогайский, Баянаульский, Железинский, Иртышский, Качирский, Лебяжинский, Майский, Павлодарский, Успенский, Щербактинский. Города — Павлодар, Экибастуз, Аксу, последние два имеют и сельские зоны. На территории области действуют 172 сельских и аульных округа, 494 сельских населённых пункта.

“Мой Павлодар, мой город ястребиный...”. Это строки из стихотворения нашего земляка, талантливейшего поэта Павла Васильева, сына двух культур — русской и казахской... Строки, известные теперь едва ли не каждому павлодарцу.

А начинался Павлодар с Коряковского форпоста, одного из звеньев укрепленной военизированной казачьей линии, создаваемой Россией по указу Петра I в начале XVIII века вдоль Иртыша. Его появлению здесь способствовало соседство озера, богатого поваренной солью. Добычу и транспортировку её по Иртышу организовал местный купец Коряков, чьим именем и был назван форпост. Форпост стоял на правом высоком берегу Иртыша, окруженный деревянным частоколом и вооруженный двумя пушками, которые, впрочем, за всё время его существования не сделали ни одного выстрела.

Выросшее здесь поселение преобразовывается по мере развития сначала в станицу Коряковскую, а в 1861 году, в честь рождения у царя Александра Второго сына Павла, в заштатный город Павлодар.

С 1848 года на почтовом тракте Павлодар — Каркаралы, при пикете Куянды, ежегодно проходила ярмарка. Куяндинская ярмарка длилась месяц — с 15 июня по 15 июля. По совершаемому обороту она могла потягаться со знаменитой Нижегородской ярмаркой и имела громадное значение для хозяйственного развития северной и центральной части Казахстана. На ярмарку ехали купцы из Центральной России, Средней Азии, Афганистана, Китая...

В 1868 году Павлодар стал уездным центром Семипалатинской области, ещё через четыре года сюда была проведена телеграфная связь. Затем были основаны судоремонтные мастерские, построена первая мельница. А ещё в начале минувшего века в Павлодаре и его окрестностях насчитывалось свыше 80 ветряных мельниц.

Центральная часть города застраивалась купеческими особняками, ближе к пристани размещались торговые ряды, лабазы, склады. Открылись городской банк, школы, училища, две православные церкви, мечеть.

Во время пожара 1901 года преимущественно деревянный Павлодар полностью выгорел.

Революция и гражданская война оставили свои кровавые следы в Павлодаре. Власть в городе и в округе не раз переходила из рук в руки, от красных к белым и наоборот, из-за чего погибло немало людей.

В первые два с лишним десятилетия Советской власти Павлодар был типичным провинциальным городишком — одноэтажным, почти без зелени, летом его улицы заносило песком, зимой заваливало снегом.

Когда Павлодар стал центром созданной в Казахстане области, его население (по переписи 1938 года) составляло 29 тысяч человек.

После Великой Отечественной войны начинается бурная индустриализация края. В Павлодаре, Экибастузе, Ермаке (ныне Аксу) строятся предприятия энергетики, металлургии, угледобычи, машиностроения, нефтехимии. Разворачивается крупное жилищное строительство.

И сегодня Павлодар по праву можно назвать индустриальным сердцем региона. Предприятия города хорошо известны не только в Казахстане, но и далеко за его пределами.

Павлодарский алюминиевый завод (АО «Алюминий Казахстана») — первенец алюминиевой промышленности в республике и флагман её цветной металлургии — вступил в строй в 1964 году. Во времена СССР предприятие по праву считалось одним из лучших в цветной металлургии страны и сегодня оно хорошо известно в мире, занимает передовые позиции среди родственных предприятий СНГ по техническому уровню, эффективности производства и качеству продукции. Использует прогрессивные технологии, современное оборудование, имеет высокую степень механизации, автоматизации технологических процессов.

Завод выпускает глинозём, металлический галлий, известняк, сернокислый алюминий.

Объём производства глинозёма, поставляемого электролизным заводам России, доведён до рекордного уровня в один миллион 533 тысячи тонн, что в полтора раза превышает его проектную мощность.

АО «Алюминий Казахстана» — один из крупнейших в мире производителей галлия, применяемого в электронной промышленности, солнечной энергетике, лазерной технике. Годовой выпуск галлия высших марок составляет до 20 и более тонн, и его, кстати, в мире производится меньше, чем золота. Галлий поставляется в Европу, США, Японию.

«Алюминий Казахстана» — единственный в республике производитель сернокислого алюминия — высокоэффективного коагулянта для очистки питьевой, технической и сточных вод. Основные потребители этой продукции — предприятия Казахстана и России.

В 2007 году выдал первую продукцию Казахстанский электролизный завод. В Павлодаре была сдана в эксплуатацию его первая очередь мощностью 62 тысячи алюминиевого литья в год. На торжественном пуске предприятия присутствовал Президент Казахстана Н. А. Назарбаев.

Новое производство построено в рекордно короткие сроки — за 27 месяцев. Пуск второй очереди мощностью 125 тысяч тонн товарного алюминия планируется на 2010 год. А при выходе на полную проектную мощность здесь будет ежегодно производиться 250 тысяч тонн алюминиевого литья и продукции из него. Общая стоимость проекта составляет около

900 миллионов долларов. После вывода завода на полную мощность на нём будут работать 3000 человек.

Новая продукция, пришедшая на смену павлодарскому глинозёму, востребована на мировом рынке. Большой интерес к ней проявляют фирмы, не нуждающиеся в представлении — “Митцубиси”, “Дайво”, Лондонская и Шанхайская биржи металлов.

В перспективе планируется возведение второго электролизного завода мощностью в 250 тысяч тонн товарного алюминия, а также анодно-монтажного цеха и ряда других производств с созданием соответствующих инфраструктур.

Все эти производства, а их будет более 30, причём самого разного профиля, войдут в создаваемую в регионе свободную (специальную) экономическую зону (СЭЗ), которая разместится на 1300 гектарах — вблизи электролизного завода. Для привлечения инвесторов и обеспечения эффективности СЭЗ “Иртыш” (так она названа) предусматриваются существенные налоговые льготы.

Помимо производства различного вида продукции из алюминия — до 260 тысяч тонн в год, здесь планируется наладить выпуск продукции из стали на основе переработки металлолома, для чего будет возведён мини-завод с полным металлургическим циклом и широким ассортиментом продукции.

Предприятия малого и среднего бизнеса разместят в СЭЗ производства продукции для машиностроения — деталей, узлов, запасных частей, цистерн и много другого. Венцом этого “города мастеров” станет бизнес-центр, где разместятся офисы предприятий и сервисных компаний, объекты социальной инфраструктуры.

По расчётам специалистов, в создание СЭЗ будет вложено около миллиарда долларов частных инвестиций.

Поскольку “Иртыш” потребует и больших энергетических ресурсов, предполагается построить на Аксуской ГРЭС два новых электроблока мощностью по 600 мегаватт каждый.

Недавно выдал первую продукцию завод бесшовных труб различного диаметра, предназначенных для нефтяной и газовой промышленности. При выходе на проектную мощность он будет производить до 350 тысяч тонн стальных труб в год. В его создании принимают участие ведущие мировые фирмы, а общая стоимость проекта превышает один миллиард долларов.

Павлодарский тракторный завод, берущий своё начало в 1968 году, был одним из крупнейших машиностроительных предприятий СССР. Здесь работало до 22 тысяч человек, в год выпускалось свыше 50 тысяч гусеничных тракторов марки “Казахстан”, которые работали по всему Союзу и за рубежом. Часть тракторов отправлялась на Калкаманский завод дорожных машин, где на них навешивалось бульдозерное оборудование.

Всего было выпущено свыше 700 тысяч тракторов. Завод имел огромное количество партнёров, поставлявших ему комплектующие узлы и детали. После распада СССР и разрыва экономических связей предприятие оказалось в труднейшем положении и практически прекратило своё существование в качестве машиностроительного. Часть его корпусов использована для размещения новых конкурентоспособных производств.

По территории области проходит участок нефтепровода Омск — Павлодар — Шимкент, по которому тюменская нефть поступает со скоростью три километра в час на Павлодарский нефтеперерабатывающий завод. Он вступил в эксплуатацию в 1978 году и вскоре стал известен тем, что здесь была достигнута самая глубокая в СССР переработка нефти — до 80 и более процентов. Предприятие перерабатывает ежегодно 7,5 миллиона тонн нефти, производит автомобильный бензин разных марок, авиационный керосин, дизельное и котельное (мазут) топливо, сжиженные газы, нефтебитум и другую продукцию.

Павлодарский картонно-рубероидный завод сдан в эксплуатацию в 1975 году. Выпускает кровельные материалы, картон, пергамин и рубероид различных марок. Несколько лет назад вступила в строй технологическая линия по выпуску гофрокартона и гофropосуды.

Этот завод — предприятие высокой культуры производства, его успехи связаны во многом с личностью директора Николая Петровича Шабрата.

В Казахстане четыре завода изготавливают кабельно-проводниковую продукцию, но лишь один из них — павлодарское акционерное общество “Казэнергокабель” — получил на неё международный сертификат качества ИСО-9000.

Начали здесь с выпуска кабельной продукции трёх десятков наименований, а сегодня в номенклатуре продукции завода свыше трёх тысяч наименований.

Российские производители кабельно-проводниковой продукции, а это свыше 40 заводов, приняли “Казэнергокабель” в свою ассоциацию.

Международный сертификат менеджмента качества вывел предприятие на новый уровень партнёрства с производителями этой продукции в мире.

Подтверждением тому может служить сотрудничество с израильской фирмой “Супериор”. Она также производит кабельно-проводниковую продукцию, имеет устойчивую репутацию на мировом рынке, владеет современными технологиями в этой отрасли. Израильцы предложили павлодарцам создать на базе акционерного общества новое производство, которое позволяет выпускать специальные кабели для нефтегазового комплекса республики, а также телефонный кабель, который пока тоже завозится в республику.

Павлодарский фармацевтический завод “Ромат” действует с 1999 года. Выпускает одноразовые шприцы, одноразовые системы, лекарственные препараты. Фирма признана лучшей фармацевтической компанией в Казахстане.

Сегодня завод выпускает в год 100 миллионов шприцев, а в ближайшей перспективе увеличит этот объём в два с половиной раза. В павлодарском шприце используются японские иглы с остриём трёхкратной лазерной заточки, что позволяет им не прокалывать ткани, а раздвигать их.

Эта продукция поставляется и на экспорт. А всего фирма выпускает 130 видов лекарственных препаратов, в том числе и собственных разработок, например, противотуберкулёзные препараты нового поколения на основе микро- и наночастиц.

Доброй славой в городе и за его пределами пользуются предприятия АО “Кастинг”, фирмы “Жеты Агаин”, “Стальмонтаж”, “Крендель” и многие другие.

На павлодарском аэродроме завершён капитальный ремонт лётного поля. Теперь аэропорт способен принимать любые типы самолётов.

А новое светосигнальное оборудование позволяет обслуживать их по первой категории. В Павлодаре действуют современные железнодорожный и автовокзал.

В 15 километрах от Павлодара расположен санаторий “Мойылды”. Целебные свойства грязи и рапы расположенного рядом озера издавна были известны в народе. Ими лечили ревматизм, радикулит, болезни кровеносной системы и другие заболевания. С 30-х годов прошлого века здесь действовал курорт. В годы Великой Отечественной войны тут лечили раненых. В СССР “Мойылды” был здравницей всесоюзного значения и сейчас он известен далеко за пределами Казахстана.

Среди почётных граждан Павлодара люди, внёсшие особый вклад в его развитие — экономическое и социальное.

Это — первый городской голова, купец и промышленник А. И. Деров, партийно-советские работники М. К. Каирбаев, Б. В. Исаев, Х. Х. Демесинов, строители З. К. Кабдуалиев, А. В. Гальченко, И. Д. Рязанцев, руководители города Е. Г. Азаров, А. Н. Джазин, Н. И. Чмых, руководители предприятий А. С. Саркыншаков, Н. П. Шабрат, С. С. Беркетов, врач Я. Я. Фрезе, металлург А. А. Алькенов, историк и педагог М. С. Тереник, спортсменка Л. В. Прокашева, писатели Х. Н. Бекхожин, А. Ш. Шамкенов и ряд других знатных земляков.

Павлодар — студенческий город. Здесь несколько вузов, колледжей, которые имеют славную историю и добрую сегодняшнюю славу.

Павлодарский государственный университет (ПГУ) имени С. Торайгырова создан в 1996 году на базе Павлодарского индустриального института, основанного в 1960 году, и педагогического института, позднее вновь отделившегося и получившего статус самостоятельного вуза. ПГУ — настоящая кузница высококвалифицированных кадров для разных отраслей экономики. Среди выпускников индустриального института — Д. К. Ахметов — бывший премьер-министр Казахстана, ныне министр обороны.

Павлодарский госуниверситет сегодня — одно из ведущих высших учебных заведений страны, располагающее высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом и солидной материально-технической базой. Идёт становление вуза в качестве многоотраслевого научного центра.

В его активе — издание русско-казахских словарей по 30 научным направлениям, серии уникальных книг, включая энциклопедию “Павлодарское Прииртышье”, собрание сочинений Г. Н. Потанина и ряд других. При университете открыто несколько музеев.

Инновационный Евразийский университет (прежде ПаУ — Павлодарский университет) — один из первых негосударственных вузов области. Создан в 1995 году. Ведёт подготовку по десяткам специальностей высшего и среднего профессионального образования. В университете действуют колледж, магистратура и аспирантура. Здесь обучается свыше 12 тысяч студентов.

Большая и славная история у Павлодарского педагогического института, пережившего кризисные времена и вновь работающего в качестве вуза, по подготовке педагогических кадров с высшим образованием по самым разным специальностям.

Люди, определявшие в своё время градостроительную политику в Павлодаре, позаботились о том, чтобы он стал современным красивым городом. План генеральной застройки павлодарцам помогали разрабатывать ленинградские архитекторы. И хотя в Павлодаре, как и в большинстве других казахстанских городов, преобладало типовое домостроение, у него есть и свои особые черты. Он компактен, просторен и светел, многие его улицы — настоящие проспекты. Павлодар расположен так, будто он смотрится в Иртыш.

У каждого из тех, кто живёт в этом городе, есть свой Павлодар. Его старожилам так же, как в детстве, а может, и более того, дороги ничем не приметные уголки старого Затона, уже давно зажатого жилыми многоэтажками. Кто-то из старых павлодарцев, казалось, ещё вчера бегал играть в такой родной и такой уютный Ленпарк, а теперь водит туда гулять своих внуков, замечая, как похорошел в последнее время старый знакомец.

Молодёжи по душе скорее новый Павлодар с его новой Набережной, аттракционами на Иртыше, летними кафе и ночными клубами.

Гусиный перелёт старые павлодарцы по-прежнему ласково именуют “Гусинкой”, а совсем рядом взметнулась ввысь, гостеприимно раскрыв ладони, гостиница “Сарыарка”, а рядом с ней — высотные жилые дома.

Индустриальная поступь Павлодара отмечена не только появлением промышленных гигантов, но и рождением нового, “другого” города. Он строился именно как город, рос не по дням, а по часам, засматриваясь на себя по утрам в гладкие воды Иртыша, как в зеркало, и словно радуясь происшедшим в себе отрадным переменам.

Как трудно приживались в Павлодаре первые сосны! А теперь они уже дают первый подрост — вернейший признак того, что это прихотливое дерево поселилось в городе надолго, а может, навсегда. Озеленение Павлодара на целые десятилетия стало делом всех горожан, о павлодарских “чистых пятницах” знала вся страна, и сегодня все горожане — и стар и млад — по праву могут гордиться зелёным ожерельем областного центра, его чистотой. Немногие из городов Казахстана и соседних областных центров России способны соперничать с Павлодаром по числу и многообразию цветников и фонтанов.

А как пришёлся к лицу сегодняшнему Павлодару величественный златоглавый Благовещенский кафедральный собор, который строили воистину всем миром! И теперь кажется, что он стоял тут всегда. Горожане любят приходить сюда в одиночку и семьями, приводить своих гостей и друзей из других городов.

За считанные месяцы выросла в самом центре города главная мусульманская мечеть имени Машхура Жусупа — уникальное архитектурное сооружение. Одновременно она может принять полторы тысячи верующих. Высота купола мечети — 54 метра, а каждого из четырёх минаретов — 63 метра. Уникален купол мечети, сконструированный в виде шанырака — верхней части юрты, древнего жилища казахов, дошедшего до наших дней. Отныне культовое сооружение, радующее своими строго выверенными очертаниями душу каждого мусульманина, стало и одной из главных достопримечательностей Павлодара.

Восточную окраину Павлодара уже не один год украшает католический храм. А на открытие синагоги съехались гости со всех концов света.

А как гордятся горожане новой Набережной! Равной по красоте не встретишь на всём течении Иртыша — от Усть-Каменогорска до Омска. И если у каждого жителя Павлодара есть свой город, то Набережная в нём, конечно, для всех. Это любимейшее место отдыха, прогулок, праздников, а ещё оригинальный,

демократичный и очень вместительный концертный зал, способный принять сразу десятки тысяч зрителей.

Добавил очарования Набережной и появившийся здесь большой оригинальный фонтан, построенный по индивидуальному проекту.

Уютно в Павлодаре, как в родном Баянауле, вечно юному Султанмахмуту Торайгрову, запечатлённому в металле на пересечении двух центральных улиц города.

К достопримечательностям Павлодара по праву можно отнести областной историко-краеведческий музей имени Г. Н. Потанина и литературный музей имени Бухар-Жираву. Одним из основателей первого был Д. П. Багаев, краевед, автор уникальной фотолетописи края, «собиратель» его истории. В Павлодаре действует теперь дом-музей Д. П. Багаева.

В разделах музея имени Бухар-Жираву, где собрано более 1600 экспонатов, представлено творчество казахских и русских писателей, поэтов, акынов, большинство из которых в рекомендациях не нуждаются. Есть здесь уникальные экспонаты: личные вещи писателя-драматурга Жусупбека Аймаутова, акына-импровизатора Исы Байзакова, писателя Всеволода Иванова, кинорежиссёра Шакена Айманова, писателя Рамазана Токтарова.

В фондах музея хранятся рукописи произведений А. Сорокина, Вс. Иванова, П. Васильева, Ж. Шанина, Д. Абилева, С. Донентаева, Машхура Жусупа Копеева, К. Кеменгерова, М. Алимбаева, А. Новосёлова, М. Хусаина, Н. Ваккер, Р. Пфлюг.

Здесь также представлено творчество Бухар-Жирау, Котеш-акына, Сакау-акына, Жаяу Мусы, Естая Беркимбаева, Майры Шамсутдиновой, Султанмахмута Торайгырова, Дихана Абилева, Аманжолы Шамкенова и других.

В музее хранятся книги наших современников Мубарака Жаманбалинова, Сергея Шевченко, Калмухана Исабаева, Ахата Жаксыбаева, Виктора Семерьянова, Ольги Григорьевой и других.

На одной из тихих улочек в старой части города уютно расположился дом-музей Павла Васильева, выстроенный из чалдайской сосны на месте прежнего дома Васильевых, простоявшего здесь целый век.

Павел Васильев посвятил Павлодару, всему Прииртышью немало замечательных строк. Как никто другой он смог передать в своих стихах и неуёмную казачью удаль, и звон домбры, и вихревую скачку горячих скакунов... Всё это он жадно впитывал с детства и сумел запечатлеть. В Павлодаре стали традиционными Васильевские чтения.

Сохранился в городе старый домишко, где когда-то была типография, в которой работал наборщиком будущий известный писатель Всеволод Иванов, друживший с Мухтаром Ауэзовым и Габитом Мусреповым. О своём житье-бытье в станице Лебяжинской, в Павлодаре, в Урлютюбе, о нравах местного населения он очень ярко рассказал в повести «Факир идёт к цирку».

В 1946 году в Павлодаре был открыт областной драматический театр имени Чехова. В биографии его — успешные гастроли в Алма-Ате, Москве, Свердловске, десятках других городов бывшего Союза. И в нынешние трудные времена театр продолжает жить, радовать зрителей своими спектаклями.

Казахский музыкально-драматический театр имени Жусупбека Аймаутова создан в 1990 году. Преодолены все сложности организационного периода, сформирована труппа талантливых актёров во главе с заслуженным работником культуры режиссёром Еrsaином Тапеновым. Среди наиболее удачных постановок этого театра — спектакли казахских и зарубежных классиков «Айман-Шолпан», «Козы Корпеш и Баян-сулу», «Гамлет» и другие. Коллектив театра с большим успехом выступает на международных и республиканских конкурсах театральных коллективов.

Большим культурным событием стало появление в Павлодаре двух концертных роялей знаменитой марки “Стэнвэй”. Оба они изготовлены в Гамбурге и по праву считаются произведениями искусства. Рояли уже звучат, первые концерты на них дали лучшие казахстанские и российские исполнители.

Популярен у павлодарцев художественный музей (музей изобразительного искусства), который работает как главный выставочный центр области. В его хранилищах — около шести тысяч экспонатов. В своё время здесь прошли выставки выдающихся художников и учёных Николая и Святослава Рерихов, рисунков Нади Рушевой, знаменитой дымковской игрушки, художественных полотен из уникальной коллекции Невзоровых. В музее регулярно проходят персональные выставки талантливых местных художников Александра Бибина, Галыма Каржасова, Михаила Колмогорова, Виктора Поликарпова, Михаила Бекетова, Кажибек Баймулдина, Валерия Приходько. Картины павлодарских художников давно разошлись по миру — они есть в США, Германии, Франции, Израиле...

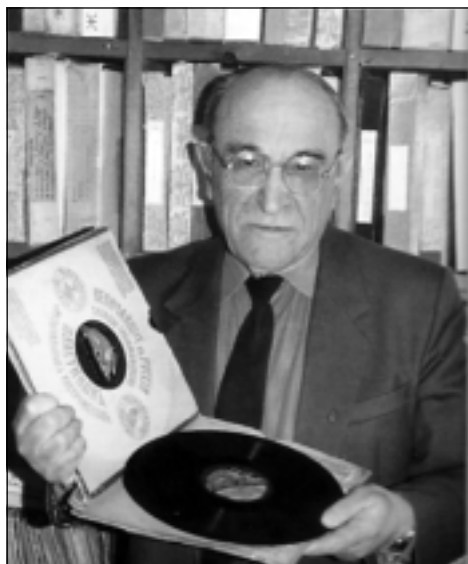
Несколько лет назад благодаря поддержке тогдашнего акима области Даниала Ахметова и поэта Евгения Евтушенко в Москве с большим успехом прошла персональная выставка Александра Бибина.

В городе действует ещё один уникальный музей — второго такого нет не только в Казахстане, но, наверное, и в мире. В этом музее размещена огромная коллекция пластинок, которую всю жизнь собирал музыковед, филолог, профессор Павлодарского университета Наум Григорьевич Шафер. На двадцати с лишним тысячах пластинок собраны все лучшие музыкальные произведения всех времён и народов. И это бесценное богатство служит сегодня городу, и не только ему. А музей так и называется — “Дом Шафера”.

Недавно создан и уже завоевал большую популярность в городе симфонический оркестр, во главе с талантливым дирижёром Болатом Рахимжановым.

Вообще же в Павлодаре много талантливых творческих коллективов.

Павлодар также известен уже упоминавшимся уникальным природным памятником, который называется “Гусиный перелёт”. Здесь, в городе, на правом берегу Иртыша московскими учёными Ю. А. Орловым и Е. Д. Шлыгиным проведены раскопки богатейших захоронений останков древних животных так называемой гиппарионовой фауны. В частности, были найдены кости трёхпалой лошади-гиппариона, жившей 12-14 миллионов лет тому назад, а также других древних животных — носорога-хилотерия, гиены, саблезубого тигра-махайрода, жирафа, черепахи, птиц. Подобного памятника природы в городской черте нет больше нигде в мире... Существует проект создания палеонтологического музея “Гусиный перелёт” под открытым небом.

В Павлодаре работает школа национального возрождения. Это уникальное учебное заведение, аналогов которому нет ни в Казахстане, ни в других странах СНГ. Главное назначение школы национального возрождения — сохранение и развитие языков, культур, обычаев этнических групп, проживающих в городе и области.

Свои классы в этой школе имеют немецкий, украинский, азербайджанский, чувашский, корейский, польский, еврейский, чечено-ингушский, армянский, татарский национальные центры. Занятия ведутся дифференцированно для разных возрастных групп, по авторским программам, адаптированным к конкретным условиям.

Преподаватели — местные и зарубежные. Они обучают свыше пяти-сот человек, среди которых и дети, и взрослые. В расписании занятий — не только родной язык, но также история народа, музыка, хореография. Оформлены в национальном стиле десять кабинетов, оборудованы удобные актовый и танцевальный залы, приобретены необходимые технические средства, учебно-методическая литература.

Среди других достопримечательностей города — дворцы культуры, ледовый дворец “Астана”, сохранившиеся архитектурные памятники прошлого, дворец школьников, спортивные комплексы и многие другие объекты.

С Павлодаром связаны имена очень многих выдающихся людей. Здесь были по пути в одну из своих экспедиций Николай и Елена Рерихи. По пути в семипалатинскую ссылку — Фёдор Достоевский. Не раз бывал в Павлодаре Чокан Валиханов. Свои строки о нашем крае оставил известный писатель М. М. Пришвин. Учёный-этнограф Г. Н. Потанин, видные учёные К. Сатпаев, Ш. Чокин и А. Маргулан, самобытный литератор Антон Сорокин, акын-импровизатор Иса Байзаков, писатели Халижан Бекхожин и Рамазан Токтаров — они и многие другие яркие, талантливые люди оставили свой след в Павлодаре. Среди наших знаменитых земляков режиссёр с мировым именем Владимир Хотиненко и российский актёр Алексей Булдаков.

Маша Мудряк в своё время вошла в книгу рекордов Гиннесса как самая юная певица планеты, записавшая свой компакт-диск. Маша поёт на русском, казахском, английском, итальянском, польском языках. Несколько лет назад десятилетняя Маша поступила во всемирную академию La Scala, а затем — в консерваторию Джузеппе Верди.

В Италии Маша Мудряк учится по президентской программе “Болашак” и уже удостоена почётной грамоты “За достигнутые успехи и высокие показатели в образовании, направленные на укрепление имиджа страны”.

Машу успели узнать и полюбить не только на родине, в Казахстане, где она регулярно выступает, но также в Италии и в России.

Павлодарское Прииртышье — регион с давними крепкими спортивными традициями. Футбольный клуб областного центра — неоднократный чемпион Казахстана. В последние годы команда пробует свои силы и в международных турнирах. Недавно завершена реконструкция центрального

стадиона, и футбольное поле на нём отвечает теперь всем международным требованиям.

Павлодарская женская баскетбольная команда “Иртыш-ПНХЗ” (Павлодарский нефтехимзавод) — чемпион Казахстана — в 2007 году также выиграла чемпионат России среди команд высшей лиги.

В десятку лучших в мире вошла молодёжная сборная Казахстана по хоккею с шайбой, костяк которой составляют павлодарские спортсмены.

Далеко за пределами области и республики знают павлодарских боксёров, борцов разного стиля, шахматистов.

Павлодарская конькобежка Людмила Прокашева — призёр зимних Олимпийских игр в Нагано.

Подрастают новые олимпийцы, которые ещё заставят мир говорить о себе.

Экибастуз — город с населением около 120 тысяч человек. Статус города он получил в 1957 году, когда в нём проживало 25 тысяч человек.

В семидесятые-восемидесятые годы Экибастуз узнала все наша бывшая большая страна — за два десятилетия здесь был создан крупнейший в СССР топливно-энергетический комплекс — ЭТЭК.

Экибастуз обеспечивает дешёвым каменным углём 22 крупные тепловые электростанции Казахстана и России. Этот уголь идёт не только в десятки адресов по республике, но и в Омскую область, на Урал, в другие регионы России.

Весь добываемый уголь доставляется потребителям по железной дороге. В Экибастузе действует крупнейший в Казахстане и СНГ железнодорожный узел, способный отправлять в год до ста миллионов тонн энергетического сырья.

Часть добываемого угля сжигается в топках двух крупных тепловых электростанций — ГРЭС-1 и ГРЭС-2, поставляющих электроэнергию в разные регионы Казахстана и России.

Экибастуз не без основания называют городом угольщиков и энергетиков. Крупнейшие предприятия этих двух отраслей и сегодня действуют эффективно благодаря привлечению инвестиций.

Экибастуз — город с развитой социальной инфраструктурой. Объекты культуры представлены современным Дворцом культуры “Онер” (бывший дворец энергетиков), центром культуры “Атамура”, парком культуры и отдыха. Действуют музыкальная и художественная школы, а также школа искусств. Успешно работают шесть хореографических и много других творческих коллективов. А несколько лет назад открыл свои двери не имеющий аналогов в области центр семейного досуга, где есть всё необходимое для отдыха и развлечения детей и взрослых — от аттракционов для самых маленьких до тренажёрных залов и салонов красоты и саун для их родителей.

Развита система образования, в том числе высшего и среднего специального.

Экибастузский инженерно-технический институт имени К. И. Сатпаева уже выпустил свыше 2400 специалистов. Успешно работают филиалы Казахского женского педагогического института и Инновационного Евразийского университета.

В Экибастузе создаётся первый в Казахстане республиканский образовательный центр по подготовке высококвалифицированных кадров рабочих специальностей для ведущих отраслей экономики.

Первыми в области экибастузцы создали Дом дружбы, под крышей которого разместились действующие в городе национально-культурные центры: славянский, татаро-башкирский, корейский, польский, чечено-ингушский, азербайджанский, немецкий, еврейский, а также лига женщин-мусульманок. Все они хорошо известны своими добрыми делами по упрочению национального единства.

Украшением города стали построенные в годы независимости мусульманская мечеть и православный храм.

Экибастуз — спортивный город. Его представители не раз завоёвывали призовые места на республиканских и международных соревнованиях. В городе есть большой стадион, дворец спорта, много других спортивных сооружений. Популярна у экибастузцев местная футбольная команда, играющая в высшем эшелоне республиканского турнира.

В Экибастузе отбывал часть своего срока будущий нобелевский лауреат, автор всемирно известной книги “Архипелаг Гулаг” Александр Солженицын. Его повесть “Один день Ивана Денисовича” навеяна именно экибастузскими впечатлениями. До сих пор работает в Экибастузе ТЭЦ, которую строил Солженицын. А спустя некоторое время здесь оказался в ссылке на должности директора этой самой ТЭЦ бывший Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков — один из тех, кто отправлял своих ни в чём не повинных сограждан в лагеря, подобные экибастузскому... Вот какие парадоксы творит история...

Марафонец из Экибастуза Марат Жыланбаев — автор многих спортивных достижений по бегу в экстремальных условиях, вошедших в книгу рекордов Гиннеса. Его так и называют — “Человек, бегущий по планете”.

Экибастузский угольный бассейн, одним из открывателей которого стал местный казах — рудознатец Косум Пшембаев, был обнаружен во второй половине XIX века. В 1899 году павлодарским купцом А. И. Деровым было создано Воскресенское горно-промышленное акционерное общество, которое начало добычу угля в Экибастузе, проложило железную дорогу к Иртышу длиной 116 километров для его вывозки. Уголь предназначался для нужд Западно-Сибирской железной дороги, его на баржах доставляли в Омск. Однако и качество его (высокая зольность) оставляло желать лучшего, и себестоимость добычи и доставки была высокой, он не пользовался спросом. Несколько лет спустя добыча угля прекратилась, шахты были затоплены. Затем здесь пытались наладить работу англичане, добывшие в 1916 году 62 тысячи тонн угля. Они же вели переговоры с В. И. Лениным после революции, чтобы взять Экибастузские угольные копи в концессию, но так ни о чём и не договорились. Копи были национализированы и только спустя почти четверть века, в 1948 году, началось строительство первого угольного разреза.

С тех пор в Экибастузе и Майкубене добыто свыше двух миллиардов тонн угля. Максимальное его количество добывалось в конце восьмидесятых годов прошлого века — до 90 миллионов тонн в год.

Экибастузские угольные разрезы представляют собой гигантские амфитеатры, в уступах которых работают роторные экскаваторы. Уголь из разрезов на поверхность доставляется железнодорожным транспортом, большегрузными автомобилями и мощными конвейерными линиями.

Прежде все угольные разрезы действовали как единый комплекс и входили в состав объединения “Экибастузуголь”. В ходе рыночных преобразований они стали структурными подразделениями разных компаний.

Разрез “Богатырь” занесён в книгу рекордов Гиннесса — как самый крупный разрез в мире. Его проектная мощность — 52 миллиона тонн угля в год, в восьмидесятые годы прошлого века она была превышена (в 1985 году добыто 56,8 миллиона тонн). С 1996 года разработку разреза ведёт ТОО “Богатырь Аксес Комир” (БАК) — лидер угольной промышленности Казахстана, это же предприятие разрабатывает с 1999 года разрез “Северный”.

Ежегодно БАК отгружает потребителям Казахстана и России до 40 миллионов тонн угля. На нём работают 12 электростанций нашей республики и 9 электростанций России.

На “Богатыре” много такого, чего больше нет нигде в мире. Здесь введён в эксплуатацию первый в мировой горной практике межступенный мостовой конвейерный перегружатель. Он предназначен для нарезки угольных горизонтов роторным экскаватором и погрузки угля на ленточный конвейер, расположенный на 25 метров выше уровня экскаватора.

Уникальный подъёмный конвейер позволяет углубляться в угольный пласт на 25 метров и выполнять добычные работы на нижнем горизонте. Транспортировка угля с нижних горизонтов разреза вверх, на погрузочный комплекс, осуществляется по конвейерной технологии. Забойный перегружатель обеспечивает погрузку на конвейер низкосольных угольных пластов с одновременным усреднением угля по качеству. Технологический

комплекс “Богатыря” переведён на электрическую тягу. За всеми этими технологическими прорывами стоит компания “Богатырь Аксес Комир”.

Общий объём добычи угля на “Богатыре” с начала его эксплуатации превысил один миллиард тонн.

Сегодня нижние добычные горизонты расположены на глубине 260 метров. Уголь отсюда доставляется наверх для складирования сорока 90-130-тонными автомобилями “Катерпиллер”, “КамАЗ”, “БелАЗ”.

На разрезе “Северный” с начала его эксплуатации добыто около 600 миллионов тонн угля.

Экибастузский разрез “Восточный” — структурное подразделение АО ЕЭК — Евразийской энергетической корпорации, “Восточный” — уникальное горное предприятие по добыче угля открытым способом. Эксплуатируется с 1985 года, проектная мощность — 20 миллионов тонн угля в год.

Впервые в мире на этом разрезе при наклонном залегании пластов с ограниченной горизонтальной мощностью внедрена поточная технология с конвейерным транспортом, доставляющим уголь на поверхность. Общая длина конвейеров — более 17 километров.

Уголь “Восточного” пользуется особым спросом благодаря усреднению — многократному смешиванию угля из пластов с разной глубиной залегания и различной степенью зольности.

Помимо Аксуской электростанции, продукция разреза идёт на Аксуский завод ферросплавов, теплоэнергоцентрали Астаны, Алматы, Павлодара, Омска, Екатеринбурга, Челябинска, в Киргизию.

С начала эксплуатации разреза добыто свыше 300 миллионов тонн угля.

Большие перспективы имеет Майкубенский угольный бассейн с запасом топлива от 1,9 до 2,2 миллиарда тонн. Уголь здесь в отличие от высокозольного (от 21 до 45 процентов) экибастузского малозольный (15-17 процентов), малосерный, высокой теплотворности. Он хорошо горит и поддаётся обогащению. Ещё этот уголь используется в последние годы и как техническое сырьё для металлургической и химической промышленности.

Правительством Казахстана утверждена и осуществляется программа “Уголь Экибастуза”, направленная на повышение конкурентоспособности экибастузского угля на российском рынке топлива.

Экибастузская ГРЭС-1 (ныне AES-Экибастуз) по праву считалась одной из самых крупных тепловых электростанций СССР. И строила её, без преувеличения, вся наша бывшая большая страна. Первый энергоблок мощностью 500 мегаватт поставлен под нагрузку в апреле 1980 года, последний — восьмой — введён в эксплуатацию в октябре 1984 года. Это были невиданные темпы строительства. Установленная проектная мощность ГРЭС-1 — 4000 мегаватт.

Уже больше десяти лет станцией владеет ТОО «AES-Экибастуз». Этой же корпорации принадлежит Майкубенский угольный разрез. Сегодня станция, где проведена значительная модернизация, располагает мощностью в 2000 мегаватт и производит свыше 11 процентов электроэнергии Казахстана. Станция также поставляет электроэнергию на российский рынок.

Экибастузская ГРЭС-2 — самая современная электростанция Казахстана. Установленная мощность станции — 1000 мегаватт. На станции действуют два энергоблока по 500 мегаватт каждый. Первый энергоблок был введен в эксплуатацию ещё в СССР, а второй — уже в суверенном Казахстане. В торжественной церемонии пуска этого энергоблока 22 декабря 1993 года принимал участие Н. А. Назарбаев. С тех пор этот день отмечается в Казахстане как профессиональный праздник энергетиков.

Дымовая труба ГРЭС-2 высотой в 420 метров занесена в книгу рекордов Гиннеса — как самая высокая в мире. Сверхвысокая труба по замыслу проектировщиков должна способствовать уменьшению объёма вредных выбросов в регионе, рассеивая их в верхних слоях атмосферы.

Экибастузская ГРЭС-2 покрывает до 12 процентов потребностей Казахстана в электроэнергии.

При создании станции внедрён ряд прогрессивных технических и хозяйственных решений. В частности, впервые использованы котлы, позволяющие считать уголь зольностью свыше 50 процентов.

В связи с динамичным развитием экономики Казахстана и России растёт потребление электроэнергии. Правительствами двух стран достигнута договорённость о сооружении на ГРЭС-2 третьего и четвёртого энергоблоков по 500 мегаватт каждый.

Планируется также сооружение электролиний «Север — Юг» — для обеспечения экибастузской электроэнергией по доступным ценам южных регионов страны.

Доброй славой в Экибастузе и за его пределами пользуются другие предприятия. В их числе — многопрофильное предприятие «Грань», которое

ремонтирует горнотранспортное оборудование любой сложности, подвижной железнодорожный состав, электрооборудование.

ТОО “Ремстрой” выполняет все виды строительно-монтажных и специальных строительных работ и отлично зарекомендовало себя на различных стройках области.

ТОО “АиК” отработало технологию производства сплава ферросиликоалюминия, аналогов которой ещё не было в мире, потому что для этого используются породы Экибастузского угольного бассейна. Пока в год выплавляется одна тысяча тонн этого дефицитнейшего сплава, к 2010 году планируется довести объём производства до 6500 тонн. Это же предприятие наладило выпуск минераловатных изделий, которые потребляют крупнейшие предприятия и стройки республики.

ТОО “МАИС”, как принято говорить, с “нуля” создавало транспортное пассажирское предприятие, в котором теперь более 60 комфортабельных шведских автобусов “Вольво”, ежедневно выходящих на городские, междугородные и международные маршруты.

В Экибастузе действует единственный в республике частный аэропорт.

Успешно работают ТОО “Техноцентр “Аверс” и “Болашак”, многие другие малые предприятия.

А всего в городе насчитывается около 1400 малых предприятий в форме юридических лиц и около 2900 индивидуальных предпринимателей, без которых невозможно представить себе сегодняшнее лицо Экибастуза.

Несколько лет назад создан Экибастузский научно-технический центр — с перспективой организации технопарка — инновационной структуры, способной интегрировать усилия науки, образования, производства для достижения общих высоких целей.

В городе учреждён знак “За заслуги перед Экибастузом”, обладателями которого стали десятки человек, внёсших большой вклад в развитие экономики и социальной сферы.

Город Аксу расположен в сорока километрах от Павлодара, на левом берегу Иртыша. Его население — около пятидесяти тысяч человек. Город берёт своё начало с хутора Глинка, рядом с которым была построена Воскресенская пристань, откуда отправлялся по реке в Омск уголь, доставленный по специально построенной железнодорожной ветке из Экибастуза. Затем здесь выросло небольшое поселение, названное посёлком Ермак. С 1961 года — это город Ермак, переименованный в 1993 году в Аксу.

Мировую известность имеет расположенный за чертой города Аксуский завод ферросплавов, основная часть продукции которого благодаря своей высокой конкурентоспособности идёт на экспорт.

Неподалёку от города находится Аксуская ГРЭС — первенец тепловой энергетики Казахстана. Станция действует уже более четверти века.

Рядом с Аксу возведена головная насосная станция, где берёт начало канал Иртыш — Караганда. Его воды поят поля окрестных хозяйств, поставляющих в область и за её пределы картофель и овощи. Канал также обеспечивает потребности промышленности и всех жителей города.

В Аксу насчитывается около 1600 субъектов малого предпринимательства.

В 1970-1980 годы на территории района действовал Калкаманский завод дорожных машин, выпускающий бульдозеры (на базе тракторов Павлодарского тракторного завода), которые поставлялись в районы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья и Прибалтики. В самом городе работали крупные заводы металлоконструкций и железобетонных изделий.

Аксу располагает развитой социальной сферой. Несколько лет назад завершились работы по созданию комплекса городской набережной. Аксу стал призёром республиканского конкурса среди малых городов “Экологически чистый город”.

В городе действуют историко-краеведческий музей, Дворец культуры и культурно-досуговый центр, парк культуры и отдыха, большой стадион. Работают дом детского творчества, школа искусств, станция юных натуралистов.

Большой известностью в республике пользуется народный фольклорный ансамбль “Русские узоры” — лауреат многих, в том числе международных, конкурсов. Популярны также детский вокально-эстрадный ансамбль “Айналайын”, оркестр казахских народных инструментов.

В Аксу знают и любят дешёвые национально-культурные центры — славянский, украинский, немецкий, чечено-ингушский, лигу женщин-мусульманок.

Аксуский завод ферросплавов (филиал АО “ТНК Казпром”) отметил в 2008 году своё 40-летие. Предприятие — один из мировых лидеров по производству ферросплавов — хромистых, кремнистых, марганцевых. Диапазон их применения — от товаров ширпотреба до космической отрасли. На мировом рынке ферросплавов в США завод занимает первое, в Европе — второе, в Японии — третье место.

Предприятие ежегодно наращивает выпуск продукции, который доведён в 2007 году до одного миллиона 400 тысяч тонн. Здесь действует комплексная программа модернизации и технического перевооружения, внедряются ресурсосберегающие технологии. Одними из первых в Казахстане на заводе ферросплавов внедрили международные стандарты качества — в основном производстве, системах управления охраной труда и охраной окружающей среды. Значительно продвинулось предприятие и в достижении комплексной переработки сырья.

Завод располагает медцентром “Евразия”, поликлиникой с терапевтическим и хирургическими отделениями. Недавно вступил в эксплуатацию и заводской диагностический центр, оборудованный по последнему слову техники.

Аксуская электростанция (ранее Ермаковская ГЭС) дала первый ток в 1968 году. На станции действуют семь энергоблоков общей установленной мощностью в 2100 мегаватт. Теперь станция — главное структурное подразделение ЕЭК — “Евразийской энергетической корпорации”, куда

также входят угольный разрез “Восточный” и производственно-ремонтное предприятие.

Аксуская электростанция — крупнейший поставщик электроэнергии на энергорынке Казахстана, опорный узел, связующий между собой энергосистемы Западной Сибири, Алтайского края и северо-восточного Казахстана.

На предприятии осуществлена уникальная технологическая операция, которой не знала мировая практика, — модернизация основного оборудования с заменой энергоблоков в условиях действующей станции.

Станция первой в отрасли получила сертификат менеджмента охраны окружающей среды по требованиям международного стандарта, внедрила международную систему менеджмента в сфере охраны труда, здоровья и безопасности.

Есть такое место в области, куда обязательно захочет вернуться каждый, кто хоть раз там побывал. Это Баянаул — жемчужина Прииртышья, один из живописнейших уголков Казахстана.

Баянаул расположен в 230 километрах от Павлодара, в южной части области... Волнистая степь, древние курганы... И вдруг впереди в лёгкой дымке, как миражи, возникают синие горы. Они невысоки, но очень своеобразны. Кажется, природа здесь специально изошрялась, пустив в ход всю свою фантазию. Каких только естественных каменных изваяний не встретишь в Баянаульских горах! Вот округлая гора, напоминающая хлебный каравай — её так и называют “булка”. А неподалёку как будто покачивается на тонкой шее голова “бабы-яги” с хищным крючковатым носом. Казахи образно и точно называют эту скалу “кемпиртас”. Есть ещё “камень-копье”, “конская голова”, “скала-голубь” и великое множество других.

Поистине неистощима здесь на выдумки природа.

В горах встречаются гроты самой необычной формы. Кое-где в них можно разглядеть сохранившиеся наскальные рисунки и письмена древнего человека. Их ещё называют “писаницы Драверта” — по фамилии учёного П. Л. Драверта, исследовавшего этот край.

Академик А. Х. Маргулан писал: “Больше всего памятников эпохи бронзы сосредоточено в районе Каркаралинских и Баянаульских гор... Найденны совершенной и изящной формы керамические, бронзовые и костяные изделия, которые подтверждают, что... районы были основными очагами бронзовой культуры Центрального Казахстана”.

В обнаруженном списке археологических памятников Баянаула — 94 названия древних курганов, могильников, каменных изваяний, древних писаниц и рисунков.

Склоны баянаульских гор изобилуют многообразной растительностью. На их склонах и в долинах растут сосна, берёза, осина, ольха, самые разные кустарники. Чаще всего деревья — особенно сосна и берёза — стоят прямо на камнях. Это — удивительное зрелище! Трудно дереву бороться с камнем, рвётся оно вверх, изгибается, словно в танце, но цепко держится корнями-щупальцами за неподатливую “почву”, дробит её и само становится крепким и твёрдым — как камень.

Много здесь всякой ягоды — малины, смородины, шиповника, боярышника, черёмухи, калины... Почти каждый год родит дикая земляника, осенью — изобилие грибов. Всего в Баянауле насчитывается 270 видов деревьев, кустарников, трав, в том числе около 50 — реликтовых.

Разнообразен и животный мир — это примерно пятьдесят видов птиц и сорок видов зверей. Встречаются, например, тетерев, архар, косуля, рысь, барсук, белка.

Сказочно красивы здешние озера Сабандыкуль, Джасыбай, Торайгыр. Ранним утром, когда ещё тихо, в зеркальной глади озёр отражаются горы. Вода в озёрах и родниках чистая и прозрачная, как слеза. Плюс ко всему этому горный, настоящий на хвое и ароматах трав целительный воздух... Трудно найти ещё столь благодатное место для отдыха и лечения.

Первыми оценили все достоинства Баянаула самодеятельные туристы и курортники. Летом сюда из года в год приезжают тысячи отпускников из области, других регионов Казахстана, соседи-сибиряки. Тут расположены детские оздоровительные лагеря, зоны отдыха предприятий области, туристические базы.

К сожалению, человек далеко не всегда деликатен

и мудр в своих взаимоотношениях с природой. Поэтому своевременным и уместным было создание в Баянауле Государственного национального природного парка площадью около 50 тысяч гектаров. Пока на его обустройство недостаёт средств. Но в перспективе, наряду с сохранением здешних удивительных природных богатств, фауны и флоры, вполне возможно и создание современной базы отдыха и международного туризма.

Население Баянаульского района традиционно занималось животноводством. И сегодня здесь разводят лошадей, грубошёрстных овец, крупный рогатый скот. По количеству скота район лидирует в области. А уклад жизни чабанов и табунщиков мало изменился — преобладает отгонное животноводство, табуны и отары пасутся круглый год.

Местные мастера-умельцы хранят вековые навыки и традиции своих предков. Здесь помнят многочисленные легенды, предания, были. Одна из них — о гордой и верной красавице Баян, героине популярнейшей казахской эпической поэмы “Козы-Корпеш и Баян-сулу”. С именем Баян исторические предания связывают название местности. Но это, конечно, только одна из версий.

В Баянауле ещё можно увидеть настоящую охоту с беркутом и собаками. Здесь можно полюбоваться предметами домашнего обихода, изготовленными местными умельцами.

Впрочем, о Баянауле можно рассказывать бесконечно.

Баянаульцы считают, и не без оснований, свой край особым местом на земле: то ли климат здесь такой, то ли вода и воздух обладают исключительными свойствами, то ли вся природа столь щедра, но отсюда всегда выходили в большую жизнь люди творческие, наделённые замечательными талантами, а также учёные. Вслушайтесь в эти имена: Каньш Сатпаев, Султанмахмут Торайгыров, Машхур Жусуп Копеев, Жаяу Муса Байжанов, Жумат Шанин, Шакен Айманов, Каукен Кенжетаев... Все они баянаульцы.

В районном центре действует мемориальный музей первого президента Академии наук Казахстана К.И. Сатпаева, земляки бережно хранят память о нём. А всего десять академиков Казахстана называют своей родиной Баянаул. Это Алкей Маргулан, Шафик Чокин и другие.

Павлодарская область уверенно вступила в XXI век. Об этом можно судить в первую очередь по ускоренному развитию экономики.

Утверждены пять прорывных проектов на ближайшую перспективу: это завершение строительства электролизного завода по производству алюминия и изделий из него, заводов по выпуску бесшовных труб, колёс и осей для железнодорожной отрасли, по производству хлора и каустической соды, метизного завода и двух энергоблоков на Экибастузской ГРЭС-2. В работе и другие перспективные проекты.

Упрочивая своё экономическое положение, укрепляя социальную сферу, область тем самым оправдывает высокую репутацию одной из ведущих индустриальных областей Казахстана — репутацию региона с огромным потенциалом и большим будущим.

Борис ЛУКИН

“Путь земной и путь небесный...”

Прохожий

Н. Лугинову

Здесь совсем другое небо.
Этим звёздно-снежным небом
по-за-сыпан двор.
Здесь порою нету хлеба...
Так уж выпало поэту —
топчут ноженьки простор.

Дед мой так ходил за солью
к Волге на паром.
И не думалось об этом.
Вспомнилось — потом,
как стоптал тропую снежной
пару-тройку валенок;
матернувшись, делом грешным,
словно сбив окалину...

Устоять бы...
И по тропке
в горку,
с горки — вытерпеть...
Снег шершав, как хлеба корка.
“Сам хотел,
так вот тебе!” —

Я шепчу.
Звезда морозит.
Тьма с размаху оземь
бросит
тело и слова,

**Борис
Иванович
ЛУКИН**

— поэт, переводчик, член СП России.

Родился в 1964 году в Нижнем Новгороде (г. Горький). Окончил Литературный институт им. Горького (семинар поэзии Е. М. Винокурова). Работает в “Литературной газете”.

Автор книг стихов “Понятие о прямом пути” (1993), “Междуречье” (2007), “Долгота времени” (2008) и многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике. Живёт в Подмосковье.

В “Ниве” публиковался в 2007 г. (№ 9).

прошагавшего за хлебом;
разбери — землёй иль небом —
шла душа жива...

Тот, кто выдумал порошу,
тот, кто хлеб небесный крошит —
он вовеки прав.

Путь земной и путь небесный,
то ли звёздный, то ли снежный —
всё не разобрать.

Словно в храм
бреду тверёзо
к деткам —
ждут в тепле —
отвечать на их вопросы
к небу и земле.

Упала сгнившая скворечня...
Н. Дмитриев

У соседа упала скворечня,
Потому что соседушки нет.
Пусть ничто в этом мире не вечно,
Мы столярим с сынишкой чуть свет.

Ничего, что всю заднюю стенку
Выел ветер, и дождь исколол;
Мы готовим другую на смену,
Забиваем гвоздочки с углов.

Да, у нас и своя есть скворечня,
Но весною гостей нам не счесть.
Пусть с рассвета до зорьки вечерней
Соревнуются — кто побойчей.

Знамо дело, есть чем мне заняться,
Но душа б беспокойна была..
Пишет сын свои детские святцы,
Жизнь и смерть их не выжгут дотла.

Современники

С. Щербакову

Бог сводит... На счастье — родиться в России.
Вот выбор свободный, где нас не спросили.

Наверное, знали — нам жить-тяготиться
за дальнею далью живущей столицей.

Гудят мостовые. Зовёт колокольный.
Дорожки кривые, но выбор свободный.

И помыслы — в небо, а ноги — к погосту:
богатым иль бедным, хозяином, гостем.

... и как это важно, в котором крестились;
чтоб стало не страшно с молитвой и в силе.

А жизнь бесшабашная — торбой заплочной,
с землицею — нашей, судьбинушкой вечной.

Что Богом поставлено, нам — не разрушить;
дорога — всё дальняя, все вечные — души.

Странно будет, если не успею
И тебе всего я не скажу...
Это я мальчишкой был несмелый:
Помолчу и взглядом провожу.

А девчонка думала, наверно,
“Что, опять не смог поцеловать”.
Перед ней я открываю двери.
Ждёт она... а я ищу слова.

Не нашёл тогда... А вот сегодня,
Словно в роще бредит соловей,
Для тебя пою при всём народе.
И один мне слышится ответ.

— Да-а... — ты говоришь. И вторит эхо
Долгим вздохом радости твоей.
Млечной пеленой ушло за реку
И вернулось песней на заре.

Окольцован — слаще нет неволи,
Чем объятья милой хоть на миг.
Это счастье знает ли любовник?
Если знает... точно не хранит.

Бабье лето

Дыхнул октябрь теплом последним
В дверь, отворённую тобой:
Так озорно вбежит наследник —
Он весь огонь и непокой.

На все небесные уголья,
На всю земную благодать
Последний летний жар исходит,
Как угли — яблоки в садах.

Летит искрою лист; и тают
Узоры рощи кружевной.
И что-то зреет там, за далью,
Как летом — в глубине земной.

И то, что зреет — будоражит,
Не менее чем твой приход.
Ты принимаешь взгляд мой жадный.
Я понимаю этот вздох.

Птицы небесные

Теперь она часто смеялась,
Казалось бы, по пустякам.
Мне нравилось, что не стеснялась
Морщинок, бегущих к вискам.

“Да ну их...”, — махнула рукою,
Как будто крылом над водой:
И боль устремилась к покою,
И счастьем звался тот покой.

Любимый домой возвратился,
Бег жизни зажав в кулаке...
Опять за оконцем синица,
И по небу клин журавлей.

Даль затянуло как бельмом
Завесой снежной.
Забуду думать о былом —
Та тьма кромешна;
И даже, если там весна
Капелью с крыши
Будила тело ото сна...
Её не слышу.
Прижмусь к окошечку тесней,
Пусть станет ближе
До первых утренних теней,
Сошедших свыше.

Тарские страдания

Юрию Перминову

Вспомни, Юра, в древней Таре
Долгих нет дорог —
По зиме они сторают,
Вьётся вверх дымок.

Помнишь? Тропки торные
С горки к Иртышу...
Но пойти в ту сторону
Я уж не решусь.

Нам земными — торные —
Кажутся пути,
Не ногами, корнями
В небо заступил.

Небо-то — водицею,
зеркальцем, ледком...
Верится... не верится —
столько жив годков.

Что там за рекою той?
Есть ли берега?
Отвернусь, смахнув рукой
Даль за пережат,

Как в пирушке со стола
Сгоряча стакан —
Ах, пропил бы пять палат,
Да своя — одна.

Ворочусь-ка к той реке,
Что — моя — до дна,
И песочек в кулачке —
Струйка чуть видна...

Вспомни, Юра, в Таре древней
Все сказанья — дым...
Иль с морозца нету зренья,
Слёзы сквозь глядим.

Пока мы ехали до Омска

Монастырём не стала Moscow,
Пока мы ехали до Омска.
И всю неполную неделю
Мы слушали...
И мы глядели...

На полустаночке неброском:
В окне как в теле-
Ящике, (здесь принято
Ломать строку), сдержав дыхание,
Китайский поезд (из Пекина)
Хулиганил.

Из каждого окна — по лавочке.
Из каждого — по забегаловке...
Дешевле, если сразу парочку
Штанишек, трусиков иль навлочек.
Галдёж, терзанья, все успеют ли?
И хватит ли на всё в карманах?
Отходят те, что были спереди,

Назад с баулами громадными...
А кажется —
по гроб
горбатыми.

Очнись, народ,
Здесь земли русские,
Почто не сеешь и не жнёшь?
А на устах лишь мать Кузькина
Да три на два, да пять на грош.
Терзаемся в окошко глядячи,
Китайский учат как язык
Сибиряки, хохлы и вятичи —
Отец и мать, и дочь, и сын.

Но вот отходит тьма кромешная...
Ужель в Москву?
Ужель на луг,
на тот,
на Бежин,
Под Хохлому?

А здешние ползут и горбятся,
как хлеб
несут,
на плечи взгромоздив
хребет уральский,
кто-то в горнице
ждёт их как бога (Бог простит).

... Срамная видится картина,
Ни дать ни взять — одни рабы
Без дома, без земли...
Страны
не видно.
Хоть думаешь — не может быть.
Так долго ехали?
— Наш мир был..
Огромной выловленной рыбой.
А небо гнало облака,
Мы следом ехали
Куда.

Всю осень тушили пожары.
Сосед за соседом горел.
И все, кто остались, сбежались —
Ни воду, ни сил не жалел.

А что тут осталось — три бабки,
Пять девок да дядька хромою.
... Истошно завывали собаки,
Заслышав набат над горой.

А что могут люди? По силам...
По силам селу не сгореть?
И слёзы совсем не от дыма,
С того, что и сил — лишь смотреть.

Горит босоное детство
И первой любви сеновал..
Одни головёшки в наследство,
И те — позасыплет листва.

Всем миром давно не трудились.
Ну, разве кого хоронить..
Зали-ли... залили-ли-ли... или
Восплакало небо о них.

Бог даст — этот будет последним.
Деревья искрят высоко..
... А чудо как яблок наспело,
И всполохи рвутся с боков.

Ярославов мост

Когда быть трудником не в тягость,
А во спасение души..
В обитель Крыпецкую стлалась
Дорога-гать — одна как жизнь.

То благодарность Ярослава:
Жена — здорова и жива.
Князь псковский думал ли о славе,
Бредущей по мосткам в века.

А до того тропинкой скользкой,
Дай, Боже, чтоб не утонуть,
Не перечесть печалей сколько
Шло в монастырскую страну.

В краю том Крыпецком, болотном —
Град Китеж словно — из глубин
Встал монастырь святым оплотом,
Свидетель Божьей к нам любви.

Иван Васильич III — правил.
Шёл век к стоянью на Угре,
Где долгожданно Русь воспряла
С орлом двуглавым на гербе.

Тверских и вятских, ярославских
Объединял московский мир.
За Русь молил святитель Савва:
“В братоубийстве не умри.

Не стань страна, как дом скудельный.
Раздор, Господь, не попусти!"
Впредь и всегда князькам удельным
Есть Государь Всея Руси.

Как долго, много Русь терпела...
Пошто покоя не видать?

Вновь с запада, как из вертепа,
Поляки, шведы и литва.

Восток — таит прищур татарский —
Возьмёт в полон или сожжёт.

... Но Русь копила дух бунтарский:
Смиренно ждал весны снежок.

Он по весне в разливе хлынет,
И не укрыться, не сдержать...

Молись почаще, мать, о сыне —
Ему стоять на рубежах:

Под Псковом, Нижним и Москвою,
Где требует защиты жизнь...

Молись, причастница, с тобою
Острее меч и крепче щит.

... А Ярославов мост достроят,
Чтоб по сей день добру служить.

Сын Ивана

Мне, казалось, боли не хватает
В современной жизни суетной,
Даже если каждый день по краю
Или вовсе падая на дно.

Там, на дне, известно, тьма крошечна:
жизнь такая — слабых гады жрут.
По сравнению с ними прежний леший
с домовым как верный старый друг.

Пусть с одним в лесу тропу забудешь,
а другой даст по лбу кочергой,
Жить они пытаются... как люди,
и понять их шалости легко.

Гады же — слепые и немые —
Слов не понимают, слёз неймут.
... Не хочу молить об этом мире —
вызывая к жизни эту тьму!

Боль... Она давно живёт в деревне,
Изживая, так сказать, себя.
День-деньской листает старый требник,
Вспоминает — душу теребя.

Понимаю всё... и с этой болью
По утрам иду траву косить;
Выбирая прежнюю неволю —
Снег чтоб шёл, и дождик моросил.

Если же ко дну? ... С крючком наживку!
Пусть клюёт лишь маленький пескарь.
Золотую отпущу я рыбку —
Мне ли боль и счастье искать?

Болезнь

Бог сна стоял у изголовья
И что-то вечное шептал...
Ко лбу болящего с любовью
Так прикасаются уста.

Ты помнишь жар невыносимый
И боль, и страх, и суету, —
И кажется, что не по силам
Всё это дотерпеть к утру.

Словно метелица заносит,
Врываясь с улицы в дома...
... Всё медленней звучат вопросы,
Ответы все лишь в слове “-ма-”.

Терпи, запоминай, что шепчет
Столь редкий гость в твоём доме
На том единственном наречье,
Не данном смертным никому.

Глина

Я этому учился так давно, и с этим
жить. Всем существом в поэте
и жить, и мучиться.

Всем существом в поэте быть в разладе,
когда мечта о слове, как о яде,
о верном друге, о подручном.

И вот тогда скрипеть и липнуть
к Земле, и вмешиваться в глину,
в состав её давно изученный?

Тогда — шалеть от русской бабы,
её повиннейших ухабов,
хлебов, излучин,

поскольку рядом...
почувствовать, что жизни — мало,
что и не надо лучшего,

так я привык к твоим оковам.
Понять ли с берега другого,
пошто весло не льнёт к уключине?

И жить... и жить: нет-нет, о, Родина,
и вспомняешь, мой Бог, и вроде бы
всяк назовёшь, а всё — лишь ключница.

Приобрету ль доверие искусством
рассказывать истории, турусить?
Всё вольности житейских дум...

В ночи и сонмище волков
дарует лучший мир. В ладу
в подлунном — кровь и глина

под говорок твоих оков,
о дивный, дивный.

А счастье, может быть, дорожкой —
той, что за горку, под гору...
Придёт. За чередой сложной,
когда я сам всё повторяю.

А под гору идут с корзиной
из дальнего того леска,
за кладбищем, речной низиной...
их тень по солнцу коротка.

Чей голос это, чьё движение,
чьи имена и годы чьи?
Какое смелое решение
окликнуть их.
Смелей! Кричи!

Идут.
С корзиной полной — к тризне.
Что им сказать на их пути?
Спросить о том,
о сём,
о жизни
и с ними под гору идти?

Мои-то спят ещё, быть может.
А солнце смотрит сквозь стекло.
И свой я здесь, а не захожий...
Иначе быть и не могло.

За кладбищем, когда стемнеет,
несутся к небу огоньки.
Мне в детстве так хотелось с теми,
что у костров... и далеки.

... Что к дому движутся,
а справа
от них и слева на горе —
кресты...
и слышно, как по травам
они шагают на заре!

Чугунно, гулко...босы ноги...
Весь жар и страсть — всё отдала
земля,
и светятся дороги,
белы,
как от костра зола.

Зима

Мы переждали осень и зимой
протапывали в дни-тропинки.
Проще могло ли быть? —
три месяца всего:
стужаево... и снова сечень.
Впрочем, есть просинец.
Привольно ли ему
меж братьев двух, имён не зная их?
Откуда-то всё это...
потому
две куколки, две странницы, меж книг
под переплёты спрятались от рук.

Но и тогда, мы, судя по всему,
протапывали дни не без причины.
Забьётся бабочка от голоса мужчины,
почти на ощупь приведёт к стеклу.

А в свой черёд прочитанные буквы
прихватывают воздух на бегу.
Наверное, неровное дыхание
приходит, словно жажда у ручья,
уснуть мешая ночью.
По ночам
возвышенность луны, как вырез платья.

На этом останавливаться рано.

Покуда плачет женщина, пустяк
уже не служит поводом для спора,

когда, спеша, расстёгивают ворот
и зажигают спички о косяк.

И всё-таки мы только вспоминаем,
так заиканье ложечек в стаканах
ещё живет и бьётся возле нас,
уснуть мешая ночью: по ночам
возвышенность луны, как вырез платья.

... И всё-таки, мы только вспоминаем,
сколь тесной паутиной на свету
прихвачена листва.
Рассвету впору
переболеть и, подобрав к листу
листок, дать повод к разговору:
смысл чисел или паузы, повторы,
мысль близкую иль вовсе о другом,
но в спешке позабытом;
так окно
вдруг ветер перехватывает скоро,
и стёкла выбираются рукой.

Но почему же память ни на шаг
не отпускает?
Или ей мешает,
меж далей двух — дождь,
просека лесная...
Нам надо выйти к просеке,
на свет,
столь долгожданный...

И какое дело
нам до вчерашней сухости речей,
когда вокруг почти от пустяка
меняют форму неба — облака.

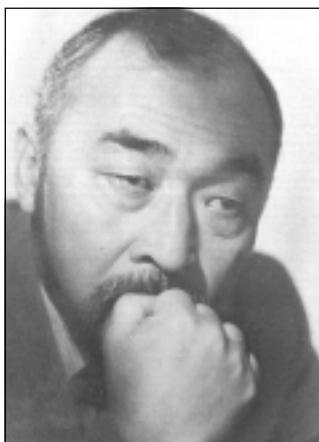
Какое дело?
Если не для нас
и сами мы. Пожалуй, ни к чему.
Кому по духу или по уму —
то, прежнее, что было нам знакомо
излишне громко.
За листвою ручей
не отличить от шороха земного.
Лишь женщина предчувствия полна:
ночь каждую, она того не зная,
покуда, плачет;
будет жизнь светла
меж далей двух, как просека лесная.

г. Москва.

Наталья КУРПЯКОВА

Подлинно народный артист

Недавно исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося артиста театра и кино Нурмухана Жантурина. Филigrанное актёрское мастерство, десятки ярчайших образов, созданных на сцене и на экране, делают его легендой казахстанской культуры. И не только казахстанской. Появление Нурмухана Жантурина

на улицах Твери в дни Всесоюзного фестиваля актёров советского кино "Созвездие-90" люди встречали аплодисментами, скандируя: "Сул-тан Бей-барс!.. Сул-тан Бей-барс!". Тогда он был награждён специальным призом и дипломом "За выдающийся вклад в профессию актёра". Судьба подарила артисту незабываемые роли: Кодар, Кебек, Керим, Яго, Мольер, Барон из "Маленьких трагедий", Чокан Валиханов, Аблайханов в фильме "Конец атамана", Батухан в "Данииле князе Галицком", конечно же, потрясающий Султан Бейбарс

и многие другие. Нурмухана Жантурина называли главным актёром айтматовской прозы и сравнивали его творческую энергетику с кипящим кратером вулкана... Однако щедро даримые артисту любовь и аплодисменты зрителей подчёркивали горькую драму судьбы большого художника и человека, подлин-

ный масштаб личности и творческий потенциал которого не были оценены при жизни. Сегодня Нурмухана Жантурина помнят родные, друзья и коллеги, ученики и тысячи людей, которым посчастливилось знать его или видеть его работы. А для кого-то открытие творчества Нурмухана Жантурина только предстоит. Ведь, став легендой, он остался героем нашего времени.

Вот как отзываются об этой личности деятели культуры, преклоняющиеся перед могучим талантом великого актёра.

Александр Кравцов, писатель и режиссёр:

— Старинный город Гурьев лежит в устье великой реки Урал, близ Каспия. Река течёт аккуратно по меридиану, разделяющему Европу и Азию. Каждый день юный Нуреке совершал переходы из одной части света в другую, если и отличаясь чем-то от мальчишек военных лет, то, пожалуй, только тем, что они жили бедно, а он и того хуже. Нуреке исправно ходил в школу, не подозревая, что подарит посмертно имя своё областной филармонии и одной из улиц, что его сценический костюм Мольера, афиши и киноплакаты займут почётное место в экспозиции историко-краеведческого музея.

После окончания школы Нуреке отправился в Алма-Ату искать счастья, последнее которого не придумает: он поступил в школу киномехаников. Случай свёл его с педагогами, обладавшими провидческим даром.

— К чему стремишься? — спросили его.

Он ответил:

— Кино крутить.

И был огорошен неожиданным итогом короткого диалога:

— Тебя самого в кино крутить надо.

Он ничего не понял. Он просто поверил. И вскоре стал студентом Алма-Атинской актёрской школы, а затем экстерном был принят на третий курс Ташкентского института театрального искусства.

Сказка продолжалась во всём. И в том, как легко откликалась его творческая природа на предлагаемые обстоятельства чужой жизни, как быстро и увлечённо входил он в них, присваивая, всем существом своим отдаваясь сценическому волшебству внутренних превращений. И в том, что его обаянию поддавались все возрасты, а девушки считали за честь, если он обращал на них хотя бы мимолётное внимание. Наконец, там, в Ташкенте, он встретил Маргариту, ещё не успев стать Мастером.

Впереди у них было всё, как в булгаковском романе. И то, что Маргарита Викторовна Иовлева, будущий искусствовед, стала преданной подружкой актёра, и то, что судьба, обманчиво посулив в начале пути лишь розы и лилии, усыпала их страдный путь шипами сальерианской зависти и начальственной тупости.

С женой и дочерью Бахыт,
1957 г.

Маргарита Иовлева-Жантурина, театровед:

— Мне кажется, что самое главное в Жантурине — его обострённое чувство времени. Все его герои, все без исключения, были сродни нашим современникам, хотя на его долю выпало немало исторических и легендарно-эпических персонажей.

... Он много лет готовился к трагическим ролям шекспировского репертуара, был готов играть Лира и Ричарда III. Параллельно собирал материал по истории Казахстана, интересовался монгольским нашествием. И при этом знал поэзию Джами, Рудаки, Низами, Омара Хайяма...

Древнемонгольские завоевания жили в нашем доме в томах научной, художественной литературы, иконографии разных веков. Нурмухан готовился сыграть роль своей мечты — Чингисхана. Он “для себя” сыграл роли Абая Кунанбаева, Сакена Сейфуллина, Каныша Сатпаева — он был в подлинном, не в картинном смысле сыном своего народа.

Искандер Тынышпаев, кинооператор:

— Независимо от того, чем занимается человек, он несёт в себе генетический код памяти о предшествующих поколениях. В Жантурине этот код был заложен в своём идеале. На Мангыстау народ гордый, свободолобивый. Чувство гордости и свободы, независимости, чести, достоинства

были в абсолюте у Жантурина. Он стал неким воплощением, визитной карточкой национального характера.

У Нурмухана была великолепная фактура и по-настоящему мощное, точное, корневое её “наполнение”. Все его роли — и самые незначительные, и самые выдающиеся — несли его дух. Часто ходульный, функциональный персонаж, “оживлённый” его мыслью, его взглядом, его жестом, начинал жить, становился личностью.

Лейло Бекназар-Ханинга, актриса:

— Первое впечатление от встречи с Нурмаханом Жантуриным идёт из раннего детства. Маленькой девочкой я видела его на сцене ауэзовского театра в роли Чокана Валиханова. Помнятся мизансцены, диалоги, детали костюмов и то, как вставал и хлопал зал, приветствуя своего Героя.

В театральном институте Нурмухан-ага преподавал в нашей группе. Жантурин не говорил много, но от него исходила энергетика, собирающая вокруг людей. Однажды мне не дали роль, я, обиженная, сидела и плакала. Он подошёл ко мне и своим красивым, низким, бархатным голосом сказал: “Девочка, ты талантлива и ты будешь много плакать. Побереги слёзы для сцены, не показывай своей слабости”. Как дороги мне его слова!

Почему мы не говорим людям при жизни, что они талантливы и любимы? Мы восхваляем человека, когда его уже нет. Обидно понимать, что и тогда все осознавали — рядом с нами находился гениальный артист. Почему он был не востребован в театре? На спектакли с его участием было трудно попасть, он делал аншлаги. Зрители шли на его имя, потому что понимали: перед ними неординарный художник. Так произошло и с фильмом “Султан Бейбарс”. Кто в главной роли? Нурмухан Жантурин. И народ, что называется, повалил в кинотеатры. Многие картины сегодня живут благодаря тому, что там сыграл Жантурин. Он стоит в одном ряду с мировыми звёздами театра и кино. Но как мы поздно осознали, что Жантурин — наше национальное достояние! Увы, не сохранились записи его спектаклей. Вот невосполнимая потеря.

В казахстанском театре есть школа Жантурина. Мне повезло увидеть дважды постановку Мажурина “Мольер”. Этот спектакль потряс театральную Москву благодаря блестящей игре Жантурина. Он смотрел в

глаза зрителям, брал огромные паузы и держал в напряжении зал. В зоне молчания шёл диалог огромной силы. Нам казалось, что сердце артиста не выдержит, мы чувствовали каждую его клетку, каждый нерв. После спектакля я заглянула в гримёрку. Артист сидел ссутулившись, усталый, скорбный, и я поняла, что только что он сыграл самого себя.

Наступит момент, когда воссоздание творчества наших выдающихся артистов станет насущной потребностью, в том числе и для государства. Мы же всегда говорим о Жантурине нашим студентам. Чтобы знали, чтобы помнили. Чтобы его время пришло...

Юрий Ханинга-Бекназар, режиссёр:

— Работая в театре Талдыкоргана, я наблюдал за игрой Нурмухана Жантурина, приехавшего туда на гастроли. Впечатления незабываемые. Именно тогда понял, что такое великий ауэзовский театр и что такое казахский театр вообще. Мне не довелось увидеть его Мольера. Но через много лет я ставил спектакль по Булгакову в театре имени Лермонтова. В главной роли выступил Владимир Толоконников. В театрах не принято посвящать постановки кому-либо. Но перед премьерой я вышел на сцену и сказал, что мы посвящаем спектакль памяти Нурмухана Жантурина. Нам не приходило в голову соревноваться в мастерстве, но мы всегда помнили, какую ответственность взяли на себя.

Бекболат Курмангожаев, актёр:

— В 70-е годы Нурмухан Жантурин играл главные роли, а я бегал в масковке. В его последнем спектакле “Прощай, волкодав!”, посвящённом трагедии Арала, мы стали партнёрами. Тогда об Арале говорили нечасто, тем сильнее было потрясение. У героя Жантурина, Ермана, вместе с уходом моря, уходит жизнь. Когда артист читал прощальный монолог, зал вставал, рыдая. Было неимоверно больно, ведь море и человек погибали на глазах зрителя.

А находиться рядом с этой мощнейшей личностью на сцене было неимоверным счастьем. Мы жили по соседству, часто вместе возвращались домой. Помню наши беседы. Как-то я спросил его об отличии кино от театра. Нурмухан-ага ответил: “Кино — это лотерея. Это однажды и на всю жизнь. Удалась роль, значит, ты запомнишься как хороший актёр. Попал в плохой фильм, можешь получить репутацию посредственного актёра. А театр — это однажды и каждый день. Одну роль всякий раз можно играть по-новому...”.

Гульжан Аспетова, актриса:

— Жантурин был нашим кумиром. Мы, студентки, называли его Жан Маре и влюблялись, влюблялись. Он пройдёт мимо, поздоровается — значит, счастливый день! Помню успех Жантурина в спектакле “Всеми забытый” Хикмета. Как неистовствовала тогда публика!

Потом мы встречались на съёмках фильмов “Лесная баллада”, “Бойся, враг, девятого сына”, “Белый шаман”. Побывали и в Тарусе, и на Чукотке. Бытовая неустроенность, перелёты, летний полдень снимается поздним октябрём... Жантурин всегда находил лёгкое, доброе слово, умел пошутить, заботился об актёрах. Вот он сидит в сторонке, наблюдает. Потом подзовёт тебя и даст совет, как лучше выстроить образ. И опять наблюдает. Потом, бывает, в лоб поцелует и скажет: “Умничка моя...”. Разве такое забудешь?

Желающему брать было чему учиться у Жантурина. Не копировать, а наблюдать и впитывать, постигать глубину, пропускать роль через сердце.

Заставлять зрителя не только расчувствоваться, но и задуматься. Нурмухан-ага помогал найти нужные для сцены акценты, чётко выстраивать отношения с партнёром. Учил не оставлять в себе боль, но, отпуская, запоминать её, складывать в актёрский “мешочек” чувств.

В “Мольере” мы встретились на сцене, я играла Мадлен Бежар. К тому времени в жизни Жантурина много всего произошло. И чувства Мольера-персонажа пересекались на сцене переживаниями Жантурина-человека. В диалогах с королём, размышляя о художнике и власти, он говорил и о своей судьбе.

Мы дружили семьями, старались поддерживать друг друга, бесконечно много говорили о театре. Маргарита Викторовна очень много сделала для становления Жантурина как творческой личности. Она и девочки всегда были рядом, поддерживали его. Его дочери выросли принципиальными, сильными, творческими людьми.

Как много он не сыграл! Судьба талантливого человека, отмеченного Богом, была трудной и несправедливой. Но он никогда не замыкался на своих обидах, а они были. За несколько дней до смерти он позвонил мне, позвал в гости и рассказал об успехе “Султана Бейбарса”. Уверена, что магнетическая сила Жантурина принесла славу фильму. После его роли заговорили об исторической личности Бейбарса, заметили его героя и извлекли из небытия. Это заслуга Нурмухана Жантурина.

Он не стал лауреатом государственных премий, не был избалован званиями, но все знали, что он подлинно народный артист. Истину не скроешь...

Бауыржан Ногербек, киновед:

— В кинокартине Мажита Бегалина “Его время придёт”, выпущенной Алма-атинской киностудией и “Ленфильмом” в 1957 году, нам дано ощутить, почувствовать трагедию прогрессивного мыслителя и просветителя, не понятого своими соплеменниками и отвергнутого самодержавием. Чокан Нурмухана Жантурина вызывает чувство сострадания своим откровенно трагическим несоответствием окружающей действительности, времени, веку.

Таким останется и жить будет в нашем сознании, в истории культуры, в памяти зрителей Великий Чокан, сотворённый актёром. Мастером, также как и его экранный герой, ушедшим из жизни гордо и свободно, не прирученным к рукам власть имущими.

В публикации использованы материалы и снимки из книги “Я — актёр, я — человек, высшее достижение создателя”.

Литературная жизнь России

Полвека служения родине

(К 50-летию Союза писателей России)

*Беседа редактора газеты “Российский писатель”
Николая ДОРОШЕНКО с председателем правления
Союза писателей России Валерием ГАНИЧЕВЫМ*

— Валерий Николаевич, мы вступили в год 50-летия Союза писателей России. И уместно будет вспомнить некоторые смыслы истории этой, выдержавшей немалые испытания на прочность, творческой организации. Но начать, видимо, надо с вопроса: что явилось причиной создания творческой организации в республике, у которой даже своей компартии не было? Нужна была ещё одна идеологизированная творческая структура, соответствующая административной карте страны?

— Об идеологической структуре скажу особо, а начну с причины, с того, что даже и идеологическому ведомству страны не учитывать было нельзя.

Итак, только такая беда, как война, могла изменить национальную политику государства, где русские, если перефразировать Ярослава Гашека, долго воспринимались не как народ, а как та тайная организация, которая то ли не желательна, то ли вообще запрещена. Но война способствовала возрождению национального самосознания, да и за многие десятилетия после революции произошла ротация власти, она стала более народной, более национальной. Хотя процессы изменения её природы, как мы можем судить по политическим противостояниям конца 80-х, начала 90-х годов были не так уж и однозначными.

Тем не менее, именно в 1958 году, в январе, стал выходить журнал “Урал”, сыгравший значительную роль для литературы одного из крупнейших регионов нашей страны. В апреле начал выходить даже “Русский журнал” (представить, что он бы стал выходить тремя десятилетиями раньше, просто невозможно!), а также газета “Литература и жизнь”, которая с 1963 года была преобразована в “Литературную Россию”. В сентябре Москва стала местом проведения 4-го Международного съезда славистов. То есть это было время некоего духовного сосредоточения страны, проявления в её жизни более или менее внятной русской основы. Что, я это особо подчёркиваю, позволяло повысить статус другим национальным литературам России — и младописьменным, и давно имевшим свои высокие классические образцы, как, например, татарская литература.

Ведь если вспомнить, как русский читатель воспринимал своими национальными писателями Джалиля и Гамзатова, Шогенцукова и Карима, то можно с уверенностью сделать вывод, что хоть и создавалась литература России на разных языках, но её нравственные идеалы, её душа и сердце были едиными.

Более того, вся вторая половина XX века российской литературы воочию явила нам ту истину, которую теперь уже никто не сможет оспорить: не некие “передовые”, “общемировые” ценности помогают народам

по-настоящему сближаться друг с другом, понимать друг друга, относиться друг к другу с высочайшим уважением и доверием, а ценности свои собственные, веками нажитые. Чем более глубокие национальные корни имел татарин или аварец, башкир или нивх, тем более легко его произведения, переведённые на русский язык, становились органичной частью не только российской, но и русской литературы. Не случайно лучшие переводы с якутского на русский были сделаны Владимиром Солоухиным — одним из самых русских и по языку, и по строю души писателей. Не случайно глубоко национальный якутский писатель Николай Лугинов был с детских лет убеждён, что Пушкин — это такой же якут, как и он сам.

Думаю, новое возрождение нашей многонациональной России начнётся именно тогда, когда она вернётся в позицию хотя бы далёкого 58-го года. Хотя — теперь уже ничего не надо начинать с нуля. Организационно-творческие связи между своими национальными литературами Союз писателей России сохранил. К новым экономическим условиям писатели более или менее приспособились. Нужна только мудрая, предельно ответственная политика государства в области литературы. Государство и олигархи должны вкладывать деньги не в, как теперь выражаются, маргинальные и гламурные наросты на нашей великой культуре, а в то, что является частью живой души всех наших народов. Представить, что школьник, читавший “Моабитскую тетрадь” или “Мой Дагестан”, пойдёт в скинхеды — очень трудно. Точно так же невозможно представить, что кавказец, имеющий возможность судить о русском народе не по похабщине Владимира Сорокина или Виктора Ерофеева, а по стихам Светланы Сырневой, по прозе Владимира Личутина, отнесётся к русскому народу без уважения. Нас осознанно, в первую очередь **антикультурной** государственной политикой в области культуры, загнали в межнациональные противостояния.

А уж чеченская “горячая точка” поджигалась у нас у всех на виду, всеми нашими телеканалами, нашими федеральными чиновниками, приезжавшими в Грозный поддержать сепаратистов и игнорировавшими более массовые митинги пророссийски настроенных чеченцев.

К сожалению, очень многое придётся теперь восстанавливать. Недавно на заседании комиссии по культуре в Центральном федеральном округе, которую я возглавляю, представитель Воронежа сказала, что её, в буквальном смысле, потрясло исполнение русских народных песен, что она словно бы проснулась и сердцем, и душой. А присутствовавшие на концерте главы чеченских администраций попросили прислать эти хоры к ним в республику, но обязательно в русских национальных костюмах. То есть люди отвыкли воспринимать народную песню как живое искусство, а не как экспонат этнографического музея...

— 58-й год был ещё и годом новых публикаций в наиболее массовых изданиях глав из второй книги Михаила Шолохова “Поднятая целина”. И этот литературный шедевр тогда читала вся страна. Точно так же, как теперь часть нашей публики, к сожалению, вдохновляется бандитским и околобандитским эпосом, создаваемым коллективными усилиями самых высокооплачиваемых литературных шабашников.

— Да, это так. Но Шолохов был не один, духовное пространство России 58-го года формировал он вместе с другими. В том же году вышли “Владимирские просёлки” Солоухина, помогшие не только русской, но и другим

национальным литературам более уверенно держаться национальных, объединяющих всех нас, корней. Тема любви к большой и малой родине после Великой Отечественной войны словно бы обрела второе дыхание. И ещё в том году вышли знаменитая книга В. Луговского “Середина века”, “Лирика” Л. Мартынова, “Избранное” С. Гудзенко, “Ледовая книга” Ю. Смула...

А лишь годом раньше начали выходить журналы “Дон”, “Москва”, прошли Декады татарского, кабардино-балкарского, якутского, адыгейского и карачаево-черкесского искусства и литературы в Москве. Вышли повесть С. Антонова “Дело было в Пенькове”, книга “Стихотворения” Н. Заболоцкого, антологии татарской и кабардинской поэзии, книги очерков о дагестанской и удмуртской литературе...

А годом позже начинают публиковаться главы из романа М. Шолохова “Они сражались за Родину”, заканчивается публикация второй его книги “Поднятая целина”. Начинает выходить журнал “Свет над Байкалом”, позже переименованный в “Байкал”. Выходят роман Ф. Абрамова “Братья и сёстры”, повесть Ю. Бондарева “Последние залпы”, рассказы Ю. Казакова, книги Я. Смелякова “Разговор о главном” и Расула Гамзатова “В горах моё сердце”...

И всё это богатство являлось событием для миллионов читателей, всё это впитывалось в их души. Сколько бы ни говорили сегодня о тогдашнем тоталитаризме, удушающем всё живое, но если весьма сложный и по форме, и по содержанию Мартынов был широкоизвестным, популярным поэтом, если студенты заучивали наизусть Луговского, Заболоцкого и Смелякова, то, значит, доверяли им, были своими мыслями и чувствами им созвучны. И “Владимирские просёлки” становились настольной книгой для миллионов не по указанию агитпропа.

— Одним словом, с 7 по 13 декабря 1958 года в России на свой учредительный съезд собрались писатели, которых, в буквальном смысле этого слова, знала вся страна, которые были властителями человеческих душ. И книги их переводились на все зарубежные языки, заставляли весь мир уважать нашу страну...

— Да, это был период возрождения нашей отечественной литературы.

И, тут я отвечаю на вопрос о Союзе писателей России как о ещё одном идеологическом подразделении: ничего удивительного я не вижу в том, что точно так же, как современные политики и уже многие современные деятели культуры говорят о “Плане Путина”, так и участники первого съезда говорили какие-то слова в поддержку тогдашней “линии партии”. Но — это были всё-таки ответственные слова. Страна после войны стремительно поднималась из руин. Писатели не могли не видеть, что слова о возрождении страны превращаются в реальные дела.

— Но впереди были не совсем удачные хрущёвские эксперименты с сельским хозяйством, его возобновление борьбы с религией.

— Но вместе с троцкизмом, реанимированным Хрущёвым и затем продолженным отдельными партийными чиновниками и деятелями культуры, вместе с поднявшимися после так называемой “оттепели” антинациональностями, антинародными, антигосударственными и неолиберальными тенденциями набирала силу и наша русская национальная мысль, наша русская национальная литература. Во-первых, появились писатели

фронтового поколения М. Алексеев, Ю. Бондарев, В. Астафьев... Затем всё увереннее о себе заявляли Ф. Абрамов, Е. Носов, В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, появились и Н. Рубцов, и А. Прасолов, и А. Передреев, и Ст. Куняев, а позже и Ю. Кузнецов...

Наша национальная литература в лице самых совестливых, самых высоких и по таланту, и по духовной основе писателей начала по-русски осмыслять и минувшую войну, и текущую жизнь. Она впервые вполне осознанно в лице наших критиков и публицистов М. Лобанова, В. Чалмаева, О. Михайлова, П. Палиевского, А. Ланщикова, В. Кожина, Ю. Селезнёва, С. Семанова вступила в противостояние с растлевающим, предательским, больше всего ненавидящим именно Россию либерализмом, с его скрытым “ироническим” радикализмом и внутренним догматизмом.

— *Радикализм и догматизм либерализма... Либералы золотого русского века возмутились бы такому словосочетанию...*

— До тех пор, пока не появилась у либерализма другая изнанка, русский век и оставался золотым. А перечитайте статью тогда ещё скрытого, а затем и форсированного неолиберала со Старой площади А. Яковлева “Против антиисторизма”, вспомните всю ту полемику, которую новые либералы вели с почвенническими и консервативными журналами “Молодая гвардия”, “Наш современник”, и сразу убедитесь, что никто из них не собирался оставлять в живых не только наше великое русское имя, но даже и память о нём.

Да и “оттепель” была по отношению к кому? К церкви? К крестьянам, у которых, чтобы они не ощущали себя собственниками, вырубались сады, которым был опять, как при Троцком, возвращён продналог?

А разве шоковая терапия Гайдара не напоминает нам по своей бесчеловечности продразвёрстку и раскулачивание?

Это нам только кажется, что история страны к концу XX века началась с новой страницы. На самом деле и революция, и перестройка имеют общий исторический контекст, одни и те же мировоззренческие противостояния. С одной стороны, на едином ресурсе — на народной вере в справедливость, в возможность лучшей жизни — революция и перестройка получали широкую поддержку. С другой стороны, единая орда маркитантов присваивала себе их результаты.

К тому же либерализм давно превратился из мировоззрения в фарисейскую религию, очень дикую, разрушительную, лишённую всякого культурного начала, нетерпимую к добру, справедливости, милосердию. Новые либералы скорее позволят вымереть всем коренным народам Европы, но свою контркультуру, отлучающую людей от семейных и просто человеческих ценностей, от мирового культурного наследия, от вековых нравственных традиций, они будут фанатично защищать до последнего.

— *Все нынешние опросы общественного мнения показывают, что подавляющее большинство людей не хотят, чтобы им показывали по телевидению порнографию, чтобы приучали их к насилию. И, вопреки всему, либералы твердят нам, что именно у скотства самый высокий рейтинг, что телевидение всего лишь потакает вкусам своих зрителей, чтобы заработать на рекламе.*

Но вот данные ВЦИОМ 2005 года: 82 % (!) наших граждан мечтают вернуть хотя бы нравственную цензуру на телевидение!

С другой стороны, точно также либералы твердят о своей якобы высшей ценности — о свободе слова. Но в самой либеральной стране, в США, для более жёсткого контроля над общественным мнением идёт процесс монополизации СМИ. Так, в 1900 году в США было 1737 населённых пунктов, имеющих свои 2226 ежедневных газет. К 1980 году на 8765 населённых пунктов, имеющих печатные издания, стало выходить только 1745 ежедневных газет, а к настоящему времени число их снизилось до полутора тысяч. При этом и у оставшихся газет число владельцев стремительно сокращается. То же самое можно сказать о якобы большом числе американских радио- и телеканалов, а также книжных издательств. Да, число их может и увеличиваться, но число компаний, доминирующих на рынке и при этом контролирующих радио, ТВ, кинопроизводство, книгоиздание, выпуск газет и журналов, неуклонно сокращается (по известным мне данным от 50 в 1984 году до 10 к 1996 году). А это значит, что и о широкой свободе слова уже говорить не приходится. Контроль над формированием культурного и информационного пространства начинает осуществлять более чем узкий круг людей, способных душить любого конкурента.

Так что появиться теперь хоть новый Диккенс, хоть новый Достоевский — если будет писать он не по заказу или хотя бы не по вкусу медиамагнатов, то о нём никто и знать не будет!

Может быть, культура и литература, создаваемые живыми человеческими душами, а не в производственных медийных лабораториях, уже никогда не возродятся? Может быть, “цивилизованный мир” уже давно погрузился в эдакий высокотехнологичный мрак тоталитаризма?

— Можно сколько угодно заламывать руки по поводу этого мрака. Но в хорошей деревне, даже когда у всех заканчивалась мука и начинался настоящий голод, кто-то продолжал хранить закваску. Чтобы, когда мука вдруг появится, можно было испечь хлеб.

Вот и наши писатели, чего бы это им не стоило, стремятся сохранить самим Богом, самой великой историей России, а не каким-то политическим и финансовым узурпатором данное им представление о том, в чём заключается истинное человеческое достоинство, каково предназначение человека, какой должна быть у России её собственная судьба, какое место и какое историческое предназначение у России должно быть в мире.

Например, Владимиру Путину было достаточно назвать лишь отдельные ключевые понятия из хоть уже и не видимого, как Град Китеж, но сохранённого нашей литературой русского мира — и сразу в какой-то степени приостановилось противостояние между народом и властью, сразу многие люди стали воспринимать Путина как своего национального лидера. При всём том, что заметного повышения жизненного уровня в стране мы не ощутили.

Если власть того по-настоящему захочет, если она заговорит с народом на языке его внутреннего духовного строя (или, как теперь говорят, на языке его ментальности), Россия за десятилетие, как после разрухи времён второй мировой войны, станет опять самой мощной державой.

История Союза писателей России — это история сбережения России.

История нетерпимости к русской и всей многонациональной российской литературе — это история порабощения России.

Все те неисчислимые тома нашей поэзии и прозы, которые за полвека пополнили отечественные библиотеки, это тот неисчерпаемый духовный ресурс, та закваска, полагаясь на которую только и можно говорить о “суверенной демократии”. Да и само понятие “суверенная демократия”, родившееся в президентской администрации, вызвало нескрываемую злобу у наших либералов лишь потому, что народ сразу понял: под ним подразумевается политика, направленная на долгожданное обретение Россией своей национальной независимости.

— *Неужели вы всё-таки верите, что русская и многонациональная российская литература когда-нибудь будут властью востребованы?*

— Верю я или не верю — не в этом суть. Я просто знаю, что она должна быть. Сталин бы не выиграл войну с Гитлером, если б не вспомнил об уже “сброшенном с корабля современности” Пушкине и обо всей русской классической литературе, обо всей великой русской истории. В 34-м году он развернул нашу культуру от “революционного авангардизма” к национальной традиции, создал вместо РАППовских и прочих гнилушек Союз писателей СССР во главе с величайшим русским и мировым классиком Максимом Горьким. И сразу наша советская литература перестала быть нелепой, выморочной, местечковой, сразу была она поставлена в один ряд с другими мировыми литературами. В стране началось издание всей русской классики. Жизнь народа наконец-то вернулась в своё природное, не иссушающее его духовные силы, русло. И когда началась война, народу уже было к тому времени возвращено национальное самоуважение, народу было что защищать. Вспомните опубликованные в “Российском писателе” письма, которые писал из окопов Сталинграда будущий народный писатель Михаил Алексеев. В них нет страха за свою жизнь. Но есть чувство гордости за собственную причастность к героической битве со смертельным врагом Родины.

Уверен, что и новые Герои России — такие как Женя Родионов, как Зобов — выросли не на Донцовой, не на “Доме-2”, а на высокой отечественной духовности, на национальной, всегда патриотической литературе.

Да и чиновника, способного мыслить по-государственному, способного не относиться к своему креслу только как месту кормления, имеющего какие-то представления о чести и совести, той контркультурной средой, которая сегодня формируется нашим телевидением (а у нас вроде бы и государственные есть телеканалы), номенклатурными, а также финансируемыми из-за рубежа Букерами и чубайсовской “Большой книгой”, не воспитаешь.

— *В отрывном календаре за этот год сегодня я не нашёл имени русского основоположника науки об аэродинамике Жуковского, но мафиози Аль Капоне не забыт...*

— Вот именно! Но у нашего государства теперь уже нет альтернативы. Или оно в своей культурной политике повернётся к народу, или за счёт России решат проблему своего выживания другие народы и государства. Нет альтернативы и у наших писателей, хранителей духовной и нравственной энергии своего народа. Из национальных писателей мы можем превратиться только в обслуживающих лакеев Смердяковых, оправдывающих своё ничтожество презрением к своей родной стране.

— *Как говорил покойный советский философ Михаил Лифшиц (публикацию одной из его статей мы не так давно сделали в “Российском*

писателя”), гитлеровский фашизм не так уж и страшен, поскольку он груб и прямолинеен, сразу вызывает чувство протеста. А вот фашизм либеральный вкрадчив, так что и не сразу начинаешь понимать, что он тебя уже пожирал. Сейчас самая дорогостоящая недвижимость в старой Европе скупается нашими олигархами-либералами, а все настоящие писатели у нас, как и пенсионеры, в том числе и те, которые создавали нефть- и газодобывающую индустрию, живут в нищете.

— Да, это так. Но наш Союз писателей России — это не профессиональная корпорация, которая всего лишь борется за свои экономические, социальные и прочие права (хотя наша бедность не только нас угнетает, это ещё и позор для страны).

В первую очередь мы, конечно, ощущаем себя живою частью страны, мы выполняем ту духовную работу, которую за нас никто не выполнит. Ценою больших жертв мы её выполняем. А если представить, что наши писатели начнут относиться к своему призванию лишь как к способу добывания себе хлеба, то это будут уже другие писатели. Но и России уже не будет.

Дело тут даже не в той или иной социальной схеме развития. Можно как угодно относиться к эпохе всемогущего флорентийского олигарха Медичи. Но и даже олигарх, если он является частью своего народа, предпочтёт иметь дело с лучшим национальным художником Микеланджело, а не с каким-нибудь примитивным дельцом. Вот и настоящие писатели у нас будут оставаться нищими до тех пор, пока не появится у нас национально ориентированная власть. Когда появится не “новая русская”, а просто русская финансовая элита.

Да и не только национальные писатели поставлены в зависимость от такой ситуации, а и вся наша народная интеллигенция.

Так, при Гайдаре все библиотечарши в нашей русской глубинке сидели годами без зарплаты, но работу свою на уличную торговлю сигаретами или водкой не меняли. Спросишь у них: “А на что же вы надеетесь?”, а они отвечают: “Мы из библиотеки уйдём, её тут же с удовольствием закроют, все книги на помойку выбросят. А помещения отдадут в аренду”. И ведь закрывались у нас библиотеки! И драгоценные книги выбрасывались на свалку. Потом, если менялась городская или районная администрация, на последние гроши строилась новая библиотека. Помню, как в Чернском районе Тульской области библиотечарша плакала, когда мы привезли на местную станцию Скуратово собранные писателями книги: “Спасибо! Наши-то книжные фонды в 1995 году были выброшены на помойку!”.

Но ведь библиотеки во многих наших городах собирались веками!

Вот такой героизм, такое вот высочайшее чувство долга демонстрировали и до сих пор демонстрируют наши учителя, участковые врачи, учёные, вузовская профессура... Таких людей в России — большинство! Они начинают различать друг друга.

Недавно был в ЦДЛ юбилейный вечер такого же народного интеллигента — поэта Станислава Куняева. Зал был битком набит, люди стояли несколько часов подряд в проходах между рядами. Да и подписка у возглавляемого Куняевым журнала “Наш современник” сегодня самая высокая среди литературных изданий. То, что называют духовно-нравственной самоидентификацией народа, вступает в свою новую фазу. Никакие ЦРУшные фонды, ни один Сорос уже не смогут остановить этот процесс.

— И всё равно для большинства людей с высшим образованием, особенно в глубинке, подписка даже на один журнал — это уже непоозвильная роскошь. И книгу купить в магазине за двести или триста рублей теперь уже не каждый может. Получается, что у нашей литературы сегодня нет такого, как Армия и Флот у Александра III, надёжного союзника...

— У каждого не продажного, честного, сохраняющего своё человеческое достоинство гражданина России союзниками сегодня являются только его остатки культуры и его вера в Бога. И в этом вся, скажем так, сермяжная правда.

Напомню, точно так же, как и нашему Союзу писателей России, не просто было сохранять в 90-е годы свою патриотическую позицию и Верховному муфтию мусульман России Талгату Таджуддину. Не буду называть одну из столиц наших мусульманских республик, куда его на главный мусульманский праздник просто не впустила милиция. Пусть останется всё это в прошлом уже навсегда. Но окормление мусульман зарубежными ваххабитами, очень уж в ту пору привечаемыми нашими властями, как мы помним, кончилось кровопролитной чеченской войной, взрывами домов в Москве и многих других городах.

Совсем не просто было и Русской Православной Церкви, когда вся Россия после долгих лет атеизма была куплена у её чиновников всякого рода сектами, в том числе и тоталитарными, когда откровенная бесовщина вооружилась всеми нашими телеканалами.

Но мы всегда оставались вместе с нашей Церковью. Появилось у нас и общее поприще — Всемирный Русский Народный Собор, Главой которого является Патриарх Московский и всея Руси Алексий...

— Напомню читателям, что наш Союз писателей стал соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, а вы избраны заместителем его Главы...

— Думаю, что всеми не утратившими христианской морали, не утратившими остатки своей древней культуры людьми в Западной Европе выступление нашего патриарха в Страсбурге явилось лучом надежды. И если даже в лучшие для Европы годы Россия Достоевского и Толстого могла оказывать на Европу значительное культурное влияние, то сегодня, когда “закат Европы” (я имею в виду Европу духовную) уже почти состоялся, когда культура Европы уже вполне наглядно превращается в руину, Россия могла бы не выглядеть столь жалкой, как, например, в той выставке современного “русского соц-арта”, которую наша Третьяковка недавно отравила в Париж.

Ведь не только мы, русские, ощущаем эту пропасть. Английский классик Фредерик Форсайт тоже отмечает, что культура, всё, чем был жив человек, сегодня размывается, выкорчёвывается.

— Валерий Николаевич, не все сегодня воцерковлены, не все отдают себе отчёт и в том, что нравственное развитие человека не может быть революционным, строиться на отрицании традиции и культуры. Кому-то может показаться, что мы с вами просто не вписались в новую жизнь, что новый, более “передовой” человек стал хозяином и в экономических, и в духовных сферах. Это как Пётр I и Софья, как западники и славянофилы... Хотя дальнейшие события нашей истории и показали, что более желательны для России были бы Пётр и Софья в едином лице...

— В природе есть столько углерода, кислорода, водорода и всяких прочих элементов, сколько надо для того, чтобы человеческая жизнь не угасла. Вот и культура должна быть пригодной для жизни человека. А мы видим, как, погружённые в либеральную культурную среду, не только духовно, но и физически вымирают народы Европы, как спивается, уходит в наркотики, перестаёт воспроизводиться наш русский народ.

Были у нас когда-то и голодомор, и война. Было так, что картофелину делили на троих, сапоги имели на четверых. Но — не вымирали. Потому что традиционная культура формировала традиционный, способный к выживанию, культурный тип человека.

И пока мы будем надеяться на нефтяную или газовую трубу, на нацпроекты, не затрагивающие главного — качества нашей духовной жизни! — Россия не будет иметь будущего.

Русский человек всегда был силен и крепок своими высокими нравственными идеалами. Вот эти народные идеалы и надо возрождать, оберегать, возвышать...

— В качестве продолжения этой вашей мысли я приведу слова одного из современных разрушителей животворной русской духовности, известного шоумена Геннадия Бачинского, сказанные им в минуты прозрения. Он повторяет вашу мысль, только с позиций собственного опыта. Это очень страшное признание: «Будучи в достаточно стеснённой финансовой ситуации (я остался должен после кризиса 1998 года), я пытался заработать деньги, в том числе самым прибыльным способом — выступлениями на концертах. И там я стал сталкиваться с плодами своего труда в радиоэфире, а именно с публикой, которая меня слушает. И вдруг увидел, что попал в какую-то страшную атмосферу. И вот чем дальше, тем больше после концертных выступлений мне было просто физически плохо. Но я всё равно говорил себе: ладно, это моя работа. И так продолжал зарабатывать, зарабатывать и зарабатывать, пока душа моя уже не взмолилась: что происходит-то? Ты уже совсем делаешь богопротивные вещи!.. И настолько мне опротивело моё концертное амплуа, что я стал просить Бога о том, чтобы Он дал мне другую работу. Чтоб я зарабатывал деньги, не делая столь низкие вещи.

Я всегда тешил себя надеждой, что, играя на грани добра и зла, всё-таки служу добру. Хотя в какие-то моменты озаряла простая мысль, что здесь добром уже не пахнет. Но эта иллюзия продолжала мною владеть. В итоге я хожу в храм, но... по какому-то малодушию своему не могу отказаться от всех тех заработков, которые получаю в шоу-бизнесе... Вот моя проблема. Моя работа — это большой мой внутренний кризис, мне действительно бывает плохо от того, что я делаю. И я на исповеди об этом говорю, но, к сожалению, повторяю снова и снова».

Недавно он погиб в автокатастрофе. И тысячи его поклонников, ныне его искренне оплакивающих, как своего кумира — это уже люди, приобщённые к злу, их уже трудно представить отцами и матерями, просто нормальными товарищами, гражданами...

— Наступит в истории миг, когда не только единицы, а и весь мир содрогнётся от результатов последних десятилетий точно так же, как и от страшных картин второй мировой войны.

г. Москва.

Амантай КАКЕН

“Будут стихи мои жить без меня...”

(Окончание. Начало в № № 5, 6 за 2008 год.)

Магжан Жумабаев
(1893—1938)

Казахский поэт, литературовед, просветитель и переводчик. Он был одним из тех, чьё творчество вобрало в себя восточную и европейскую культурные традиции. Ему принадлежит большой вклад в технику казахского стихосложения, в усиление музыкальности, стройности стиха. В своих произведениях он разрабатывал идеи просвещения, свободы и демократии.

Входил в областной комитет партии “Алаш”, но вскоре вышел из её рядов. Работал в газетах “Бостандык туы”, “Ак жол”, в журнале “Шолпан”.

С 1923 года в Москве учился в Высшем литературно-художественном институте (ВЛХИ), которым руководил В. Я. Брюсов, и одновременно преподавал восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1927 году, завершив учёбу, возвращается в Казахстан. Через два года арестован и осуждён на десять лет. В июне 1936 года выходит на свободу, однако через год с небольшим, якобы как агент японской разведки, опять арестовывается и в 1938 году расстрелян... Реабилитирован.

Магжан Жумабаев родился и вырос в зажиточной многодетной казахской семье. Его отец Бекен, предки Жумабай-хаджи, Шонай, Утеген, Утемис — известные, знатные люди из рода Атыгай. Бекен от своей первой жены — узбечки Гульсум — имел семерых мальчиков и двух девочек: Мусилима, Кахармана, Магжана, Мухаметжана, Салтая, Галижана, Сабыржана, Гуляндан, Гульбарам. Благодаря заботе отца все дети получили необходимое начальное образование, тогда как не каждый родитель мог позволить такую роскошь.

Среди детей Бекена особенно выделялся Магжан живым и пылким воображением, широтой фантазии, склонный к сочинительству. Кроме того, у него была особая тяга к овладению иностранными языками. Первыми наставниками были муллы Карим и Мухамеджан, хаджи Данияр, учитель Ахитден, которые обучали его грамоте, чтению на арабском, персидском, турецком, русском языках. Получив начальное образование в Кызылжаре, в медресе муллы Хасена, продолжил учёбу в Уфе, в медресе “Галия”, у великого татарского писателя Галимджана Ибрагимова, способствовавшего изданию в Казани его первого сборника стихотворений “Шолпан” (1912). И это становится важным эпизодом в новой казахской литературе.

В 1914-1917 годах Магжан Жумабаев учится в Омской учительской семинарии. В это время здесь находился и Сакен Сейфуллин, который поступил на учёбу на год раньше и закончил её в 1916 году. Таким образом, Февральскую революцию 1917 года Магжан встретил в Омске, обучаясь на последнем курсе семинарии. Это событие казахской интеллигенцией, в том числе учащейся молодёжью, было воспринято с большой надеждой на будущее, как тогда писали: “Наступило утро свободы. Всевышний осуществил мечту. Только вчера мы были рабами, ныне мы стали равными...”.

В то же время, 9 марта 1917 года, Сакен Сейфуллин своё отношение к свершившемуся выразил таким образом:

*Тогда мы глянули с вершины
На нашу родину любимую —
Увидели её долины,
Лежащие в тумане дымном ...*

*Но кони не стоят на месте —
Рвут удила от возбуждения.
Они несут домой известие
О солнечном освобождении.*

*Они летят крылатой стаей,
Посланцы света и свободы.
И слёзы радости блистают
В глазах казахского народа.*

Магжан Жумабаев не сочинял стихов, посвящённых этому событию, хотя принимал самое активное участие в национально-освободительном движении. В июле 1917 года, в связи с объявлением о создании партии “Алаш”, вступил в её ряды, участвовал в работе областного и всеказахского съездов, избирался делегатом учредительного собрания. Вошёл в состав коллегии просвещения при правительстве Алаш-орды, которая готовила учебники для вновь образованных школ. После всеказахского съезда намечалось проведение учредительных собраний в уездах. По заданию правительства Алаш-орды он организовал и провёл Кокшетауский съезд казахов.

В этот период в противовес партии “Алаш” и правительству Алаш-орды в Омске рождается Казахская социалистическая партия “Уш жуз” (Три жуза) во главе с председателем Муканом Айтпеновым, которая, поддерживая программу большевиков и левых эсеров, совместно борющихся в то время на платформе Советской власти, заявляла о своей готовности драться против белогвардейской и алашордынской контрреволюции.

Ушжузовцы активно проводили различные провокационные и насильственные мероприятия по дискредитации алашовцев в глазах общественности. В одном из таких устроенных ими бунтов с привлечением городских жителей были арестованы члены областного Алашского комитета, в том числе Магжан Жумабаев. В результате в течение четырёх месяцев (с января по май 1918 г.), как говорил Пушкин, он сидел “за решёткой в темнице сырой”. О морально-психологическом состоянии поэта, находившегося в неволе, можно узнать из его стихотворения “Узник”, обращённого к Миржакипу Дулатову:

*Сердце жжёт, в груди огонь, слеза в очах,
Днём душа твоя болит и по ночам,
Над соломенной подстилкой — мрачный свод,
Чёрствый хлеб, несладкий чай, дни натошак!*

*Не пропустит света каменный мешок,
Каждый волос побелел под корешок.
Что ты в жалости нуждаешься людской,
Душам каменным, как видно, невдомёк.*

Советская власть, именуемая “Совдепией”, как известно, в Омске просуществовала с ноября 1917 года по 9 мая 1918 года, т. е. до чехословацкого мятежа. Об этом же поведал Сабит Муканов, который писал, что “плохо организованный в начальный период революции Совдеп Сибири силами чехословаков в мае 1918 года прекратил своё существование. Магжан вышел из тюрьмы”. Из этого следует, что поэт под арестом находился во время правления Совдепа, т. е. большевиков.

Хитрость, плутовство, лукавство, холодный расчёт чужды Магжану. Он эмоционален, сентиментален. Его чуткое, ранимое сердце кровоточит, он не может молчать, проявлять равнодушие к происходящим вокруг событиям. Как признанный символист, Магжан, прибегая к многозначно-иносказательным и логически непроницаемым образам, стремится прорваться к “скрытым реальностям”, “нетленной красоте”. Об этом свидетельствует его замечательное стихотворение “Свобода”, также написанное в Омской каталажке, которое начинается так:

*В те дни, когда кровавая река
И землю залила, и облака,
И бесы человека полонили,
Тогда не стало в мире доброты,
Лишь по реке священные листы
Корана и Евангелия плыли.
При виде крови человек пьянел,
При виде крови сердцем каменел,
Терял рассудок, забывал о Боге.*

Царили вражда, обман и зло. Вдруг с небосвода хлынул свет и сошла на помрачённый край вечно юная Свобода! Спешили все, и каждый в свой черёд. Услышать шёпот шёлковых речей, увидеть райский свет её очей, узреть мечты земное воплощение. Но, тварь земная, и на этот раз, отринув свет, в темноте погрязла. Когда по горло сыта стала свободой, то принялась за прежние дела. И сразу в сердце правда умерла, а ложь, напротив, распахнула крылья. И крикам “Ведьма!” не было конца. И всё тонуло в хрюканье и визге. В заключение автор заявляет:

*Над девою вовсю глумилась мразь
И веером разбрызгивала грязь,
И падали на одеянья брызги.
Что ж, торжествуйте, свиньи и жуки, —
К победе вы как никогда близки.
Но гостье есть куда бежать от гнёта:
Оплёванная вами Чистота
С тоской глядит на райские врата
И расправляет крылья для полёта.*

Исследователь жизни и творчества поэта доктор филологических наук, профессор Шерияздан Елеукенов отмечает, что в июне 1918 года, когда была свергнута власть большевиков и её место занял адмирал Колчак, Магжан вышел на свободу, затем некоторое время провёл в ауле. На самом деле история развивалась несколько иначе.

В частности, после свержения советского режима в Омске, когда адмирал Колчак объявил себя Верховным правителем Российского государства, начались гонения, террор не только против представителей Советской власти и сочувствующим им, а также преследование, травля активистов из числа алашовцев.

Грозилась смертельная опасность и Магжану Жумабаеву. Как ни странно, в этих условиях он находит приют, убежище и защиту у большевиков. Как это было? Его со своими товарищами, в том числе отца нынешнего легендарного певца Ермака Серкебаева — Бекмухамеда Серкебаева, сначала укрывают в своей землянке, находившейся на окраине города, бывший волостной управитель Курсары-керей Омского уезда Шамел Бортебаев. Затем с помощью того же Шамеля джигиты-красноармейцы беглецов — Магжана и его товарищей из Омска тайком, как будто похитили, через Сасыккол привозят в здание штаба губернского революционного комитета, временно расположенного недалеко от Мамлютки в связи с переходом Петропавловска в ведение белогвардейцев. Здесь председатель ревкома (Гозан), который, оказывается, заочно знал Магжана, предлагает ему включиться в политико-воспитательную работу среди красноармейцев, проводить лекции и беседы.

После освобождения Омска, других северных территорий большевики в Петропавловске открыли двухгодичные курсы по подготовке учителей. Возглавить их поручили Магжану Жумабаеву. Учебное заведение, основателем и первым руководителем которого был знаменитый поэт, с течением времени неоднократно меняло свой статус — педучилище, педтехникум, педколледж — действует и ныне, его многочисленные выпускники работают далеко за пределами Северо-Казахстанской области.

В 1920 году Сибирский ревком (Омск) образовал комиссию по пропаганде изменений в Казахской республике среди населения, куда входит Магжан Жумабаев. Назначается редактором газеты “Бостандык туы”, а когда издание перевели из Омска в Петропавловск, остаётся в той же должности. Затем по работе переводится в город Ташкент, где, являясь членом научной комиссии, одновременно преподаёт в Казахском институте просвещения. Активно печатается в журнале “Шолпан”, в других изданиях. В этот период дважды выходят из печати его сборники стихов. Первый сборник издан в Казани в 1922 году Берниязом Кулевым, второе дополненное издание этой книги с вступительным словом Султанбека Ходжанова вышло в 1923 году в Ташкенте.

Ещё до Октябрьской революции Жумабаев начал увлекаться символизмом. Его стихотворения “Душевная тайна”, “Пророк”, “На летней дороге” и ряд других отражают влияние этого течения на творчество поэта. Наиболее полно его талант проявился в лирических произведениях. В стихотворениях “Бабочка”, “Платок”, “Любимой”, “Всех красивей — ты” описываются любовная страсть, счастье и радость истинных чувств.

В поэмах “На склоне Окжетпеса”, “Кобыз Койлыбая” автор мечтает о чудесном герое, который мог бы вывести народ из тупика. Поэма “Батыр

Баян” отражает позицию реалистического восприятия поэтом действительности.

Магжану принадлежат научные труды об Ахан-серэ, Базар-жирау, Аубакире Диваеве. Образцы устного народного творчества казахов собраны поэтом в книге “Сувенир”. Учебные пособия Жумабаева “Методика обучения родному языку в начальной школе”, “Педагогика”, “Родной язык в начальной школе”, “Овладеть знанием” служили делу просвещения казахского народа.

Осенью 1923 года Магжан Жумабаев по направлению правительства Туркестанской АССР приезжает в Москву, где обучается в Высшем литературно-художественном институте (ВЛХИ). Вместе с женой Зылихой в столице занимают одну из комнат резиденции Туркестанской республики. В институте обратили внимание на молодого поэта, который, в совершенстве владея русским языком, особо чтимые им произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова читал наизусть.

Валерий Брюсов, руководитель вуза, заодно проводивший курсовые занятия, заметил, что у Магжана “высокая поэтическая одарённость. Это у него от природы, плюс глубокие знания математики, музыки, изобразительного искусства”. На экзамене, слушая стихи любимого студента, ректор ВЛХИ восхищённо отозвался: “Вот он, киргизский Пушкин!”.

Это были, казалось, безмятежные, прекрасные дни. Вечера поэзии, встречи с живыми классиками — Есениным, Маяковским, Асеевым... Ознакомление с историческими местами, посещение музеев и театров столицы. Стихи молодого поэта печатались популярными газетами и журналами, выходили в свет его книги.

На казахский язык он переводит ряд произведений В. И. Ленина, рассказы М. Горького, В. В. Иванова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, стихи А. Блока, Д. Мережковского, К. Бальмонта, Фета, Байрона. Самостоятельно осваивает немецкий. Как результат — произведения Гёте и Гейне он уже переводит с оригинала.

Жусупбек Аймаутов, называя Магжана “поэтом собственных переживаний”, пишет, что до Февральской революции он избегал всего, что было связано с общественными потрясениями. После революции, отмечает автор статьи, Магжан почувствовал возможность обретения свободы и с воодушевлением принял идеи революции. Но все мечты о свободе закончились для Магжана и его соратников с приходом Колчака в Сибирь. Потом грянула гражданская война. “Прежние идеалы рассеялись, как туман, превратились в прах, и Магжан оказался на перепутье. Казахская степь стала местом сражения белых и красных”. Гражданская война принесла разруху, потом были объявлены продразвёрстка, коллективизация, раскулачивание. Страшные испытания выпали на долю народа, и вместе с народом переживает годы невзгод и лишений поэт.

Говоря о трагедии Магжана, писатель указывает на то, что неудовлетворённый повседневной жизнью, он не верит в счастливое будущее казахов. “Чем жить и видеть страдания своих соплеменников, лучше покончить счёты с жизнью”. Автор статьи относит его к последним романтикам уходящей эпохи и заключает, что Магжан не из числа поэтов-пророков, которые ведут за собой толпу. “Сила Магжана — в его тончайшем лиризме, интимности. Яркости поэтических образов, изяществе слога в

необычайно чистой, как жемчужная нить, мягкой, как пух, мелодичности строф. Такого проникновения в мир сердечных отношений до Магжана казахская поэзия не знала”.

Когда Жусупбек Аймаутов писал эти строки, навряд ли он предполагал, какие страшные испытания обрушатся в скором времени на всех тех, кто представлял духовную элиту казахской нации, её цвет и гордость.

Магжан Жумабаев сочетает литературное творчество с научно-педагогической, учебно-методической деятельностью, что означало наличие у него особых способностей, присущих только очень талантливому человеку. Однако ему была уготована трудная судьба. Очень трагичная. И она началась... в Москве.

“Звёздные годы творчества” поэта были неожиданно прерваны и грубо попорчены идеями и принципами пролетарской культуры и зарождающегося социалистического реализма, когда дореволюционные писатели и поэты необоснованно, бездоказательно и поголовно объявлялись представителями чуждой буржуазной интеллигенции, а их талантливые произведения — феодально-байскими по своему идейному содержанию.

В Коммунистическом университете трудящихся Востока, где Магжан Жумабаев одновременно читал лекции по казахскому языку и литературе, на очередном собрании литературного кружка, 24 ноября 1924 года, без участия автора обсуждался его сборник стихотворений, вышедший в Ташкенте (1923). По приглашению на собрании присутствовала казахская молодёжь и интеллигенция, обучающаяся и работающая в Москве. Среди них были известные во всём Казахстане-Туркестане лица: Назир Тюрякулов — директор центрального издательства народов СССР, Гани Муратбаев — кандидат в члены бюро ЦК РКСМ, заведующий отделом исполкома Коммунистического Интернационала молодёжи по работе среди молодёжи восточных стран, из других учебных заведений — Габбас Тогжанов, Садыбек Сапарбеков, Жекен Сарсенбин и другие, всего около шестидесяти человек.

Заседание кружка кратким вступительным словом открыл его руководитель Утебай Турманжанов, а с основным докладом выступил Назир Тюрякулов. Революционную молодёжь пугало, тревожило и заставило “развязать язык” предисловие к книге поэта, где Султанбеком Ходжановым отмечалось: “Мы, разбирая стихи Магжана, в основном вникали в значение их в литературном плане, нежели в политический смысл. Читатели, учитывая это, если всё же обнаружат не совсем соответствующие моменты марксистскому мировоззрению, то не должны этого страшиться, а обращать внимание на художественное изображение”. Однако социологический разбор и пояснения Н. Тюрякулова осложнили обстановку. “Кто-то сказал, что нельзя смешивать политику и литературу. Стихотворения Магжана написаны в основном опираясь на эти суждения. Это — ошибка”, — сказал он, начав свой доклад, направляя критические стрелы на С. Ходжанова, одновременно дав “зелёный свет” растерзанию поэта, отсутствовавшего на собрании, пролетарской молодёжи с обострённым классовым сознанием.

Далее докладчик сообщил: “С точки зрения политики, Магжан не находится на почве казахских Советов, в его стихотворениях усматривается большое сопротивление казахским хозяйству, литературе, политике. Поэтому, не раскрыв внутреннюю часть, принимая её как литературную, можем потерять всё стремление коммунистической идеи. Магжан — поэт, но не казахский поэт, а потерявший жизненные нити с казахами поэт”.

После такого заявления достопочтенного Тюрякулова о классовом подходе к литературе нетрудно догадаться, как сознательные и дисциплинированные дети крестьян и рабочих станут дружно усердствовать в разоблачении погрешностей, ошибок и идейных заблуждений буржуазного поэта-националиста. Так оно и вышло. С единодушным осуждением и острой критикой в адрес творчества Магжана Жумабаева выступили около двадцати человек, в том числе такие авторитеты, как молодёжный вожак Гани Муратбаев и Габбас Тогжанов, впоследствии ставший главным редактором партийной газеты “Енбекши казах” и председателем Союза писателей Казахстана.

Если вкратце, то лейтмотив выступлений таков: “Магжан тоскует о прошлом, идеализирует старину, восхваляет национализм, превозносит себялюбие, надменность, высокомерие. Поэзия Магжана внешне красива, но если стереть наружную краску и посмотреть вовнутрь, то явно видно, что она направлена против целей партии и Советского правительства.

Основным курсом, поддерживаемым им, является возвеличивание тюрок, распространение пантюркизма. Это ведёт не к сплочению, не к улучшению отношений казахских трудящихся с трудовыми гражданами других народов, а наоборот, способствует их движению в обратном, ненужном направлении, содействует гниению, разложению, сбивает с революционного пути.

Воспевая “мой Восток”, “алаш”, “казах”, Магжан тоскует по прошлому — возвеличивает казахских баев, самоуправство ханов, печалится, беспокоится о биях, волостных управителях, слагая про них стихи, ему хотелось бы, чтобы они стали более могущественными, более богатыми, которые, мол, приведут казахов к равноправию...”

Подводя итоги выступлениям, собрание приняло постановление по обсуждаемому вопросу, где, в частности, было заявлено:

— “хотя стихи Магжана внешне красивые, складные, соразмерные, однако было бы большой ошибкой не обращать внимания на политическую сторону и не проверять содержание;

— “загадочные” стихи Магжана, направленные против линии коммунистической партии, возглавляющей трудящихся всего мира вместе с казахским трудовым народом, впредь на страницах газет и журналов без предварительной проверки не публиковать;

— довольно многим товарищам, считавшими себя правильно руководимыми казахскими трудящимися по пути коммунистической партии (сюда входят лица, причастные к изданию и распространению книги М. Жумабаева), следует к стихам Магжана относиться с литературно-критической точки зрения: пусть не заблуждаются, считая, что он внёс в литературу красоты, художественность, изобразительность. Надо признаться перед лицом трудящихся, что издание данной книги в таком виде было ошибочным. Впредь остерегаться таких дел;

— учитывая, что политический путь Магжана является для казахских трудящихся вредоносным, ленинская молодёжь Москвы обязуется разъяснить сполна нездоровые стороны его стихов казахской трудовой молодёжи, бедноте, трудящимся массам степи. К этой работе приглашаем молодёжь из других регионов”.

Выбирая объектом нападок Магжана Жумабаева и обрушившись на него, настоящие строители показательного спектакля, принимая сей документ якобы от имени молодёжи, решали далеко идущие неблагоприятные политические цели. Во-первых, как справедливо заметил профессор Т. Какишев,

накануне размежевания территории Туркестана и Средней Азии, кое-кто пытался скомпрометировать политического деятеля Султанбека Ходжанова, одну из потенциальных фигур для выдвижения на высокую должность государственного масштаба, который, видите ли, проявляет националистические настроения, политическую незрелость, восхваляя произведения буржуазного поэта. Во-вторых, настоящие авторы постановления, как проявляющие заботу об идейном возрождении бедняков и назойливо повторяющие тезисы о вредности стихов Магжана Жумабаева, якобы направленных против коммунизма, на самом деле призывают руководителей ведомств, организаций, а также работников идеологического фронта, в том числе, конечно, сотрудников печати, к сверхбдительности, осторожности, подозрительности. Что у каждого пишущего должно быть своё “внутреннее лито”, нам хорошо известно, к сожалению, до сих пор.

Магжан Жумабаев никогда не был марксистом-ленинцем, тем более революционером, однако как и другие казахские интеллигенты стремился быть полезным в новом обществе, служить советской власти, старался уже в этих условиях найти формы и методы своего предназначения. Вопрос автономии — это судьба нации, значит, не надо уходить от советской действительности: только сплочённые, объединённые усилия народа, прежде всего интеллигенции, считал он, могут принести великое счастье казахскому народу. Поэт поддерживал и не возражал против автономии, организованной большевиками. В связи с чем ещё в 1921 году в своей статье “Чья автономия?”, опубликованной в газете “Кедей сози”, автор считал: “Свобода Алашской страны (*имеется в виду КАССР*. — **А. К.**) никогда не была свободой только алашских господ или единичного товарища. Свобода принадлежит народу! Никто из числа казахской интеллигенции не может предъявить права на автономию, заявив, что они отдали за это своё богатство, свою жизнь”. Таким образом, Магжан Жумабаев призывает к согласию, единению под одним шаныраком и алашских господ, и красных товарищей.

Аналогичную мысль поэт высказывает также в стихотворении “Красный флаг” (1924), где он доводит до читателей идею, что политика советской власти совпадает с интересами трудового народа, защищает его, следовательно, официальный символ государства — красный флаг — является не чужим, а твоим, казахским. Поэт уведомляет: “Красный флаг! Чей? Если скажут: казах, нету другого Всевышнего, как огня, то флаг, словно горящие угли, — твой!”.

Нетрудно заметить, что “Красный флаг” Магжана представляет собой взаимосвязанность, преемственность, созвучность с “Марсельезой казахской молодёжи” Сакена Сейфуллина, написанной ещё на заре Советской власти (1919).

Послушайте:

*Идёмте, граждане,
Своим путём!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнём!*

Некоторые обвинители Сакена, считавшие его чрезмерно красным, могут радоваться этой находке. Действительно, степной буревестник высоко

поднял красное знамя, призывал к этому других. Вместе с тем он, заявляя “отныне нам пора пришла идти к решительным победам”, не разделяя никого по классовому принципу — на алашовцев или красных — сообщает:

*И всех, кто борется, сплотим
Под нашим знаменем могучим!*

Так два величайших поэта казахского народа — один сразу, другой чуть позже, искренно, от всей души восприняли Советскую власть. Однако от этого им легче не стало. Как Сакена, так и Магжана, особенно после московской проработки, продолжали преследовать, мучить постоянными придирками, недоброжелательной, иногда откровенно враждебной критикой.

В этой связи обратим внимание на самого Магжана Жумабаева. Вот как он признался по этому поводу следователю НКВД: “... я испытывал значительный разлад в своём внутреннем мире в смысле переоценки бывших ценностей, и я сделал серьёзную попытку влиться в советскую струю, выступил с рядом исповедческих вещей. Но к своему несчастью, я жестоко был отвергнут тогдашними погододелателями в казахской литературе, впоследствии оказавшимися настоящими подлецами, как Байдильдин, Токжигитов и другие. Меня буквально парализовала поднятая этой кучкой в печати кампания...”.

Несмотря на жизненные затруднения, неприятности, невзгоды Магжан продолжал верить в большевиков, ориентируя свой курс на новую власть. С этой целью он, уже после возвращения из Москвы, написал поэму “Голос девяности”, где в художественной форме показывает, что Советы объединяют всех рабочих, аульную бедноту, всех ранее обиженных и угнетённых. В то же время в Советах не находят себя прежние угнетатели и мироеды — байы, аткаменеры, ишаны, полицейские и т. д. Первая группа людей — девяности частей целого, вторая — 10. Жумабаев солидаризуется со стремлениями этих “девяности” и рассказывает о своих прежних ошибках, когда он стоял за все “100”, понимая под этим “весь народ”.

Кажется, вывод ясен. Однако вопрос о Магжане Жумабаеве вызвал много споров. Вот что писал, например, по этому поводу И. Мустамбаев. Критик не совсем верит поэту, ведь он “восторженно приветствовал Февральскую революцию и отвернулся от Октябрьской... был сознательным нашим классовым врагом”.

Далее автор спрашивает: “1). Искренно ли заявляет Жумабаев в “Девяности”, или он хитрит, когда говорит, что ему ничего больше не остаётся? 2). Обманывает он нас или будет служить верой и правдой? 3). Как поступить с Жумабаевым?”.

Мустамбаев также высказал своё мнение и в отношении другого произведения Магжана “Толгау” (“Переживание” или “Думы”), которое некоторые считали реакционной вещью. Соглашаясь с этим утверждением, критик подводит итог: “Но это не умаляет значения его: мы не можем требовать от Жумабаева стопроцентного марксистского художественного творчества”.

Как говорится, “и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет” (Пушкин). Что касается “Толгау”, то это было стихотворение или поэма, не столь важно, оно является поэтическим переложением программы “Алка”, впоследствии названной контрреволюционной.

Ещё во время учёбы в Москве, в 1925 году Магжан задумывает создать литературную организацию “Алка”. В проекте программы “Ступени”,

которую поэт называл идеологической платформой организации, в чёткой и лаконичной форме изложены были цели и задачи организации, определены принципы деятельности её членов. Так, главным в литературном творчестве автор “Ступеней” считал отражение нравственного облика человека нового времени, которое невозможно без осознания человека как высшей ценности на земле, без глубокого знания народной жизни.

По этому поводу поэт на очередном допросе следователю НКВД сообщал: “Будучи в Москве, я начал знакомиться с трудами Плеханова, Луначарского ... После чего написал критическую программную статью о направлении литературы, с которой ознакомил Сарсембина Жакена, Амангали Сегизбаева. С этими двумя товарищами была рассмотрена статья, внесены дополнения и изменения, потом её переписывали и разослали по почте в Семипалатинск — Ауэзову М., в Ташкент — группе Аймаутова Ж., Байтасова и другим. От Ауэзова я получил письмо, в котором он не одобрил эту платформу как очень левую. Программу “Алка” составлял я лично — Джумабаев”.

Когда в 1929 году началась первая волна арестов, одной из её жертв стал Магжан Жумабаев, осуждённый на 10 лет, обвинённый в создании контрреволюционной организации “Алка”. Срок он отбывает в Карелии и в Архангельской области. Зылиха, которую современники называли “казахской декабристкой”, не могла оставить мужа в беде. Всякий раз с риском для жизни она отправлялась в лагерь для ссыльных, где её муж, известный казахский поэт, занимался сплавом леса, лесозаготовками.

От долгого пребывания в лагере его спасло вмешательство А. М. Горького и его жены Е. Пешковой, конечно, не без участия Зылихи, благодаря усилиям которых ВЦИК СССР сократил срок заключения до семи лет. В июне 1936 года поэт Магжан Жумабаев согласно этому предписанию покинул Свирский лагерь политзаключённых, вернулся в родной Петропавловск и начал преподавать в техникуме.

Понятное дело, каково положение человека, возвращавшегося только что из тюрьмы. Более того, вскоре как неблагонадёжного его уволили с работы. Жить стало слишком тяжело. Как говорится, ни одного тёплого слова, ни одного нежного взгляда, ни одной ласки (Герцен). Наступили тягостные, гнетущие, удручающие дни.

Кто поможет? Кто подаст руку помощи? Наверное, Сабит Муканов? Председатель Союза писателей. Но... он же после известной московской шумихи был общественным обвинителем Магжана на литературном суде. Нет!.. Правда, несмотря на это, всё же писал ему, каторжнику, письма в карельские леса. Возможно, опомнился, изменился...

Сакен Сейфуллин. Может быть. Всё-таки учились в одной Омской семинарии. Вместе создавали общество “Бирлик”, Магжан даже редактировал его рукописный журнал “Балапан”. Литературные вечера... Однажды на таких сходках Магжан читал “Сакью Муни” Д. Меррежковского, а Сакен — “Песню о Буревестнике” М. Горького. Только ли? Всегда ли были единомышленниками? Ведь спорили, дискутировали, полемизировали. Критиковали, писали друг другу даже саркастические, насмешливые стихи. Неужели обиделся? Магжан когда-то писал, имея в виду Сакена:

На законный пейзаж
Гляжу, грызя карандаш.
Владеет всецело мной
Словесных исканий раж.

Свободной минуты нет,
Прикован к столу поэт
И счастлив, когда ему
Хоть строчку подкинет Фет.

Сейфуллин же посвятил Жумабаеву “Бред националиста”. Почему бред?

Слышит националиста
Лишь один — хитрец мулла,
Но в душе его не чисто,
Еле шепчет он “Алла”...

И чалмой своей качая,
Хочет “другу” смерти он —
Заработает на чай он...
Будет толк хоть с похорон.

Вспоминая эти строки, Магжан полагал, что Какен всегда насмешничает над ним. Ведь он, Какен Сейфуллин, по существу не воспринял даже его программные стихи — “Огонь”, “Пророк”, “Восток”, которые во многом родственны поэтическим произведениям русских символистов Вл. Соловьёва, А. Блока, Д. Мережковского.

Я солнцем огненным рождён,
Горю, блистаю.
Только он,
Огонь — мой Бог, пред ним смиряюсь.
Я сам — огонь, и солнце — я,
Огонь — глаза и речь моя,
И сам себе я поклоняюсь.

Или:

Слепец, не печалься во тьме — близок срок:
Сын солнца, я солнце в глазах уберёг.
Иду я, иду я, иду я, — ты видишь? —
От гуннов берущий начало пророк.

Так писал Магжан. Теперь посмотрим, как это воспринял Какен в своём стихотворении “Бредни одного поэта” (опять “бредни”!):

Он ещё крепок,
Этот больной,
Лоб его
Белой стянут чалмой;
Он говорит, он брызжет слюной:
“Я огонь, я гореть люблю!
Я — звезда!
Я — Солнце!
Я — дом!

Я — огонь!
Я — молния, гром,
Я любого испепелю!
Я — ничто!
Я — бог!
Я — Луна!
Я — бегун, нет быстрее бегуна!
Я — май!
Я — бай,
Я — гнев,
Я — пещерный лев!
Я — борюсь!
Я — дерусь весь свой век!
Я, я, я... Я — душа-человек!”

Под подушкой — Бальмонт и Блок.
Стала грязной уже чалма...
Доктор ставит компресс, изнемог,
Вроде тоже сходит с ума.

Всё это в прошлом. Сейчас не до поэтических страстей, политических полемик. Как выжить? Вот главный вопрос.

Естественно, были сомнения. Кажется, всё утряслось. Пока. Его просьбу рассмотрели. Вызывают в столицу, Алма-Ату. На вокзале встретил Сабит Муканов. Магжан: “Поедем к Сакену, надо сначала поклониться ему. Он правильно выбрал курс, я был неправ”.

Как только Магжан появился на пороге, то сразу же попал в крепкие объятия Сакена. Ощущались дрожь и трепет его рук и плеч, чувство тоски, сожаления, раскаяния о прошлом, что едва выдавали слёзы обоих поэтов. Семья Сейфуллиных встретила Магжана как долгожданного и дорогого гостя, оказывала должное внимание и почести. Затем уже в последующие дни вместе с Сабитом Мукановым Сакен организовал встречу с первым секретарём ЦК Компартии Казахстана товарищем Л. Мирзояном, другими руководителями. Решали вопрос о его трудоустройстве и обеспечении жильём.

Так, всегда осторожный председатель Совнаркома Ураз Исаев сказал: “Пока подождём с публикацией его стихов, лучше дайте Магжану что-нибудь перевести”. Ему предложено было перевести роман Л. Фейхтвангера “Семья Оппенгейма”, с этой задачей Магжан справился блестяще, быстро и качественно осуществив перевод знаменитой книги на казахский язык, за что получил солидный гонорар.

Открытое общение с бывшим осуждённым алашордынским поэтом Магжаном Жумабаевым не только по службе, но и в быту, оказание ему соответствующей помощи, официальное ходатайство об этом на правительственном уровне, не остались незамеченными органами НКВД. Через пять месяцев был арестован Сакен Сейфуллин. Сабит Муканов исключён из членов коммунистической партии и освобождён от должности председателя Союза писателей Казахстана.

В 37-м Магжан Жумабаев среди видных казахских интеллигентов арестован одним из последних, как раз накануне нового года, но “опоздание” было компенсировано краткостью следствия: оно длилось немногим более месяца. Его расстреляли 19 марта 1938 года.

Лжесвидетельствует... государство

Ещё одной отличительной особенностью государственного террора 1937-1938 годов является то, что власти не только арестовывали, сажали в тюрьму, отправляли в места не столь отдалённые и устраивали массовый отстрел ни в чём не повинных людей, они самым наглым образом одурачивали общество, близких родственников, сообщая им заведомо ложные сведения о судьбах арестованных. Это были не единичные, случайные проколы, а отлаженная система, санкционированные в инстанциях официальные действия, распространяющиеся от Москвы до самых окраин. Если мы действительно хотим построить демократическое, правовое государство, о чём постоянно заявляют наша элита и высшее руководство, извлечь уроки истории, то о таких безнравственных, аморальных действиях власть предержащих обязаны говорить, причём громко и ясно, во всеуслышание.

Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — “наш Леонардо да Винчи XX века”, как называли его в бывшем СССР, одна из центральных фигур русского духовного Ренессанса, имя которого связывает философию и поэзию “Серебряного века” российской культуры. Математика, физика, кибернетика, биология, философия, богословие, филология, фольклористика, искусствоведение, семиотика — вот неполный перечень отраслей науки, которыми он занимался. Его расстреляли в 1937 году. Однако шесть лет семью держали в неведении, какие-то люди сообщали, что его видели, якобы жив. Только в 1944 году пришло сообщение, что он умер 15 декабря 1943 года. О подлинной дате смерти учёного его дети узнали лишь в перестроечные времена.

Родственникам о казни не сообщали, обычно им говорили, что их отец, муж или брат “осуждён к 10 годам ИТЛ без права переписки и передачи”. Этот порядок был утверждён в 1939-м. А с осени 1945 года семьям заключённых стали отвечать, что осуждённый умер в местах лишения свободы. Именно это сообщили брату Михаила Кольцова, советского писателя, члена-корреспондента АН СССР, известного фельетониста: “Кольцов-Фридлянд М. Е., отбывая наказание, умер 4 марта 1942 года”. В отношении виднейшего советского режиссёра оповестили: “Всеволод Мейерхольд умер 17 марта 1942 года” — такую справку дали его внучке. На самом деле оба были расстреляны 2 февраля 1940 года.

В связи с убийством С. М. Кирова начальник Ленинградского управления НКВД Филипп Медведь был смещён с должности, арестован и приговорён “за преступно-халатное отношение к своим обязанностям” на три года ИТЛ, затем казнён в 1937 году. Ровно через двадцать лет приговор был отменён, а он — реабилитирован. Но родственников даже не известили, что Медведа расстреляли, а выдали справку, что он умер в 1946 году, отбывая наказание.

Но случалось и так, что о расстрелах объявляли в печати, и вся страна радостно приветствовала это событие. Так было с Тухачевским, Якиром, Корком, Уборевичем и Эйдеманом, Путной и Енукидзе.

Несколько примеров по Казахстану.

Турар Рыскулов, бывший заместитель наркома РСФСР по делам национальностей, в 1956 году был реабилитирован. После безмолвного, молчаливого периода, длившегося почти четверть века, первое появление в 1960 году в республиканской партийной газете статьи о видном государственном деятеле, было, казалось бы, закономерным явлением. Однако

вместо того чтобы высказать доброе слово, поддержать инициаторов публикации, наоборот, заместителя редактора газеты “Социалистик Казахстан” Алима Туякбаева, подписавшего сей материал в печать, сняли с работы, а на автора статьи Рахмалы Байжасарова оказали морально-психологический нажим. Видите ли, Рыскулов оправдан, но только за уголовные преступления, что касается политической деятельности, несмотря на его реабилитацию Военной коллегией Верховного суда СССР четыре года назад, надо... ещё разобраться.

“В связи с этим была создана специальная комиссия, скрупулёзно изучившая жизнь и деятельность Турара Рыскулова. По результатам проверки комиссии несправедливое подозрение снято и окончательно восстановлено его доброе имя”, — сообщает известный казахский писатель Шерхан Муртаза.

Однако истина раскрыта не до конца. В трудах Т. Рыскулова, вышедших в Алма-Ате в 1984 году, в книге В. Устинова “Служение народу”, даже в девятитомном популярном справочнике “Казахи” (т. 2, 2003), его смерть датируется 1943 годом. На самом деле Турара Рыскулова расстреляли в Москве ещё 10 февраля 1938 года.

Почему так получается?

Если уполномоченные органы, содержащиеся за счёт налогоплательщиков, не удосужились выдать общественности достоверные сведения, как прикажете поступать авторам, издателям? Как же так, когда обманом, лжесвидетельством занимаются не какие-то частные лица-проходимцы, скажем, Иванов или Мыркымбаев, а официальные службы от имени государства?

Где-то в двадцатых числах марта 1938 года (тогда НКВД КазССР возглавлял С. Реденс. — **А. К.**) в республиканских газетах появилось жуткое сообщение. Опубликован “чёрный список” врагов народа. У. Кулумбетов, И. Курамысов, С. Ескараев, Ж. Садвакасов, Н. Сыргабеков, Т. Жургенов, А. Досов, С. Сафарбеков, К. Сармолдаев, К. Нурмахамбетов, А. Мусин, А. Лекеров, М. Орынбаев, И. Молдажанов, Ж. Султанбеков, К. Кошамбаев... Они, мол, фашисты, предатели Родины, о чём сами признались, суд принял решение их расстрелять, приговор приведён в исполнение. Вот так! Таким образом чуть ли не вся наша интеллектуальная элита является фашистами, предателями, врагами.

В этом пугающем перечне отсутствовали Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Сейткали Мендешев, Санжар Асфендияров, Кудайберген Жубанов, Габбас Тогжанов... Родственники, близкие друзья, рассчитывая, что они ещё живы, начали их разыскивать. Однако все они ещё за месяц до этого были расстреляны и в природе уже не существовали.

Вот в чём признавались жёны Сакена Сейфуллина и Магжана Жумабаева.

Гульбахрам: “Началась война. Всё равно я не теряла надежды найти Сакена. “Людская молва — что морская волна”. Поговаривали: могли даже отправить на фронт. Затем появились слухи, что его видели то там, то здесь, якобы заготавливал дрова или копал уголь... Он вернётся. Такая надежда теплилась в моей душе до 1957 года”.

Зылиха-апай в период хрущёвской оттепели наконец узнав правду о времени расстрела мужа — 19 марта 1938 года — заявила: “Весной, в середине апреля, когда стало теплее, в управление НКВД я сдала его летнюю

одежду. Там приняли, сказали, что передадут... Надо ли доверять решению комиссии? А почему нельзя? Следовательно, когда передавала одежду Магжана, его уже не было в живых. Выходит, я ему дала не платье и костюм, а саван! Как одурачили! О, коварная судьба! Бренный мир...”

“Уничтожим... до последнего колена”

Так называемые враги народа, как воображали власти, представляли опасность для общества, государства. А какая угроза политической системе страны могла исходить от жён подследственных, детей, других родственников? От них также предполагались контрреволюционные действия? Наверяд ли. Тогда стоило ли их поголовно наказывать, преследовать?

Посмотрим, как было на самом деле.

Когда Сакена арестовали, его отец Сейфолла проживал в родном ауле Жанааркинского района Карагандинской области. Скот находился на выгоне и вечером, как всегда, аксакал вместе с другими жителями аула вышел на пастбище. Вдруг к нему подошли два незнакомых человека, которые спросили:

— Вы Сейфолла Оспанов?

— Да.

— Ваш сын враг народа, — заявили незнакомцы. — Вы арестованы. Услышав это, рядом стоявший сосед произнёс:

— Причём здесь он?

— Вы тоже арестованы, — объявил приказным тоном чужак.

Сотрудники НКВД увели обоих.

Жители Жанааркинского района потом из газетной хроники узнали, что старики расстреляны в Караганде.

В те же дни исчез младший брат Сакена — Малик. Что с ним произошло, неизвестно до сих пор. Мажит, другой брат Сакена, в этот период продолжительное время находился на постельном режиме — заболел тифом, что спасло его от неизбежного, неминуемого ареста.

Была у Малика дочь по имени Гулзагипа, у которой не сложились отношения с мужем, постоянно избивавшем её как “сестру врага народа”. Она вынуждена была разойтись с ним, уехала в областной центр. Вторично вышла замуж за Айтбая Нарешова, родила двоих детей. Тем не менее гонения, нападки продолжались.

В начале 50-х годов, когда в Казахстане началась очередная волна преследований “буржуазных националистов”, таких как К. Сатпаев, М. Ауэзов, Е. Исмаилов, Е. Бекмаханов, Айтбай был осуждён на 25 лет. Причина: в своей лекции в Карагандинском педагогическом институте упомянул имя Сакена Сейфуллина, к тому же женился на родственнице “врага народа”.

В Алма-Ате, в вузе, учился Рамазан, брат Айтбая. Его вынудили скитаться, исключив из аспирантуры, как родственника уголовного элемента.

Гулзагипа в 1970 году умерла в Караганде.

Рассказывает Рымжан Сейфуллина:

“Моему отцу Мажиту нормальную работу не давали. Поработал месяц, другой — увольняют, причина понятна. Правда, после начала войны получил повестку. В местном военкомате он сказал: “Вы знаете, что меня постоянно преследуют, не доверяют? Если на фронте с кем-то что-то случится, меня будут подозревать. Не так ли? Как быть?”. Военком заявил: “Нет, мы вам верим. Не беспокойтесь”. И отец отправился на фронт. Участвовал в Великой Отечественной войне, домой вернулся живым.

Ещё в школе ученики называли меня “предательницей”, “потомком врага народа”, дразнили, насмехались. После окончания школы, начиная с Казахского педагогического института имени Абая, где когда-то преподавал профессор Сакен Сейфуллин, ни одно высшее учебное заведение не приняло мои документы. Наконец, шагая по улицам Алма-Аты, случайно, нет, к счастью, наткнулась на зоотехническо-ветеринарный институт, куда смогла сдать документы, экзамены и была зачислена на учёбу.

Когда училась на втором курсе, вызвали к руководству вуза. Почему, не сказали. В чём дело? Училась хорошо, даже очень хорошо. Дисциплину не нарушала. Замечаний не имела. Оказывается, поступила жалоба. “С какой стати, мол, дочь врага народа учится в институте?”

Я начала плакать, громко и судорожно всхлипывая от сильного горя и страданий. Долго не могла успокоиться. Потом всё-таки взяла себя в руки и, ничего не скрывая, начала говорить.

Почти двадцать лет, как расстреляли дядю как врага народа. Потом деда. Однако до сих пор всех родственников преследуют, презируют.. Зачем?.. Оскорбляют, унижают.. За что? В чём мы виноваты?

Ректор института не перебивал. Слушал молча. А. Я. Дзержинский был человеком беспорочным, порядочным, справедливым. Вдруг спросил: — А кто такой Сейфуллин?

Объяснила, что поэт, основоположник казахской советской литературы, один из первых руководителей Казахского правительства...

Не знаю, или Александр Яковлевич пожалел, посочувствовал, или хотел помочь невинному человеку, подвергавшемуся моральной травле, унижению, но ко мне проявил действительно доброжелательное отношение:

— Ты временно исчезни. Пусть всё стихнет. Во время экзаменов тебя включим в список. Особо не старайся. Если в верхах будут интересоваться, сообщим: “её уже отчислили”. Или скажем: “Она еле-еле успевает”. Не беспокойся.

Так, благодаря помощи совершенно постороннего человека — Александра Яковлевича Дзержинского — и проявленной им отеческой заботе я получила диплом о высшем образовании.

Чего скрывать, в институте многие девушки и парни хотели со мной дружить, однако они держались на расстоянии, как бы чего не вышло, общаясь с близким родственником “врага народа”. Подальше от греха. Я их понимаю, не осуждаю. Было время такое.

Только Карпык Кусаинов, обучавшийся на другом факультете, несмотря на своё положение — сталинского стипендиата, члена парткома — не послушал “добрых советов” друзей о том, что надо подальше находиться от сомнительных людей, обратился ко мне: “Давай разделим все невзгоды и твою участь вдвоём”, — предложил своё сердце и руку. Мы поженились. Прошли годы. Вырастили двух сыновей, радуемся внукам. А жизнь продолжается”.

В школьные учебники эта история вошла под названием “Письмо пяти”. Всего несколько строчек в главе “Коллективизация”: “... в июле 1932 года группа деятелей республики — Г. Мусрепов, М. Гатаулин, М. Давлетгалиев, Е. Алтынбеков, К. Куанышев — написала Ф. Голощёкину о масштабах катастрофы, связанной с голодом. В 1931-1933 гг. из 6,2 млн. жителей

республики от голода погибло 2,1 млн. человек”. И ни слова о том, как сложилась дальнейшая судьба авторов письма.

Возьмём, к примеру, М. Гатаулина. Мансура Тиатовича арестовали в мае 1937 года, он как раз был в командировке в Алма-Ате. В ту ночь чекисты пришли к Гатаулиным с обыском. Сахип спрашивала, в чём дело, что с её мужем, но ей всё время говорили: “Не волнуйтесь. Это просто проверка. В НКВД разберутся, и ваш муж скоро будет дома”. Но он больше не вернулся.

После расстрела (1937) Мансура, его жене сотрудники НКВД дали предписание переехать в Акмолинск, там пойти в органы и устроиться в женский лагерь “АЛЖИР”. Но Сахип действовала по своему плану. По пути следования отстала от поезда, добралась до Каркаралинска, забрала дочь и вернулась в Алма-Ату, где ожидали её многочисленные хождения по родственникам и знакомым. Кто-то отказывал в помощи, кто-то старался помочь, как, например, Жамал Омарова, Шара Жиенкулова, Мадина Бегалиева. Сахип долго пыталась найти работу, но ей везде отказывали. Наконец устроилась в трамвайный парк.

Немало потребовалось времени, чтобы забылось клеймо “семья врага народа”. В 1953 году её дочь Аю по этой причине отчислили из выпускного класса. К счастью, опять помогли добрые люди. Непросто сложилась жизнь и других близких Гатаулина. Его отец Тиат распродал библиотеку и на эти деньги поехал в Алма-Ату с женой и внуком Нариманом, чтобы что-то узнать о сыне. Из здания НКВД его просто-напросто выставили.

Брат Мансура, Шафкат, окончивший в 1935 году Московский театральный институт, после его ареста был уволен из театра в городе Гурьеве. Всем вместе с ним пришлось поколесить по республике, пока их не приютила дочь Тиата, к этому времени уже умершего, — Мунира, получившая в Ленинграде специальность инженера электросвязи и работавшая в тот период в городе Фрунзе (ныне город Бишкек), но и её уволили с работы как сестру “врага народа”. Позже репрессировали и мужа Муниры, Садыка Нагирбекова. В 1946 году Мунира с дочерью Даригой и племянником Нариманом переехала в Алма-Ату, вышла замуж, и второй её муж Николай Гребенников удочерил Даригу, дав ей свою фамилию. Мунира же фамилию не меняла, за что опять поплатилась: в 1952 году её исключили из партии. Причина всё та же: сестра “врага народа”. Умерла она в 1981 году в Подмоскowie.

Шафкат был арестован, затем освобождён перед войной, прошёл всю Отечественную, позже работал в театре, умер в 1971 году. Сын его, Нариман, так и не сумел получить полноценное образование, но прожил достойную трудовую жизнь и своему первому внуку дал имя Мансур.

В 1957 году Сахип Гатаулину вызвали в прокуратуру и сообщили, что её муж, Мансур Тиатович Гатаулин, реабилитирован. От этого известия у неё случился нервный срыв: её парализовало, глаза навсегда закрылись. Потом к этому добавилась и болезнь Паркинсона. Сахип Мухамеджановна Гатаулина умерла в 1981 году.

По материалам уголовного дела Какен Сейфуллин обвинялся в связях с буржуазными националистами — Мустафой Шокаем и Раимжаном Марсековым — проживавшими за пределами Советского Союза во Франции и в Китае. Как и почему образованнейшие люди своего времени, выпускники юридического факультета Петербургского университета оказались за кордоном и в

картотеке НКВД, как сложилась их дальнейшая жизнь, тема для отдельного разговора. Не об этом речь. Обратим внимание только на судьбы их родственников, друзей, далёких от большой политики простых граждан и абсолютно не представлявших опасности для общества и государства.

В обвинительном заключении Мустафа Шокай и Раимжан Марсеков упоминаются как японско-германская агентура, поддерживающая шпионскую связь с антисоветской националистической организацией, членом которой якобы является Сакен Сейфуллин. Однако в материалах уголовного дела мы не нашли данных, подтверждающих указанное обвинение. Зачем тогда понадобилось называть имена к делу не относящихся людей? Ответ на этот вопрос нашёлся, как ни странно, в другом архивном оперативном деле.

В мае 1927 года ПП (полномочному представительству) ОГПУ по Средней Азии удалось перехватить письмо Мустафы Шокая, отправленное им из Парижа своему родственнику Байдаулету Дабылову, учащемуся технического училища в городе Ташкенте. В письме сообщалось, что на днях в городе Кзыл-Орде будет издана книга “Тар жол, тайгак кешу”. Шокай просил Дабылова по мере возможности достать эту книгу и переслать ему.

Из этого ОГПУ сделало свои далеко идущие выводы о наличии у Мустафы Шокая широких связей, позволяющих ему постоянно быть в курсе событий общественно-политической жизни Казахстана и Средней Азии. В циркуляре ПП ОГПУ по Казахстану прямо говорилось: “Содержание письма полностью подтверждает наши выводы о связях Чокаева (Шокая. — **А. К.**) с Казахстаном и Средней Азией. О книге Сакена Сейфуллина, о которой речь идёт в письме, Чокаеву стало известно ещё задолго до появления в печати...”. (Историко-мемуарный роман С. Сейфуллина “Тернистый путь” на казахском языке издан в 1927 году в городе Кзыл-Орде).

Разумеется, получатель письма сразу же был взят в оперативное изучение. Форсированным темпом устанавливались другие родственники отправителя. Что касается Б. Дабылова, после окончания училища он долго скитался по городам Средней Азии. При малейшем подозрении, что за ним следят сотрудники ОГПУ, сразу же оставлял семью, работу и бежал в соседнюю республику. В конце войны вернулся в родное село Сулутобе. Умер он в 1982 году тихо и незаметно, в кругу своей семьи.

Из числа родственников, которые поддерживали связь по почте с Шокаем, арестованы и заведены уголовные дела на младшего брата Нуртазы Шокаева и двоюродного брата Мырзеке Кулмухамедова. Чем закончилось “дело”, сообщается в нижеследующем документе:

Выписка из акта

*Постановление Тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области
от 1 ноября 1937 года о расстреле Чокаева Нуртазы
и Кулмухамедова Мырзеке приведено в исполнение
3 ноября 1937 года в 24 часа.*

*Старший инспектор УНКВД Ю/К области
подпись.*

Близкие, дальние родственники и просто знакомые Шокая, следовательно, как сомнительные лица, в поле зрения ОГПУ попали в числе многих жителей южного региона Казахстана. Вот некоторые из них:

Алдабергенов Серпин (или Серкул), житель населённого пункта Томенарык Жанакорганского района. Переписывался с Шокаем. Отбывал наказание в Карлаге.

Исаев Жанаадил, житель Созакского района. Отбывал наказание в Карлаге.

Пермухамедов Абдихалык, житель села Сулутобе, переписывался с Шокаем, во время репрессий арестован, находился в тюрьме.

Танманов Жуманазар, житель села Сулутобе, работал бригадиром в колхозе, поддерживал связь с Шокаем, по делу проходит как распространитель его идей.

Есембаев Акпанбет, бывший судья Тюлькубасского района, женат на двоюродной сестре Шокая, переписывался с ним.

Уримов Шакирбек, женат на сестре Шокая, житель города Наманган Узбекской ССР, работал извозчиком, переписывался с Шокаем.

Токмухамедов Мырзахмет, житель села Сулутобе. В 1937 году его сын Макаш в Кызыл-Орде арестован как сторонник Шокая.

Вместе с тем по делу Мустафы Шокая органами ОГПУ были взяты в оперативную проверку борец мирового уровня Хаджимукан Мунайтпасов, певец Амре Кашаубаев, поэт Иса Байзаков, видные общественные деятели Султанбек Ходжанов, Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов и другие.

На Мустафу Шокая никогда не было заведено уголовное дело, судом он не осуждался. С точки зрения закона к нему никаких претензий нет. Несмотря на это, на основании так называемых оперативных материалов ОГПУ, многие лица, к великому сожалению, как его сторонники, пострадали ни за что.

Раимжан Марсеков, упомянутый в обвинительном заключении, к уголовному делу поэта прямого отношения не имеет. По крайней мере, в архивно-следственном деле конкретные данные о причастности его к “преступной” деятельности Сакена Сейфуллина не зафиксированы. Даже в заключении главного военного прокурора СССР от 31 октября 1956 года, а также в определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 21 марта 1957 года его имя вообще отсутствует. Если Марсеков как алашордынец и выпускник Петербургского университета (Шокай также закончил указанное учебное заведение) проходит по оперативному делу как связанный с Шокаем, то это понятно, но Сейфуллина это не касается.

Как “агент иностранных спецслужб”, связанный с казахскими националистами, Раимжан Марсеков постоянно преследовался советскими властями. По этой причине он вынужден был эмигрировать в Китай. “Длинная рука” ОГПУ-НКВД всё равно находила его, и в конце концов он погиб при загадочных обстоятельствах.

ОГПУ близких родственников “подопечных” никогда не оставляло “без внимания”. Нуржамал, жена Марсекова, чтобы выжить, вышла вторично замуж. Его брата Шерияздана Марсекова, последовавшего за родственником, арестовали китайцы и посадили в тюрьму. Он каким-то образом сбежал оттуда, но был пойман и снова находился в неволе до 1945 года. Сейтбаттал Мустафин, муж дочери Айыпа (старшего брата Раимжана), как родственник “врага народа” и участник алашского движения по приговору “тройки” расстрелян в 1937 году.

Между тем официальные ведомства продолжали давать ложную информацию. Так, работники Акмолинского музея С. Сейфуллина даже после реабилитации поэта долгое время не могли получить достоверную информацию о времени и месте его гибели. По инерции всё тщательно скрывалось. В музее хранится свидетельство о смерти Сакена, выданное Фрунзенским ЗАГСом г. Алма-Аты 12 июня 1957 года. В нём смерть Сейфуллина датируется 9 октября 1939 года, что не соответствует истине.

В настоящее время музейные экспозиции пополнились ксерокопиями отдельных документов из уголовного дела Сакена Сейфуллина, выданных КГБ Республики Казахстан по просьбе музея. Это обвинительное заключение, приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, справка об исполнении приговора — расстреле поэта.

Благодаря кропотливой работе историко-просветительского общества “Адилет” и органов КГБ установлено, что расстрелянных по материалам НКВД хоронили тайно вблизи аула Жаналык Талгарского района Алма-Атинской области, о чём сообщила газета “Егемен Казахстан” в апреле 1992 года. Среди них — Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Беимбет Майлин...

Галина Серебрякова в книге “О других и о себе” вспоминала: “В Сакене Сейфуллине я видела как бы частичку Казахстана и поняла, что он был плоть от плоти своего народа и своей страны, один из лучших её сынов”. А Мухтар Ауэзов писал так: “На всех поэтических перевалах Сакена, с каждой высоты неизменно звучали гордые звуки слов, постоянно обращаясь к прошлой истории народа, к сегодняшнему пробуждённому классу своему, ко всем угнетённым трудящимся, и твердили: “Я — не клыча, а тулпар, я — не лунь, а сокол”. Одним из больших этапов мощного раската этих гордых звуков является “Альбатрос”. Вот он, бесстрашный альбатрос, гордо летящий навстречу грозовой буре своей эпохи, разбивая снег своими стальными крыльями. “Сокол” — второе имя “Тулпара”.

... Сакен — горд. Но гордится он не сам по себе, не своей личностью, а классом, родиной своей. Он гордится их величайшими деяниями, верой в будущее и устремлённостью в светлые дали, могучим взмахом своих всепреодолевающих крыльев. И сегодня, когда его народ, вчера ещё отсталый, слабый, достиг счастья и возрождён, Сакен, воспевая это счастье и возрождение, воодушевляет и вдохновляет его на новые успехи и победы”.

“Нет у казахов лучшего поэта”, — сказал Ильяс Джансугуров на юбилейных торжествах, посвящённых двадцатилетию творческой деятельности Сакена Сейфуллина, последнего праздника в его жизни...

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, академик
Международной
академии информатизации

Паустовский в стране звёзд и пустынь

Константин Паустовский писал о Казахстане так же вдохновенно и лирично, как о пушкинских Михайловских рощах, Мещёрской стороне, Ялте. В 1932 году он создаёт свою первую знаменитую повесть “Кара-Бугаз”. В ней немало страниц о казахстанских степях, Урале и Гурьеве, Мангышлаке и Шевченко, покорителях пустынь — суровом путешественнике Карелине, лейтенанте Жеребцове, геологе Шацком... Это, по сути, первый рассказ в литературе о тех больших изменениях, что начали происходить в степях Казахстана в связи с промышленным освоением его земель, богатых нефтью и медью, углём и фосфоритами, сланцами и глауберовой солью. Но, пожалуй, никто из литераторов до сих пор не смог описать с таким мастерством художника розовые закаты под Гурьевом, всё разнообразие вечерних красок и величавость ночей казахских степей близ Урала... А с каким глубоким уважением рассказывает К. Паустовский о людях Эмбы, энтузиастах покорения пустыни. Достаточно прочитать главу “Полководец”, которую Паустовский посвящает инженеру Давыдову, знатоку всего Эмбинского района. Этот сухой и высокий человек в белом, похожий на капитана дальнего плавания, сразу пригласил писателя в длительное путешествие по пустыне. И открыл её индустриальное сердце, которое стало биться для новой жизни кочевников-казахов. Однако не только рассказами о сказочных богатствах нефти Казахстана покорила Давыдов Паустовского, но и тем, что в солёных пустошах Доссора он разбил парк, где “можно потрогать рукой давно забытые шершавые ветки и уловить запах листвы”.

Конечно, не один Давыдов отдал свою жизнь пустыне. Путешествие на Мангышлак принесло писателю десятки новых встреч с людьми, которые стремятся развенчать жестокие легенды о недоступности и бедности казахских земель. “Нигде я не видел таких величественных звёздных ливней и такого ослепительного сверкания планет”, — признаётся Константин Георгиевич.

Можно сказать, нигде раньше Паустовский не встречал и такого обилия талантов, как на Мангышлаке. Это и геолог Подкопаев, волгарь инженер Васильев... “Одoleвать пустыню тяжело, — писал Паустовский, — особенно когда человек думает, что он одoleвает её ради своего месячного оклада. Необходимо понять, что ваша работа в пустыне — дело славы, дело великого племени новых людей... Отсюда вывод: никогда не упускайте из

виду далёких горизонтов... Воспитайте в себе чувство времени и чувство будущего. Овладеть этими двумя ценностями — это уже страшно много...”.

Повесть “Кара-Бугаз” стала преддверием новых больших произведений писателя, так или иначе связанных с Казахстаном. “После выхода в свет “Кара-Бугаза” я оставил службу, — вспоминал Паустовский, — и с тех пор писательство стало моей единственной всепоглощающей, порой мучительной, но всегда прекрасной и любимой работой”.

Так оно и случилось. После поездки по Казахстану Константин Георгиевич создаёт ряд замечательных произведений, среди которых великолепная повесть “Тарас Шевченко”.

Надо сказать, идея написать книгу об опальном украинском поэте родилась у Паустовского во время путешествия на полуостров Мангышлак. В повести “Кара-Бугаз” он постоянно напоминает читателям о Тарасе Шевченко. В главе “Чёрный остров” пишет, что “в форте Александровском томился в ссылке Тарас Шевченко, забритый в солдаты и отправленный в каторжный мангышлакский гарнизон за распространение вредных идей”. И вот в 1938 году Константин Паустовский осуществляет свой замысел, вспоминая поездку на полуостров, а также в Александровский форт, место ссылки Тараса Шевченко, — пустынный и пришибленный посёлок, где “солнце казалось глазом слепого”. Именно на этих надрывающих сердце пустырях писатель понял “всё великое отчаяние Шевченко, томившегося здесь семь лет в ссыльной казарме, отчаяние народного певца, которому заткнули железным кляпом рот”, отобрав у него единственный карандаш, чтобы он не мог ни писать, ни рисовать.

Вся тяжёлая, полная мучений жизнь поэта предстаёт в повести Паустовского, как на ладони. Многие о Тарасе Шевченко мы знали из школьных учебников, но под пером талантливого писателя это усиливается во сто крат, обрастает такими подробностями, какие может дать только оригинальный художник. Многие мы знали, но не всё... Например, впервые Паустовский рассказал об участии Шевченко в Аральской экспедиции. На шхуне “Константин” Тарас Григорьевич делал зарисовки песчаных берегов степного моря, похожего на синюю ртуть.

Экспедиция, завершив летние работы, зазимовала в форте Кос-Арал, и несчастья снова обрушились на ссыльного поэта. Он опять переболел цингой. Ещё страшнее была его душевная болезнь — смертельное одиночество. Плядя в дали Голодной степи, он, сидя на палубе шхуны, плакал по ночам, вытирая слёзы рукавом колючей шинели.

Ещё тоскливее была жизнь Шевченко на Мангышлаке. Ему вновь запретили рисовать и писать. Бежать было некуда. Вокруг простиралась смертельная пустыня, такая голая степь, что “не на чем было повеситься”, — мрачно шутил Шевченко.

Здесь Тарас написал горькие, как слеза, слова:

*В неволе вырос меж чужими
и, не оплаканный своими,
В неволе, плачущий, умру.*

Но эти строки не стали пророческими. Он умер в Петербурге, когда над городом шёл мокрый снег. “Чёрное солнце поднялось в тот день над милой его Украиной”, — завершает свою печальную повесть Константин Георгиевич.

Пройдёт несколько лет, и Паустовский снова окажется в Казахстане. На этот раз в Алма-Ате, куда в годы Великой Отечественной войны были эвакуированы многие писатели. Сыну Вадиму в начале 1942 года он напишет:

“Алма-Ата — необыкновенно красивый город, весь в садах, у подножия Тянь-Шаня, но все здешние красоты не радуют. Все живём только надеждой и ожиданием...”. Здесь, в столице Казахстана, Константин Паустовский узнаёт, что лучший его московский друг, первый редактор его книги “Кара-Бугаз” Генрих Леопольдович Эйхлер попал в ссылку в 24-й посёлок Осакаровского района Карагандинской области. И он сразу встаёт на защиту “милого Генриха”. В письме от 2 мая 1942 года Г. Л. Эйхлеру он сообщает: “Здесь, в Алма-Ате, мы (Шкловский, Квитко, Ильин, я и Зощенко) хлопочем в Верховном Совете, чтобы Вам прежде всего разрешили жить в любом из городов Казахстана. Не отчаивайтесь, Генрих, дорогой, — будем делать всё, что в наших силах, чтобы вырвать Вас и вернуть к работе”.

Как известно, Константин Паустовский добился-таки перевода Эйхлера из “глухомани” в Караганду. По тем временам это было сродни подвигу. Во всяком случае, Генриху Леопольдовичу в Караганде предоставили работу учителя средней школы № 3, он начал писать свой “Дневник”, позже опубликованный в журнале “Простор”.

О Генрихе Леопольдовиче Эйхлере, его трагедии Паустовский напишет в своей “Книге скитаний”.

В Алма-Ате Константин Георгиевич снова работал в Советском Информбюро (для Америки, Англии). Несмотря на большую загруженность чисто газетной работой, он написал в столице Казахстана ряд превосходных рассказов, а также большой антифашистский сценарий...

Константин Паустовский любил Казахстан, несмотря на его пыльные бури и нещадно пекущее солнце. В своих произведениях он вновь и вновь возвращается к Мангышлаку, Кара-Бугазу, реке Урал, Алма-Ате... В “Книге скитаний” он говорит языком своего героя, старого нефтяника, инженера-поляка Яблонского:

— ... Оставьте ваши мечты о Венесуэле! Ничего лучшего, чем здесь, вы не увидите...

В этой же книге он цитирует стихи Александра Блока: “Жизнь давно сожжена и рассказана, только первая снится любовь”.

Казахстан стал первой любовью К. Паустовского и остался с ним до конца его жизни, то покидая, то возвращаясь к нему...

г. Караганда.

Лариса МАРТЫНОВА

Особое чувство свободы

*С появлением Павла Васильева, я бы сказал,
впервые в оригинале, минуя переводческие
издержки, в русскую советскую поэзию
вторглись образы казахской степи.
И вместе с ними сама Азия...*

Бахытжан Канәпьянов

Целью данной статьи не является литературоведческий анализ поэтического творчества Павла Васильева или уточнение некоторых неясных моментов его биографии. Мне хотелось бы прежде всего обратить внимание на воспитательный аспект при изучении творчества нашего талантливого земляка, раскрыть значение его как личности, не имеющей аналогов в русскоязычной поэзии. Архивы поэта до сих пор не открыты полностью.

Совсем недавно стихи Павла Васильева включены в школьную программу курса русской литературы в Казахстане.

Хотелось бы особо отметить значение творческого наследия Васильева как поэта, органично соединившего в своих лучших произведениях две культуры: казахского и русского народов, показать, что единственной движущей силой его таланта было то особое чувство свободы, направленное вовнутрь себя, которое может служить основой при воспитании чувства патриотизма у молодого поколения творческой интеллигенции в нашей республике. Мысли, высказанные в данной статье, возможно, покажутся спорными. Они являются итогом моих личных убеждений и впечатлений, полученных при поездках в г. Павлодар, где 23 декабря в день рождения поэта уже в течение ряда лет проводятся научно-практические конференции, поэтические конкурсы, посвящённые изучению и пропаганде его творческого наследия.

Васильев, не зная наверняка, насколько трагичной будет его судьба, несомненно, как всякий поэт, обладал даром предвидения. А. С. Пушкин в пейзажной лирике более привязан к осени. Павел Васильев — певец лета, причём лета степного, июньского, когда трава ещё зелена и радуется глаз многоцветьем. В стихотворении “Лето” поэт опосредованно, через пейзаж, подобно художнику-импрессионисту, не только передаёт свои впечатления и наблюдения о природе людей, но завещает нам некие фундаментальные принципы нравственной организации своего духовного мира. Это совсем не похоже на лозунги и призывы. Это не назидания и нравоучения. Это, скорее, напоминает то, что говорит человек, предчувствующий грядущие страдания за свои убеждения.

*Так стережёт и нас беда...
Нет, лучше снег и тяжесть льда!
Гляди, как пролетают птицы,
Друг друга за крыло держи.
Скажи, куда нам удалиться*

*От гнили, что ползёт, дрожа,
От хитрого её ножа?*

Так пишет Васильев в 1932 году, за пять лет до своей неожиданной и нелепой гибели. Но так ли непредсказуем был итог его творческой и человеческой биографии?

Биография, как жизнеописание событий, лежит на поверхности Земли и времени. Творческое же созревание и становление личности зачастую лишь опосредованно связано с житейскими перипетиями судьбы. Другое дело — эмоции и впечатления самого раннего детства, те, о которых говорят, что они “впитываются с молоком матери”, также как пейзаж, в котором вырастает маленький человек, как первые ритмы-звуки-песни-шорохи родной его земли. Детство, согретое любовью всей семьи, зайсанские и павлодарские просторы, степная вольница, богатая двуязычная среда, в которой, как в питательном бульоне, вырос штамм его таланта. Сказки няни Елены Марковны Пузырёвой и деда Корнилы Ильича, невидимое, но несомненное присутствие в доме царицы наук — математики (вернее геометрии), которое исходит от главы семейства — Николая Васильевича — все эти подарки судьбы имели, на мой взгляд, доминантное значение в творчестве будущего поэта наряду с последующими путешествиями более “зрелого” возраста (если так можно выразиться о человеке, не перешагнувшем порог тридцатилетия). Загадка творчества так и останется загадкой, а логика духовной жизни индивидуума — совсем другая река, иногда параллельная, иногда уходящая далеко в сторону от житейской.

Осип Мандельштам и Борис Пастернак называли его в ряду лучших поэтов России, таких, как Анна Ахматова. Да и сам поэт до последнего часа верил в то, что его работа, его поэзия пригодятся в культурном строительстве молодого советского государства. Было бы неверным представить трагический расстрельный финал, все нападки в прессе, статьи Максима Горького, где хулиганство Павла Васильева сравнивалось с фашизмом, как следствие работы репрессивного государственного механизма 20-х, 30-х годов, а самого поэта как очередную жертву сталинских репрессий. Васильеву не раз предлагали те или иные варианты “спасения”, но все они так или иначе разрушали основы его творческого кредо и поэтому были для него неприемлемы. Секретари Союза писателей России, по словам Сергея Куняева, и через двадцать лет после гибели поэта (в 1937 году) наотрез отказывались ходатайствовать о его политической и литературной реабилитации, и только благодаря самоотверженной поддержке Ивана Михайловича Гронского, бывшего редактора журнала “Новый мир” и газеты “Известия”, который сам отбыл восемнадцатилетний срок как покровитель “террориста”, литературная общественность России и Казахстана получила возможность узнать поэзию одного из самых талантливых авторов, пишущих на русском языке.

Всё, что произошло с Павлом Васильевым на поверхности Земли — алогично и непонятно, как его метания по всей стране в поисках литературного признания, любви и приключений. Проще изучать биографию духа поэта, рождённого под небом Зайсана, воспитанного на традиции степняков в павлодарском Прииртышье. Здесь понятия о чести несколько иные, чем в столицах, где пишущий люд вынужден подстраиваться под лозунги. Он один из немногих, у кого лирический герой, бесшабашный, удалой и абсолютно чистый в своих помыслах, идентичен душевной организации самого поэта. Логика его поступков надо искать в его творчестве, а не наоборот, как у большинства

авторов. Он не был помилован и прощён репрессивной машиной не потому, что на самом деле стал организатором заговора (как Николай Гумилёв) или особо опасным хулиганом, но, прежде всего, потому, что не подписал ни одно из писем, осуждающих неудобных Сталину людей, потому, что в своих стихах провозгласил: “По указке петь не буду сроду!” и на допросах не оклеветал ни одного из своих литературных собратьев. Человек, который щедро жил по законам духа и даже всё телесное в себе — яркую чувственность, любовь к родной земле умел перерабатывать так, что вызывал вполне объяснимую зависть у других, менее талантливых в литературе, но более приспособившихся в жизни поэтов. Мы не вправе осуждать живущих в том времени. И всё же... Донос по политическим мотивам одурманенного лозунгами пролетария мне кажется более “логичным”, чем “треугольная”, почти “зоценковская” ситуация с Сергеем Михалковым (о которой в России до сих пор принято умалчивать). Ситуация неожиданно закончилась трагедией, в которой сам Павел “повинен” не менее, чем его доносчики, потому, что в эпоху индустриализации так воспевать красоту женщины, как у Васильева в его знаменитых стихах о Наталье (посвящённых красавице Наталье Кончаловской), не было позволено никому. Разве могли простить ему этот гимн любви почти языческий, когда женщина-героиня была если не лётчицей, то, по крайней мере, передовой трактористкой или станочницей без признаков пола и прочих “кружевных занавесок”? Советский социалистический реализм и впоследствии культивировал героя, в котором всё, что ранее составляло духовную основу человека, объявлялось враждебным по отношению к новой морали, даже любовь к родителям, женщине, чувства национальной и религиозной идентификации. В предисловии к первому собранию сочинений Павла Васильева Сергей Куняев упоминает об одном эпизоде, который иллюстрирует отношение поэта к подобным экспериментам: “Павел Васильев встретился в столице со старым знакомым — поэтом Андреем Алдан-Семёновым. Во время скороспелой выпивки, перелистав газетные страницы, где красовались извещения об отказе детей от своих отцов, объявленных врагами народа, сказал своему собеседнику:

— Ну и детки от первой пятилетки! Только и слышишь: каюсь да отрекаюсь. А я вот нарочно распустил слух про себя, что, дескать, сын степного прасола-миллионщика, а не учителя из Павлодара.

— Зачем выдумывать басни во вред себе?

— В пику продажным душам! Когда предательство родного отца объявляют героизмом — это уже растление душ! Противно”.

Невольно задумаешься и о том, как важно сохранить всё, что связано с именем Павла Васильева у нас, на его родине. Если мы попытаемся оценить качество и количество “литературной продукции”, выданной “на-гора” двадцатисемилетним поэтом, то увидим объём работы воистину титанический!

Молодая Республика Казахстан своими главными приоритетами провозгласила стремление к демократии, толерантности, свободе творчества, вечным человеческим ценностям. Казахстан уже узнаваем на экономической и политической картах мира. Обрести лицо в пространстве единого культурологического процесса мирового сообщества государств — задача, которую предстоит решить в ближайшие годы. Язык и духовные традиции народа — такое же богатство республики, как её земля, недра и небо, в котором, как рыба в речной воде, плавает беркутёнок — символ, олицетворяющий свободолобивую, мятежную душу поэта.

Казахстан — страна, объединяющая в едином государстве носителей разных культур, национальных традиций, вероисповеданий. Сейчас велико и социальное расслоение общества. При существующей ныне стабильности в экономике самое главное, в чём мы сейчас нуждаемся — это в единой национальной идее, способной объединить все социальные группы, носителей разных культур в единый народ. При существующей амплитуде всяческих различий в обществе региональные литература и поэзия Павла Васильева особенно, способны быть таким объединяющим фактором, содействующим усвоению государственного языка на эмоциональном, чувственном уровне и сохранению лучших традиций языка русского, противостоять пошлости и вопиющей безграмотности, которые, к сожалению, правят бал на рынке современных платных издательских услуг.

Есть в архитектуре термин — “градообразующий фактор”. Он подразумевает производство, которое служит катализатором для развития дальнейшей инфраструктуры поселения. Менталитет казахского народа с его удивительным чувством достоинства, стремления к свободе и способности принять в себя всё разнообразие “репрессированных”, объявленных вне закона культур, социальных групп, может стать, подобно архитектурному, таким народообразующим фактором. Чувство свободы без гордыни, свойственной жителям “Поднебесной”, жажда свободы, направленной прежде всего вовнутрь на духовное самосовершенствование и обустройство собственной земли, без агрессии. Не “Drang nach Osten”, но свобода творческого самовыражения — вот, на мой взгляд, основы единения и творческого развития отдельной личности и народа в целом.

Говорят, что глазами художника Абылхана Кастеева Европа впервые увидела Казахстан не через восприятие путешественника, но изнутри. Через поэзию Павла Васильева в мировой литературе приоткрылось окно с пейзажем на необозримые просторы Казахстана через топонимику и эмоции, не пешехода, но всадника, через поэзию географии, быта и нравов степных аулов, где ярмарка в Куяндах и охота с беркутом — лучшие праздники для вольного сердца.

Читая современную лирику в наших русскоязычных журналах, таких как “Иртыш”, “Простор” и “Нива”, порой поражаешься, как примитивно понимают некоторые авторы процесс воссоздания национального колорита. Конкретных картин быта, как у Павла Васильева, очень мало, зато там и сям разбросаны некие усреднённые приметы неопределённого “восточного” колорита. В любовной лирике где надо и не надо “притянуты за уши” слова “Айналайын” и “Махаббат”, в философской поэзии — “Шанырак”. После такой русско-казахской “поэзии” опять-таки полезно ещё раз прочитать стихотворения Павла Васильева “Охота с беркутом” или “Джуг”, где всё происходящее происходит всерьёз и описано мастерски-поэтическим языком с дотошностью репортёра.

Завершая своё небольшое исследование, без претензий на его особую “научность” (мне кажется, что самые большие истины содержатся всё-таки в стихах), я хотела бы выразить благодарность всем поэтам литературного объединения г. Павлодара, директору Дома-музея им. Павла Васильева Любови Степановне Кашиной, всем, кто открыл для меня поэта и человека, который всю жизнь боролся за независимость в творчестве, даже в далёкой Москве оставался региональным поэтом Прииртышья и эту свою особенность и региональность отстаивал при любых обстоятельствах.

г. Усть-Каменогорск.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Аристократ духа, или Три встречи с Акрапом Жубановым

*Мы шагаем навстречу себе,
отражаясь в других.*

Олжас Сулейменов

Встреча первая

Синие тени качались на воде, жидким серебром поблёскивая в предвечерней мягкой тишине. Неслышно и плавно, сверкнув оперением, медленно проплыла белая птица. “Акку” — лебедь, так называлось расположенное в тени плакучих ив крошечное кафе над зеркальной водой пруда, где любила проводить время творческая интеллигенция Алма-Аты 1960-70-х годов. Музыканты, художники, поэты, архитекторы, “киношники”, театралы чувствовали себя здесь очень комфортно. Тишина, гармония природы и уединение с самим собой в самом сердце города — что может быть прекраснее?

Так, однажды в конце 1970-х, ведомая из Дома художника старшими коллегами после бурного выставкома, я оказалась за столиком, почти нависающим над водой, в окружении людей знакомых и не очень. Кофе, мороженое, сок... Справа от меня задумчиво взирал на воду, погружённый в свои мысли, очень красивый седовласый казах. “Интеллигент чистой пробы”, — мелькнула мысль, и, наблюдая из-под ресниц, заметила грусть в глубоких складках у рта и меж бровей. “Этот человек много пережил, а главное в нём — доброта и мудрость”, — решила я про себя и, отвлекаясь, задумалась о своём. В зыбкой тишине внезапно раздался голос Тулегена: “Ну, что замолчали? Давайте знакомиться! Сауле, это — Акрап Кудайбергенович Жубанов, наш мэтр, я учился у него в художественном училище. Да у него все мы учились, когда ты ещё пешком под стол ходила!”. И, довольный, захохотал, видя моё изумление. “Да ты не обижайся! А Сауле — наш начинающий искусствовед, Акрап Кудайбергенович, тоже учился в Ленинградской академии, где я учился”.

Мой сосед пытливо, с мягкой улыбкой взглянув, промолчал. Через паузу вдруг тихо молвил: “Я вспомнил серовский портрет Акимовой”, — и внимательно-вопрошающе посмотрел на меня: “Помните?”. Робея, описала эту героиню, признавшись, что это один из самых моих любимых серовских образов. Тепло улынувшись, Акрап Кудайбергенович вновь замолчал. Беседа как-то не складывалась. Вскоре мы поднялись и стали прощаться. Потом оказалось, что нам с Жубановым по пути, и в сопровождении молчаливого, благообразного спутника я медленно, с удовольствием шествовала по любимой улице Куляш Байсеитовой в сторону гор. Мимо фонтана “Неделька” у сквера близ оперного театра, вдоль благоухающих свежестью ёлочек и звенящих струй воды. На Джамбула мы разошлись. Шла домой в радужном настроении, напутствуемая добрым пожеланием

успехов в жизни и творчестве. Акрап Кудайбергенович успел за время пути сказать, что он — брат Газизы Жубановой, что живёт неподалёку, рядом с Академией наук.

Минули годы. Изредка слышала я от художников его имя, всегда произносимое с теплотой и почтением. В суете повседневности всё не находила повода и возможности увидеться вновь.

Встреча вторая

Летом 2001 года, цветущий и энергичный, внезапно ушёл из жизни Тулеген Досмагамбетов. Именно в том году, работая в одних стенах, в Академии искусств, решила я, наконец, “предметно” поговорить об издании книжки-альбома его творчества. Работа началась. Уже была написана вступительная статья к ней, опубликовала в “Казправде” материал “Феномен успеха”.

Только что перешагнув порог шестидесяти лет, он весь дышал энергией творчества и порыва в завтра. Совсем другой, чем я видела и знала его в 70-е годы прошлого века. Тогда было много помпы и официозного блеска, что отчуждало и было мне, признаться, неинтересно. А здесь вдруг, после столь длительного “антракта”, на меня дохнуло свежим ветром перемен, страстным откровением человека увлечённого, “смертельно” влюблённого в свою землю, в корни свои, и открыто, с благодарностью и восторгом признающегося в этом своим творчеством этих лет: “Акан-серэ”, “Кулагер”, “Ахмет Байтурсынов”, “Ильяс Жансугуров”, “Каныш Сатпаев”, “Томирис”, “Барсы”, “Первый тюрк” и т. д.

Этот взлёт, состоявшийся в течение десяти лет, точно совпавший со временем независимости Казахстана, не был случайным. Словно высвободилось из оков пламя души, долгие годы отягощённой гласными и негласными запретами на темы сокровенные и жизненно важные для всякого подлинного сына Отечества.

Как оказалось, июль 2001-го стал и для Акрапа Кудайбергеновича датой тягостной и болезненной. Через год, на дне памяти Тулегена, мы встретились, и вскоре состоялся большой разговор.

Он протекал у Дома-музея Мухтара Омархановича Ауэзова, в тенистой аллее акаций и длился около трёх часов. Сначала я включала диктофон, боясь пропустить какие-то даты, потом отказалась от этого, заметив напряжение собеседника. Акрап Кудайбергенович мало изменился со дня первой встречи: такой же приветливый, мягкий в движениях, та же серебристая корона волос. Рассказывая о Тулегене — юноше, молодом человеке и зрелом художнике, он волновался, бледнел, то и дело замолкая, а затем, весь как-то помолодев и собравшись, заговорил о собственной биографии.

“Ведь я учился, как всё наше поколение, в столичном вузе, ВХТУ им. В. Мухиной в Ленинграде. В то время нынешние светила Тельжанов, Мамбеев, Кенбаев, мои ровесники, были совсем молодыми. Все мы болели идеей получить образование у лучших педагогов страны в лучших учебных заведениях, чтобы вернуться домой, в Казахстан, в Алма-Ату, и сделать жизнь прекрасной. Так всегда мечтает молодёжь. А нам, казахам, тогда было важно всё поднять в родном доме на уровень и заявить о себе, о родине, о казахам на весь мир! Ну вот мы и начали все вместе, очень дружно здесь трудиться, приехав из Москвы и Ленинграда в свою столицу.

Вначале мне привелось работать в министерствах и Доме дружбы, непосредственно под руководством правительства. Надо было собирать

молодые кадры из выпускников столичных вузов, чтобы формировать новые отрасли науки, производства, искусства. Было трудное и очень бурное, интересное время — 50-е годы.

В 1963-м я стал директором художественного училища. Туда в 1964-м пришёл Мухит Калимов, а на следующий год, после Академии художеств из Ленинграда приехал Тулеген. Из Москвы в тот год пришёл Вагиф Рахманов. Всех их я принял педагогами.

Тулеген часто приходил к нам домой, возился с Айдаром, моим старшим сыном — он был ещё маленький, играя, нянчился с ним.

В училище я ему дал под мастерскую помещение. Здание-то наше было построено под общежитие, и были там бытовые комнаты, всё там кафелем отделано. Ну, мы сняли газовые плиты, превратили в комнату. Она стала крошечной мастерской скульптора на втором этаже. Он там себе лежак соорудил, маленький столик стоял. И лепил свои эскизы, проекты. В этой комнате он сделал проект — бюст Абая и макет памятника Чокану Валиханову.

По работе, конечно, Тулеген связан был с архитекторами. Тогда председателем был Мендикулов, уже пожилой человек. А заместители — все молодые ребята. И поэтому они гурьбой приходили вечерами к Тулегену, беседовали, общались, случалось, выпивали. Мой кабинет был напротив, иногда я бывал с ними.

Потом на киностудии — она тогда ещё строилась — в одном из корпусов ему дали мастерскую. Там, правда, было холодно. И там он делал своего Чокана “в глине”. Позже он устроился в котельной возле мебельного магазина на Коммунистическом и Ташкентской, оборудовал подъёмник и “доводил” Чокана уже “в размере”. А тогда, на киностудию, был приглашён Димаш Ахмедович Кунаев. Он посмотрел эскиз и всё расспрашивал об авторе. А друзья-архитекторы отвечают: “А-а, он живёт в туалете училища”. Ну, я объясняю, что не туалет, бытовая комната... Кунаев сразу распорядился, и Тулегену дали квартиру, двухкомнатную. Над гастрономом “Юбилейный”, на Гоголя.

А прежде, когда Оля приехала, я дал им в училище другую комнату, получше, с деревянным полом. Потом они переехали на Гоголя. Многие художники туда приходили — Тельжанов, Мамбеев, я бывал. Общались, весело было, много друзей.

Потом я уехал с супругой и детьми в Щучинск. Родился у них сын. Они назвали его Санжаром. В честь Жандосова, как любит говорить Ильфа, вдова Санжара. А может быть, в честь знаменитого врача, Санжара Асфендиярова.

Мой старший сын Айдар обижался, неужели Толеш-ага не мог другое имя дать, а не как его младшему брату.

А с Асфендияровым мы были знакомы, они в своё время с моим отцом вместе работали в Академии наук, в институте, и потому я дал своему сыну его имя.

Тулеген много трудился, не только у меня в училище, где продолжал преподавать многие годы. Он был избран председателем Художественного фонда страны, много ездил, выступал на конференциях, съездах, симпозиумах, часто бывал в Москве и за рубежом. Мы виделись часто. Так, отправляясь по линии Дома дружбы в ФРГ, я оказался с ним одновременно в аэропорту. Мы условились встретиться в Мюнхене. Он просил передать привет своему другу, нашему танцору Рамазану Бапову. Поручение его я выполнил. А встреча не состоялась, мы разминулись во времени. Потом, уже в Алма-Ате, объяснились. Он был душой компании, заводила, весельчак,

всегда умел всех собрать, организовать, подтянуть. А в работе, особенно учебной, был строг, требователен и ждал чёткого, ясного и простого решения от своих учеников. Студенты его уважали и очень любили. Бывало, коллеги порой жаловались на его частые отлучки. Но я пояснял, что его задания, замечания, постановки бывают так лаконичны и ясны, что студентам хватает на полгода, год. А иные корпеют изо дня в день, а результат не тот. Так, совмещая работу с преподаванием, были у нас главные художники театра Сулеев, Семизоров, а итоги всегда были блестящими.

Одно время он возглавлял художественный совет при Союзе художников по монументальному искусству. Умел быть справедливым и доказывать, что принимается, что отклоняется. Никто не был на него в обиде. Там мы с ним вместе проработали с десяток лет.

А как мы встречались с коллегами из Киргизии, из других республик! Как весело было на пленэре, на речке, озере, в роще, в горах! Вообще он был удивительно хороший человек, талантливый, компанейский парень, настоящий художник, профессионал в самом высоком смысле этого слова.

Он в последние годы не так часто приходил к нам, но связь была всегда. Жена моя тяжело болела, он навещал её, очень хорошо относился к ней.

Тулеген, конечно, особый был человек. Самородок. Ни с кем его не спутаешь, ни с кем не сравнишь. Интеллигент чистейший, профессионал чистейший, очень, очень много работал. Он буквально сгорел от этой работы.

Да, он и нашей Газизе памятник поставил. Удачная работа, очень живой, хороший памятник. Каждый раз, бывая на Кенсае, я убеждаюсь, что сделано прекрасно. Очень жаль, что так рано ушёл, очень жаль...”

Надолго замолкает мой собеседник, опустив голову, поблуднев, весь уйдя в переживания. И лишь при звуках чьего-то приветствия, встрепенувшись и вежливо ответив, вновь замечает меня и, улыбнувшись, продолжает:

“В тот год, когда исполнилось ему 60 лет, прежде чем отметить свой юбилей официально, позвал к себе домой нас четверых: Шоту (Валиханов Ш. И. — С. Б.), одного поэта-алматинца, Ауельбекова и меня. Были там

Акrap Кудайбергенович Жубанов в кругу друзей.
Слева — Тулеген Досмагамбетов. Справа — сыновья
Айдар и Санжар Жубановы.

Гуля, её дочь Айдана, ещё племянница Тулегена, что преподаёт в КазГУ. Ну, мы так хорошо посидели, что называется, “покайфовали”. О чём только не говорилось! Шутили, беседовали, вспоминали... Уже поздно ночью за мной приехали сыновья. А он взял их за плечи, посадил за стол и... До утра просидели. От души, хорошо провели время, настоящий праздник получился.

Потом, весной 2000-го, мы с женой пришли по приглашению Сауле Бапановой смотреть работы студентов-выпускников в Академию искусств. И Тулеген, не увидевшись с нами тогда, очень сокрушался по телефону.

В 2001-м, зимой, я лежал в совминовской больнице. В палате со мной был архитектор Марат Жаксылыков. В один из дней он сообщил, что в кардиологии лежит Тулеген. На следующий день я пошёл увидеться, но его уже выписали.

Мы встретились только в июне, после занятий. Поехали на речку, там кафе, солнце, зелень. Посидели, поговорили, так хорошо провели время. А через несколько дней в Союзе художников Еркин Мергенов мне говорит: Толеш умер. Я не поверил. Так странно. Только на днях я видел его, сидел с ним, беседовал, смеялся — и вдруг...”

Вот так же вдруг, внезапно ушёл из мира Акрап Кудайбергенович Жубанов. Это случилось в феврале 2007 года. А прежде, всего одна, была ещё наша встреча.

Встреча третья

Ничто в этом мире не случайно. Жаль, что простая эта истина становится ясна позже.

Голос по телефону меня поразил. Так, как если бы мы давно дружили, Акрап Кудайбергенович ласково и наставительно предложил мне принять участие в дне памяти Мухтара Омархановича Ауэзова в его Доме-музее. Не найдясь с ответом, согласилась, хотя на душе “кошки скребли”, тяжело болела мама. И вот мы в камерном пространстве внутреннего дворика музея. Солнечный, свежий день, прохладно. Все толпятся, возбуждённо окликают знакомых и друзей. Тихий голос предлагает присесть рядом. Подняв глаза, вижу активно жестикулирующего Шакена Ниязбекова, рядом грустно улыбается Альберт Мовшович, тут же — поэты и архитекторы, а прямо напротив улыбается Акрап Кудайбергенович, дружески указывая на место рядом с собой. Усевшись, молча оглядываю любимый дворик с его благородными пропорциями и гармоничным зелёным убранством. Мы ни о чём не говорили. Грустно сияли глаза Жубанова, всё понимая, всё видя. Ему не потребовалось вопросов и ответов. Он ощутил всё сердцем. И всё, что говорил он мне о Тулегене, вдруг отчётливо и ярко высветило его собственную суть. Столько достоинства и изящного благородства в осанке, в движениях, каждом жесте и взгляде. Простота, открытость, искренность. Доверие и детская незащищённость. Он говорил о любви и благодарности к Тулегену, а каждая интонация, звук, движение обрисовали собственный неповторимый облик его души.

Так светло и радостно было с ним всем, знавшим его — друзьям, коллегам, воспитанникам, исследователям, — что опустела земля без его тихого, мягкого голоса и бесконечно доброй, благородной души. Подлинный интеллигент, аристократ духа из династии Жубановых, не способный на дифирамбы и поощрительные эпитеты в свой адрес. Прост и скром.

Достоинство — во всём. И — никакой позы. Смех лёгкий, заливистый, открытый. Тогда разглаживаются морщины и лицо удивительно молодеет, раскрывая душу, доверчивую и отзывчивую на талант и искренность. Потому, наверное, самые застенчивые из аульных ребят, переступая порог директорского кабинета впервые, покидали его окрылённые, с верой в себя. Душевная зоркость педагога-профессионала и гражданина мгновенно избирала того самого, настоящего, что позднее вырастет в большого мастера.

Так, смущённо улыбаясь и краснея, вспоминал свой визит к Жубанову нынешний профессионал, живописец и график Табылды Мукат, отметивший своё 60-летие. “Я опоздал, время вступительных давно прошло, а я с таким трудом добрался из Атырауской области... Зашёл к директору училища без надежды. А он, это был Акрап Кудайбергенович, выслушал меня, взглянул на рисунки и сказал, когда прийти на занятия. Без экзаменов. Так я начал учиться...”. И счастливо смеётся, вспоминая слова, глаза, голос Учителя.

Здесь и сейчас мы преклоняем головы перед его Делом — растить подлинных сыновей и дочерей родной земли, истинных художников, что восславят Отчизну и освятят любовью своей на карте вселенной звезду по имени Земля с самым дорогим сердцу земным пространством по имени Казахстан.

Р. С. “Круглую” дату — 70-летие — отмечает в 2008 году наше славное художественное училище. Оно было республиканским, позже — алматинским, ныне именуется колледжем декоративно-прикладного искусства им. У. Тансыкбаева. Альма-матер всех наших самых славных мастеров живописи, ваяния, графики и прикладного искусства. В этом звёздном списке самое яркое — аристократа духа из рода Жубановых — имя Акрапа Кудайбергеновича Жубанова, основоположника, Просветителя, Мастера, истинного сына Отчизны и мэтра искусства. Словно о нём писал Булат Окуджава:

*Совесть, Благодетство и Достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.*

*Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрёшь как человек.*

Фото автора.

Серик МУКАНОВ

Невыдуманные сюжеты

Когда возшла Звезда народа...

Этот скромный, в тёмно-синем переплёте двухтомник, что на полке моей домашней библиотеки, мне памятен и дорог — на нём дарственная надпись его автора, Героя Советского Союза писателя Баурджана Момыш-улы. Мне посчастливилось быть несколько минут за его дастарханом на алма-атинской квартире. Но об этом чуть позже.

Воистину война железным резцом высекала в народной памяти немало славных имён. Но не только у нас, в Казахстане, имя панфиловца, гвардии полковника в отставке, писателя Баурджана Момыш-улы сказать, что популярно, было бы не совсем точно, вернее сказать — горячо любимо.

Вот что писал о Баурджане Момыш-улы известный публицист Александр Кривицкий, первым из журналистов поведавший миру о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев. Цитирую: "... При всём своеобразии его натуры он офицер, каких в нашей армии было немало — умный, храбрый, стойко выполнял свой долг. А известен он больше других, больше многих тысяч и тысяч фронтовых комбатов, что доблестно командовали тогда своими подразделениями. Но причина тут та, что он стал героем не только подмосковных боёв, но и повестей Александра Бека. Герой писателя вошёл в его произведение с подлинной биографией".

В этом плане вспоминается один исторический факт. Когда артисты знаменитого МХАТа приехали в Алма-Ату ставить "Волоколамское шоссе", то Георгий Бурков, игравший генерала Панфилова, сказал: "Я всегда говорил и говорить буду, что Москву отстояли казахи!".

Серик Кабиденович МУКАНОВ

родился 10 октября 1949 года в г. Мамлютке Северо-Казахстанской области. Трудовую деятельность начал инструктором Мамлютского райкома комсомола. После действительной срочной службы в армии был принят литсотрудником в местную районную газету "Знамя труда".

Впоследствии редактировал районные газеты, работал собкором республиканской газеты, был изда-

телем и главным редактором областных журналов. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Кирова. Член Союза журналистов Казахстана. Ранее публиковался во всесоюзных и республиканских изданиях. Выпустил сборник рассказов. В настоящее время на государственной службе — начальник отдела департамента

внутренней политики акимата Северо-Казахстанской области. Живёт в г. Петропавловске. В "Ниве" публиковался в 2007 году (№ 2).

Хотелось бы напомнить читателям некоторые биографические данные Баурджана Момыш-улы. Родился он 24 декабря 1910 года в ауле Кольбастау Джувалинского района Джамбулской области, в семье казаха-скотовода. После окончания школы работал учителем, служащим банка, начальником райотдела милиции. В 1932 году Баурджан Момыш-улы был призван на действительную военную службу и, спустя полтора года, получил звание командира запаса. После небольшого перерыва в 1936 году он снова в рядах Красной Армии и проходит службу в различных уголках Советского Союза, последовательно занимая должности от командира взвода до командира гвардейской дивизии.

После войны окончил Академию Генерального штаба и занимался военно-педагогической работой в одной из академий Советской Армии. В 1956 году герой “Волоколамского шоссе” в звании полковника подал в отставку, и уже сам занимается литературной работой. Его произведения тесно связаны с его биографией. К числу первых книг Баурджана Момыш-улы относятся “История одной ночи” и “Наша семья”. Вскоре он пишет новую книгу — роман “За нами Москва”, посвящённый боевым делам панфиловской дивизии. Баурджан Момыш-улы писал на казахском и русском языках. За отвагу, проявленную на фронтах, он был награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и несколькими медалями.

Такова его краткая биография. Но какую интересную, богатую событиями и плодотворную жизнь прожил этот человек! И, естественно, меня после прочитанных книг Бека, Нуршаихова постоянно мучил журналистский зуд — вот бы встретиться с этим человеком, о котором в народе столько легенд, переходящих порой в небывлицы! Отправляясь в Алма-Ату, постоянно брал с собой его двухтомник: “Может, удастся взять хотя бы автограф”.

Хорошо помню ту буйную и неповторимую алма-атинскую весну восьмидесят первого. Приближался День Победы. Повод поздравить Бауке был весьма удобный.

— Да выбрось ты из головы эту пустую затею, — то ли подзадоривая, то ли действительно не веря в успех моей задумки, пытался отговорить меня мой старший брат, журналист Сакен Нурланов. — Струсишь. До дверей дойдёшь, а позвонить — побоишься. Не тебе чета журналисты пытались брать у Бауке интервью, а чем у некоторых это заканчивалось — знаешь. Если не знаешь, хочешь, расскажу случай из моей собственной практики?

— Ну, расскажи.

— Так вот, это было лет пятнадцать тому назад. Мне, тогда ещё зелёному журналисту, редакция поручила взять интервью у Баурджана Момыш-улы ко Дню Победы. Нашёл его номер телефона. Созвонился, договорился о времени встречи. Это было несложно. Ну, думаю, не так страшен чёрт, как его малюют. Но радовался я, оказывается, преждевременно. Чем ближе был день нашей встречи, тем больше усиливалось моё волнение. В назначенный час стою у дверей квартиры Бауке. Тогда он жил на Комсомольской. Гулко колотится сердце, вспотел изрядно, рука который уж раз не решается нажать кнопку звонка. А минуты текли... Я переминался с ноги на ногу, собирался с духом и никак не мог решиться...

— Сынок, тебе плохо или домой не пускают? — спросила меня пожилая женщина, поднимавшаяся по лестнице.

Этот вопрос и привёл меня в чувство.

— Спасибо, не беспокойтесь, — твёрдо ответил я и с силой надавил на кнопку звонка.

За дверью послышались шаги. Щёлкнул замок, и передо мной стоял сам легендарный, суровый, живой Бауке. Не успел я и рта раскрыть, как услышал его зычный командирский голос:

— Молодой человек! Вы опоздали ровно на пять минут! С разгильдяем дело не имею! Кру-у-г-ом! Ша-а-гом марш!

Не повиноваться сил не хватило. Машинально разворачиваюсь через левое плечо и, как учили в “учебке”, двинул строевым. Было стыдно за себя и досадно за срыв редакционного задания.

— Жду тебя завтра в одиннадцать ноль-ноль, — гулко прокатился по подъезду его голос. Это был второй шанс. И я его не упустил.

А вот ещё одна история с одним журналистом, бравшим как-то интервью у Момыш-улы. Не зная горячего характера своего собеседника, он простодушно спросил:

— Говорят, что на фронте вы были очень храбрым. Скажите, только, пожалуйста, правду. Вы действительно ни разу не испытывали страха?

— Сказать вам правду? — круто подняв брови, переспросил Баурджан.

— Только правду, — улыбаясь, повторил журналист.

И тут Баурджан вскочил с тахты, схватил лежавший рядом нож и замахнулся им на гостя. Тот побледнел и чуть не свалился со стула.

— Кажется, я ответил на ваш вопрос? — спросил Бауке с занесённым ножом. — Может ли человек не испытывать страха, если смертельная опасность нависла над ним? А на войне она подстерегает бойца на каждом шагу. Я объяснил доходчиво? — оторопевший журналист поспешно закивал.

Все эти легенды я знал. Но думаю, будь что будет. В конце концов главное — увидеть его. И вот я у заветных дверей квартиры Бауке, на втором этаже дома № 42 по ул. Гоголя. Открыла мне Жамиля-апай, супруга Бауке:

— Вам кого?

— Хотел бы с Бауке встретиться...

— Он отдыхает, уже поздно.

— Эй, кто там? Пусть заходит, — раздался вдруг мужской грохочущий голос.

Сразу налево, по широкой прихожей — кухня. Между небольшим холодильником и столом величественно восседал седовласый, в белой простой ситцевой сорочке, сам Бауке. Высокий лоб, скуластое лицо, точно высеченное из гранита, щетинка жёстких усов, бороздки морщин врезались в память от облика этого мужественного человека. Меня поразили его слегка прищуренные, колюче-пронизывающие глаза. От них становилось не по себе. Мандраж усиливался. Стараюсь взять себя в руки:

— Ассалаумалейкум, Бауке!

— Кто такой? — строго спросил он по-казахски, кивком головы принимая моё приветствие.

— Я из Северного Казахстана, — назвал свою фамилию, кратко и чётко рассказал свою родословную и добавил, что работаю в районной газете.

— Что привело тебя ко мне? — перешёл он на русский. Это меня немного успокоило. Но ум настойчиво сверлил один вопрос: “Прогонит, не прогонит?”.

— Хотел, Бауке, поздравить вас с наступающим Днём Победы...

— Спасибо, сынок, — не дав договорить приготовленное поздравление, поблагодарил Бауке и, напроць разрушая мои планы, заявил:

— Интервью я тебе не дам. А автограф — получишь. Что стоишь, как истукан, проходи к столу! Налейте ему чаю, — обратился он к сухонькой старушке, тихо сидевшей по другую сторону стола. Это была его тёща. Чай без молока я пить не привык, но выбирать не приходилось.

Мелкими глотками отпивая уже остывший чай из цветастой пиалы, осторожно осматриваюсь. Баурсаки, сахар-рафинад, на блюде — сливочное масло. Не таким представлялся мне дастархан человека, прославившего мой народ, мою Родину. Не зная, как себя вести дальше, пытаюсь собраться с мыслями.

Стратегия моего поведения при встрече с Бауке, тщательно обдуманная заранее, безнадёжно рухнула.

— Кроме чая, ничего тебе предложить не могу, — в упор глядя на меня, продолжил Бауке. — Сегодня был съезд писателей Казахстана — посидели с друзьями. Было в холодильнике немного...

— Спасибо, мне с вашего стола достаточно и чаю, — пытаюсь “бросить леца” грозному хозяину. Но мою реплику Бауке как будто и не слышал:

— Где мои очки? — вдруг неожиданно гаркнул он кому-то в соседней комнате, подвигая к себе принесённый мною его двухтомник.

— Да вы их вчера сами, бросив, разбили, Бауке, — отвечала бесшумно появившаяся Жамиля-апай.

— Ручку! — молча подаю ему свою самописку.

— Без очков плохо буквы различаю. А латынь понимаешь? А старый казахский шрифт?

— Нет.

— Тогда смотри и учись, — далеко откинув красивую голову, начал преподавать мне орфографию прямо на титульной странице первого тома книги.

— Вот так пишется цифра один, вот так — два...

— Бауке, а “Бранденбургские ворота” Кривицкого и ваш договор с Беком — правда? — осторожно спрашиваю в паузах, когда он медленно выводит арабскую вязь. (Очерк Кривицкого “Бранденбургские ворота” — интереснейший рассказ об истории написания А. Беком “Волоколамского шоссе” достоин отдельного повествования).

— Ты и Кривицкого знаешь? — с ехидцей, вопросом на вопрос, отвечает он.

— И Нуршаихова читал, — в тон добавляю не задумываясь, имея в виду недавно тогда изданную прекрасную книгу “Истина и легенда”.

— Что касается Кривицкого и Бека — правда. Ты, однако, так и хочешь меня разговорить. Я же тебя предупреждал — устал сегодня.

— А почему Бек среди многих офицеров в штабе у Панфилова выбрал именно вас?

— Это ты у него спроси.

— Он же умер...

Последний вопрос был задан не случайно. Тогда я уже слышал версию о том, что прабабушка А. Бека — дворянка, как участница декабрьского восстания на Сенатской площади 1825 года в юном возрасте отбывала ссылку в Пресновском районе Северо-Казахстанской области. И у неё здесь был роман с местным зажиточным казаком по фамилии Бек. Он женился на ней. Родился мальчик, которого молодая женщина через несколько лет переправила своим родственникам на воспитание в Петербург. Это был будущий дед Александра Бека. И в том, что среди множества достойных офицеров-панфиловцев писатель остановил свой выбор именно на Баурджане, мне кажется, был явный зов крови предков... Как говорят казахи: “Кан тартады”.

Больше со своими вопросами я не совался. Получив автограф, радостный и счастливый, не помню как вылетел на улицу. Было ощущение прикосновения к человеку священному и очень дорогому, испытывавшему на себе трагические и триумфальные периоды в судьбе моей многотрадной Родины.

Долго я пребывал под впечатлением той памятной встречи 17 апреля 1981 года. Рассказывал о ней друзьям, родным. А сейчас решил поделиться воспоминаниями и с вами, дорогие читатели.

Как писал Азильхан Нуршаихов: “Не меньше ста поэтов, писателей, журналистов, учёных посвятили и до сих пор посвящают ему стихи, очерки, статьи, исследования. А сколько легенд — при жизни! — сложил о нём казахский народ. Разве же не удивительна его судьба? Да, счастлив должен быть батыр, имя которого прославляют в народе, а жизнь воспевают, превращая её в легенду!”.

И ещё. Только с обретением независимости нашего государства стало достоянием гласности представление в Президиум Верховного Совета Союза ССР бывшего командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника Серебрякова, написанное им ещё в июле 1944 года. Перечисляя боевые подвиги Баурджана Момыш-улы, он писал: “... мною в августе 1942 года был оформлен наградной лист на звание Героя Советского Союза, судьба которого до сего времени неизвестна. Излагая далеко не полно подвиги Момыш-улы, считаю своим долгом донести Вам и прошу на основании вышеизложенного, согласно статутам орденов Союза ССР, отметить товарища Момыш-улы в пределах, которые считаете возможными Вы, ибо справедливость этого от меня требует...”.

Вдумайтесь в последнюю строчку: *“справедливость этого от меня требует”*. Да, справедливость восторжествовала только спустя почти полвека.

Вот как об этом вспоминает единственный сын Баурджана Момыш-улы Бахытжан: “И всё же Звезду Баурджан получил. 11 декабря 1990 года Михаил Горбачёв подписал Указ об этом, а 31 декабря я получил её из рук первого Президента Казахстана, который сумел-таки выбить баурджановскую Звезду из Кремля. Мне кажется, что если бы отец получил её при жизни, то это была бы просто очередная награда, но поскольку это случилось через восемь лет после его смерти, как раз накануне развала Союза и обретения Казахстаном независимости, то она приобрела совсем другое значение. Нурсултан Абишевич Назарбаев в поздравительной телеграмме написал нашей семье: “День, когда Бауке получил Звезду, можно считать днём, когда возшла Звезда народа”.

Вот такая моя Мамлютка

Не помню уже где и когда я услышал фразу: “Не так страшен чёрт, как его Мамлютка”.

Кому-то чёрт, а кому-то родные сердцу милые места...

В начале тридцатых годов мой дед Ахмет, спасая семью от голощё-кинского голода и после основательного раскулачивания, с четырьмя детьми, на двух подводах из родового непокорного аула Бирлестик, что на Аир-таушине, двинул в поисках лучшей доли в сторону Тюмени. Лишений на-терпелись — не беда, а вот младшую трёхлетнюю дочурку дед потерял на-всегда на петропавловской барахолке.

Была осень. Впереди ждали зима и неизвестность. Рисковать не стал. В селе с поэтичным названием Зоринка, что недалеко от станции Конд-ратовка, добрые люди приютили изнеможенную от голода и усталости семью Ахмета. Так и остались здесь жить мои предки. Тогда моему буду-щему отцу было пять лет. Это уже потом, с окрепшей семьёй Ахмет пере-ехал в райцентр Мамлютку, где облюбовал и купил на окраине землянку. Здесь и пустил новые корни. Именно здесь суждено было ему впервые по-знать радость общения с родной кровинкой — первым внуком.

Жили мы тогда в северной части Мамлютки. Это была особая окра-ина райцентра, негласно очерченная до Беловского переулка, и назы-валась “татарским краем”. Здесь действительно проживали в основном татары. И среди них бесконфликтно соседствовали мы — казахи, укра-инцы, немцы, чеченцы, поляки, белорусы, украинцы, башкиры. Была даже семья китайца Ван Си Фо. Но его все звали уважительно на рус-ский манер почему-то Василием Ивановичем. Ему было за шестьдесят. Работал он старьёвщиком. Закупал или обменивал на тряпки, кости, цветмет банки с порохом, шары, свистки, игрушки — по тем временам страшный дефицит.

По наивности мы с дружкой обменяли единственно оставшийся из бабушкиного приданого прекрасный тульский медный самовар, с выби-тыми на боках многими медалями, на баночку бездымного пороха. Узнав об этом, бабушка устроила разнос и нам, и китайцу. Самовар был водру-жён на прежнее место, а порох мы успели использовать по назначению.

Василий Иванович на бричке с деревянными бортами, запряжён-ной красным круторогим волом Мишкой, разъезжал по улицам посёлка в любую погоду. До сих пор помнится его зычный, несмотря на тщедуш-ную фигуру, голос:

— Кости, тряпки, медь, железо! Цоб, Мишка! Уже близко!

В начале пятидесятых жизнь была несладкой. Но на столе у всех были хлеб, картошка, молоко, яйца, творог. На зиму забивали птицу, скот. Труд-нее было семьям вдов фронтовиков. Но им помогали все кто чем мог. Взрос-лые в основном работали. Умели и отдыхать. Ставили брагу, настойку из вишни, смородины. Редко, но гнали самогон.

Помню, на свадьбу старшего сына Хасана фронтовик-орденоносец Ибрай Мушарапов поставил три фляги браги. Было лето. Во дворе у колод-ца на три кирпича водрузили самогонный аппарат из дюралевой фляги. Змеевик пустили через колодезную холодную воду, налитую в самодель-ное корыто. К бокам фляги поставили три, гудящие от огня паяльные лам-пы. Вскоре пошёл первач. Тут же — проба.

— Хорош! — махнув полстакана сивухи, крикнул от удовольствия хозяин, занюхивая рукавом.

Три мощные, работавшие в полную силу, лампы дали о себе знать. Аппарат вначале начал дрожать. Брага во фляге от кипения клокотала. Из медной гнутой трубки на крышке аппарата от чрезмерного давления слетел змеевик. Как из ракетного сопла, струёй рванулись пары самогона. Аппарат с кирпичей полетел на землю и стал юлой вращаться, набирая обороты, сбивая горящие паяльные лампы. Взрыв был неминуем. И в этот трагический момент раздался командирский голос Ибрая-абзы:

— Ложись!

Бывалый фронтовик, профессионально и мгновенно оценив обстановку, плашмя упал на землю и ящерицей юркнул за сруб колодца. Мы же, многочисленные зеваки-мальчишки, послушавшись команды, разлетелись, как спугнутые ястребом воробьи. Самодельный самогонный аппарат мог взорваться в любую секунду. Но этого, к счастью, не произошло. Постепенно, выпустив весь пар, аппарат, шипя, затих. Через несколько минут он был поставлен на те же кирпичи и процесс возобновился с учётом допущенных ошибок...

У взрослых были свои забавы и праздники. А мы, дети, с особым нетерпением ждали религиозные. Неважно, мусульманские или христианские. И что самое интересное, на Пасху мы, дети мусульман, славили вместе со сверстниками-православными. Подносили нам крашенные яйца, куличи, сдобу. А на наш Курбан-айт всем без исключения давали айтык или монетами, или сладостями.

До пяти лет в моём словарном запасе было с десяток русских слов. Дома говорили только на родном. Как-то за вечерним дастарханом бабушка, моя мудрая аже, сказала в категоричной форме своему сыну, моему отцу:

— Серику скоро в школу, а он двух слов по-русски не может связать. Как он будет учиться в русской школе? Казахской-то нет. Ты думал об этом? Договорись с Николаем Иващенко, пусть его Лёнька поживёт у нас, играть будут вместе. Мой внук познает русский быстрее.

Так с лёгкой руки моей бабушки, Лёнька, хоть он и был младше меня, стал моим учителем русского языка, а я — его учителем казахского. Вскоре мы с ним общались на особом казахско-русском диалекте, понятном только нам двоим. А на улице нас ждал татарский язык. На нём говорили мы все — и Валька Гартман, и Юра Петренко, и Алик Гирский, и Вовка Токарев.

Помню, мой дружок Халиль Бекчентаев просил меня перевести на казахский слово “пси” — кошка. Когда я отвечал: мысык, он долго, от души хохотал. Непривычное для его слуха слово сместило его.

Много интересных, радостных картинок детства сохранила память. Меня всегда поражали и восхищали сплочённость, взаимовыручка, терпимость жителей “татарского края”. Помню, как строил дом Салих Латыпов — большеглазый, красивый весельчак. Привёл он в родительский дом невесту — певунью-красавицу Асию Биктимирову.

Строили, как говорят, всем миром — асаром. Буквально за несколько дней на месте старой, просевшей по окна в землю землянки, выросли камышитовые стены. После дранкования — мазка. Возле дома на лошади месилась большой круг красной глины вперемешку с соломой.

Готовность замеса определяли спецы. Только после этого десять-пятнадцать женщин-соседок, ближних и дальних родственниц Латыповых, Биктимировых дружно брались за мазку стен. На носилках, ловко балансируя по проложенным дощатым настилам, мужчины подносили глину. С шутками и прибаутками работа спорилась. К вечеру, когда внутренние и наружные стены были помазаны, начиналось главное действо: первое в новом, ещё недостроенном доме застолье с гармонью, без которой не обходилось ни одно торжественное мероприятие в “татарском крае”.

Было поверье: как пройдёт первое застолье — таков будет и достаток в доме. Поэтому новосёлы не скупились. С щедрого дастархана перепадало вкусненькое и малышне.

Очень нравился мне — и теперь он всегда на моём дастархане в праздничные дни — национальный татарский балиш, с рассыпчатым тестом, тёртыми сухофруктами, черносливом начинённый. В нашем крае особенно отменно готовили это блюдо наши соседки — лучшие подруги мамы Майнур Мушарапова и Мариям Жумагулова. До сих пор помню вкус с любовью приготовленных ими различных видов сдоб.

Ерулик

Тот коварный приказ Сталина не многие знают. Но это исторический факт, когда подразделение красноармейцев, владеющих немецким языком, переодетых в вермахтовскую форму, осенью сорок первого десантировалось ночью под Энгельсом — административным центром автономной республики. Нашлись-таки среди поволжских немцев, кто встретил десантников с хлебом и солью. Что и требовалось. Немедленно последовала команда на депортацию немцев в Сибирь и Казахстан.

Тогда Вальдемару было всего три годика, когда в одну ночь их погрузили в товарные вагоны и повезли неизвестно куда. Из того кошмара он помнит только плач матери и собачий холод товарняка.

Тысячи ни в чём не повинных семей не по своей воле, бросив годами нажитое добро, оказались вдали от родных мест. Так молодые Эйсвальды Карл и Эльза с трёхлетним сыном оказались в казахском ауле Карагай. И приютил их тогда одинокий аксакал Бейсембай. Отдав переселенцам большую гостевую комнату, хозяин обосновался на кухне. Возле печки в тот же день с Карлом он сладил из старых досок добротный настил — саки, накрыв его толстым, расшитым национальным орнаментом, ковром-текеметом из кошмы. Это были и лежак, и кровать, как оказалось, на долгие годы. Здесь же, рядом, уместился и казахский круглый стол с короткими ножками, накрытый старой и потрескавшейся цветной клеёнкой.

Этот самодельный дастархан и тот первый вечер при свете керосиновой лампы в землянке Бейсембая Вальдемар помнит до сих пор. Аксакал говорил тихо и только на казахском. И среди его незнакомых для переселенцев слов в тот день чаще повторялось одно — ерулик. Что оно означало — было непонятно.

На дворе ранняя весна. Старик затопил печь. Принёс из кладовки несколько небольших кусочков копчёного мяса. Помыл и бережно положил их в небольшой казанок с водой, который поставил на плиту. Вскоре по дому пошёл незнакомый, но потом ставший родным для Вальдемара,

запах варёной копчёной конины. И когда дастархан был накрыт, аксакал, показывая на угощение и на своих квартирантов, произнёс:

— Ерулик, конакасы.

Какие тогда были вкусные жёлтые засохшие баурсаки и белые твёрдые шарики курта Бейсембая! А какая была конина с заметным запахом берёзового дыма! Полуголодные Эйсвальды уплетали всё подряд. И откуда им знать, что это угощение было остатками поминального аса, после сорока дней со дня смерти старухи Бейсембая Раушан. Не выдержало её сердце потери единственного сына. Кара кагаз — похоронка с фронта — в те дни метила многие семьи аула.

Много лет прошло с тех пор. И уже живя в Германии, вспоминая тот дастархан при тусклом свете керосинки, Вальдемар всегда мучительно размышляет над одним и тем же вопросом: “Смог бы он, будь на месте Бейсембая, поступить как аксакал?”. Ответить откровенно было сложно.

Ещё до прибытия депортированных колхозный баскарма (председатель) — фронтовик Токаш, потерявший руку при обороне Сталинграда, с единственной медалью “За отвагу” на застиранной солдатской гимнастёрке, ломал голову у кого поселить пять немецких семей по негласной районной депеше. Сорок пять дворов в ауле. Каждого аульчанина он знал в лицо и знал, что ел каждый из них на завтрак и на ужин. За горсть украденного колхозного зерна ждал суд. Могли и расстрелять по законам военного времени. Все жили впроголодь, но беззаветно верили в скорую победу.

Как-то Токаш, проезжая мимо верхом на лошади, встретил заметно сдавшего после потери сына и жены Бейсембая. После приветствия аксакал, зная проблему баскармы, сам предложил:

— Приму любую семью, только с мальчиком... Мы же казахи, традиции наши нарушать негоже. Они тоже люди и нет у них вины.

Токаш тогда молча сполз с лошади и обнял мудрого Бейсембая. И каждый из них не стеснялся скупых непрощенных слёз. Баскарма всё понял: мальчик поселенцев будет Бейсембаю вместо родного внука, которого аксакалу не суждено нянчить никогда. Он мудр, как его народ. Всё простил и со всем смирился.

Только два слова обронил тогда председатель Токаш, садясь на лошадь:

— Жарайсын, Беке!

Что в переводе означало: “Я горжусь тобой, Бейсембай!”.

Только Эйсвальды начали обживатьсь, и тут Карла призвали в трудармию. За два года от него было всего несколько писем из карагандинских шахт, да две посылки и немного денег. И больше ни слуху ни духу. Куда только ни писала Эльза, к кому только ни обращалась. Сгинул Карл неизвестно когда и неизвестно где.

Остались они жить втроём. Вальдемар заметно подрос. Всё время крутился возле аксакала, помогая ему по хозяйству. Быстро, как и Эльза, научился говорить по-казахски. С первых дней совместной жизни Бейсембай его звал “балам” — сынок. А Вальдемар Бейсембая звал аташкой — то есть дедушкой. Об этом аксакал попросил сам и это обращение ему очень нравилось. Эльза научилась шить на швейной машинке “Зингер” — ею когда-то перед войной покойная Раушан была награждена на слёте передовых колхозниц. Прослышав о мастерстве Эльзы, зачастили с заказами

аульские женщины. За работу рассчитывались продуктами: кто курта принесёт, кто молока.

Когда уже после войны жизнь стала понемногу налаживаться, старый Бейсембай советовал Эльзе:

— Ты, дочка, помаленьку делай запас продуктов. Вдруг гости придут. Наш дастархан всегда должен быть накрыт для них достойно.

И как-то за вечерним чаем он рассказал им старую легенду:

— Давным-давно жил в наших краях казахский бай. Был он мудр и богат. Тысячами голов лошадей, коров и овец исчислялись его стада. Со старился бай и перед смертью позвал троих взрослых сыновей и дал им такой наказ:

— Всё моё богатство и скот разделите на четыре равные части. Премножайте своё состояние и живите дружно.

— Почему на четыре части, нас же у тебя трое, — не выдержал младший сын.

— Правильно. Вас трое. Четвёртая часть тоже разделится между вами, но эта будет долей ваших будущих гостей — конак асы (конак — гость, ас — угощение. — **С. М.**). В любое время года, в любое время суток казах должен принять гостя, предоставить ему кров, постель и накрыть дастархан. И кто бы ни был вашим гостем, он отведаёт свою долю, завещанную мной. Если он стеснительный или робкий, напомните ему, что это его доля и принадлежит ему по праву.

Сыновья исполнили наказ отца. Каждый из них стал впоследствии родоначальником трёх казахских жузов. Вот где кроются корни казахского гостеприимства и история происхождения слова “конак асы”!

— Аташка, я помню, когда мы приехали, вы ещё говорили слово “ерулик”. А что оно означает? — отпивая остывший чай, спросил Вальдемар.

— Э-э, балам, а я не думал, что ты запомнил это слово. Молодец, всегда слушай и запоминай сказанное старшими. Я тебе поясню.

Когда в аул переезжает какая-то семья, то новосёлов для более тесного общения или знакомства, по традиции наших предков, приглашают в гости родственники, соседи или знакомые. Эта традиция и называется ерулик...

... Сорок лет прошло с того вечернего чаепития. До мельчайших подробностей помнит Вальдемар Карлович и другие неспешные рассказы аташки Бейсембая. Он заменил ему отца Карла. Растил и лелеял его как сына. Не каждый родной отец может так тепло относиться к своему ребёнку. Его аташка смог. Это благодаря ему Вальдемар получил образование, крепко встал на ноги. С благословения Бейсембая по любви женился на чернобровой красавице Шолпан. Очень жаль, что аксакал умер, не увидев детей Вальдемара. Как бы радовался он им сегодня...

— Что ты всё в окно поглядываешь, — прервала его воспоминания слегка располневшая Шолпан. — Погулял бы хоть на улице, пока Эльза-апа с внуками не приехала.

— Куда я пойду? Никого не знаю. Поговорить-то не с кем. Здесь каждый сам по себе. Бюргер он и есть бюргер.

— Я забыла тебе сказать. Вчера на соседней улице видела мужчину, вроде казаха. Вещи с контейнера разгружал.

— Что же ты так долго молчала? А? Из родных мест приехали люди, а она молчит! Это какой дом?

— Кажется, третий от угла по Бильдштрассе.

— Накрывай, дорогая, дастархан. Доставай казы, карта, — командовал повеселевший Вальдемар Карлович, решительно направляясь к выходу. — Наши традиции надо соблюдать. Я пошёл их приглашать на ерулик.

Ужин при свечах у министра

Воистину судьбу любого человека может крутого изменить Его Величество Случай. Меня, наивного выпускника сельской средней школы, мечтавшего о спортивной карьере, занявшего к тому времени два первых места в области по двум видам спорта и заранее приглашённого на факультет физвоспитания местного пединститута, отработанная советская система профориентационной работы с помощью ТВ, вынудила-таки поступать в сельхозинститут.

Сборы были недолги. Мама накрепко зашила в потайной кармашек моих новых сатиновых трусов двести рублей. А пять рублей дала на карманные расходы:

— Не потеряй, сынок, — больше нет. Ты же знаешь, кроме тебя на моих руках остаются шесть ртов. Сердце моё спокойно — значит поступишь. До стипендии тяни...

И вот я в общем вагоне пассажирского поезда Свердловск — Алма-Ата рванул навстречу матушке-судьбе.

Дорожная суета общего мне понравилась. Бодренькие две бабульки, потеснившись, предложили мне присесть и тут же начали накрывать на стол:

— Перекуси, сынок, потом поговорим. Поступать, небось, едешь? Наверно, на юриста?

— Нет. На инженера.

— Вот и правильно, родной. Село всех кормит. Главным инженером к нам в колхоз приезжай, как закончишь институт. Ладно? Наш безбожно пьёт, к тому времени сопьётся. Прости меня, Господи!

В дороге почему-то аппетит всегда отменный. До сих пор помню вкус бабулькиных жёлтых помидоров, малосольных огурцов, всмятку сваренных куриных яиц и неповторимый запах домашнего серого хлеба. Остались в памяти и милые лица этих добрых женщин, как оказалось, блокадниц Ленинграда, и их уставшие руки с синими набухшими прожилками вен.

После сытного ужина под мерный стук колёс и дембельские песни в соседнем купе меня, сладко задремавшего на верхней полке, разбудил приятный женский голос:

— Сынок, дай руку, на счастье тебе погадаю! Ручку позолоти! Правду скажу, что тебя ждёт, молодого, в дальних краях.

— Иди отселева и не трожь ребёнка! — это уже мои бабульки, чую, берут оборону и вытесняют молодую цыганку из прохода.

— Какой он ребёнок!? На полку не вмещается!

Впервые мне в жизни гадать предлагает цыганка. Что же меня, интересно, ждёт в дальних краях? Наивное любопытство берёт верх. С трудом нашёл один из запрятанных рублей и на раскрытой ладони протягиваю его гадалке:

— Расскажи.

— Удача тебя ждёт, дорогой. И встреча с большим человеком. Очень большим человеком!

— Ага, с министром ждёт его встреча, — ехидно хихикнул на соседней полке пожилой мужчина.

— А может, и с министром, — сверкнула чёрными глазами, удаляясь, цыганка...

В те годы рейс сто четвёртый прибывал в Алма-Ату поздним вечером. Мой брат тогда жил на улице 8-го марта. На четвёртом троллейбусе добирался до места. Улица из одноэтажных частных домов не освещена. Уличный фонарь горит только на остановке. В крошечной темноте среди пирамидальных тополей, поблуждав около часа в поисках нужного дома, решил ехать обратно на вокзал.

Стою на остановке в ожидании последней “четвёрки”. В руках небольшой чемодан с учебниками. Кругом ни души.

Вдруг слышу стук каблучков. И, как в сказке, из темноты появляется в светлом коротком платье прелестная, не пойму, девушка или женщина и направляется прямо ко мне:

— Вы на вокзал?

Такую красивую казашку я видел впервые. Естественно, растерялся, засмутился. Выслушав мои путаные объяснения, она решительно сказала:

— Переночуете у меня, а утром мы разыщем вашего брата. А вон и наш троллейбус идёт!

Я и вовсе онемел. От всяких мыслей закружилась голова. Сошли на Коммунистическом проспекте. Среди пятиэтажек прошли через большой тёмный двор. Вошли в подъезд одного из них.

В прихожей квартиры на всю стену, один к одному, вижу в рост цветной портрет моей незнакомки...

Заметив моё замешательство, она пояснила:

— Меня зовут Гайша. Мы даже не познакомились. А это моя афиша. Я — актриса. Не стесняйтесь. Вот ваша комната. Сейчас быстренько с дороги примите душ, потом будем ужинать — приедут муж и гости.

Тогда я ванную и душ не только не принимал, но и отродясь не видел. Пришёл в себя и сориентировался я, видимо, не скоро, потому как в дверь постучали и попросили поторопиться.

От бешбармака на столе шёл лёгкий пар. В глазах рябило от красивых бутылок вин, салатов и фруктов. Впервые в жизни я ужинал при свечах. Хозяин и гости оказались простыми и милыми людьми. Были песни, звучала домбра. А всё-таки украшением компании была милая Гайша...

На другой день, когда я рассказал брату о своих приключениях, он спросил меня:

— Ты хоть знаешь в чьём доме ночевал?

— У Гайши.

— Эх, деревня. Её муж — один из министров Казахстана...

Вот так мне, начинающему самостоятельную жизнь сельскому пареньку, тогда был преподан урок классического степного казахского гостеприимства и радушия.

г. Петропавловск.

Алия АХЕТОВА

Степные легенды

Слово Жоламана

Распространено было в древней казахской степи нехорошее явление — барымта. Пользуясь случаем, угоняли лихие конокрады лошадей под покровом ночи. Ищи-свищи потом, не сыскать степняку коня своего — главного богатства.

Как-то у племени момын угнали целый табун коней. Вызнали пострадавшие от барымты, кто осмелился посягнуть на их имущество, и стали посылать гонцов к обидчикам с просьбой вернуть табун.

Некий бий по имени Кокшолак, наделённый от природы красноречием, раз за разом морочил голову истцам, явно не собираясь выполнять их теперь уже требования, а не просьбы-мольбы.

У простого шаруа-кочевника Койтеке среди семерых сынов выделялся умом самый младший, двенадцатилетний Жоламан. Взяли однажды момыны мальчика с собой на очередную встречу с любителями поживиться за чужой счёт. И сказал своё слово подраставший акын Кокшолаку: “Если не хочешь отдать кобыл, когда они яловые, то отдашь, когда станут пожирнее. А если не хочешь отдать по доброй воле, убедиться придётся в нашей силе”.

И тогда тёртый бий, славившийся изворотливостью, ответил гонцам: “Этот мальчик всё равно не даст нам выкрутиться, верните лошадей, да привяжите перед каждой по одной лошади, а к хвосту — по другой”.

С тех пор и родилась у казахов пословица: “У ума и хитрости родители разные. Мать ума — мудрость, отец хитрости — подлость”.

Птица байгуз

Птицу эту в казахском народе почитают особо. Летает она по ночам. Прислушиваются люди к её тревожным крикам и вспоминают былые времена.

Жил прежде охотник по имени Жалмауыз. Жестоко обращался он с отловленными птицами, делая им дырки в клювах и нанизывая на сыромятный ремешок. Не давалась в руки жестокосердному ловцу только птица байгуз.

Тогда подговорил охотник ястреба и согласился тот помочь изловить неподдающуюся байгуз.

Обманом усадил ястреб к себе на крыло бедную птицу и полетел к Жалмауызу, прямо в руки передал добычу охотнику. Умна да хитра оказалась байгуз, попросив свить ремешок для неё из луча солнца и коровьего масла. Помощники Жалмауыза попробовали изловить солнечный луч, но не поддавался он им. Масло мяли-мяли в руках, да растаяло оно, потекло по жирным пальцам.

Пришлось охотнику признать победу байгуз: “Мала ты, птичка-невеличка, а ума в тебе много. Отпускаю всех пойманных птиц на свободу, потому что именно этого ты от меня ждёшь...”.

С тех пор казахи, если встретят байгуз, не обижают её, считают за грех поднять на неё руку. А если случайно окажется она у людей, отпускают её сразу же на волю. Вот отчего у всех птиц дырки в клюве, а у байгуз — нет.

Наследник своего отца

У богатого знатного бая по имени Сыздык долго не было детей. Мечта о сыне всё не сбывалась. Хотелось ему ласкать мальчугана, слушать его залиvistый смех в юрте своей.

Наконец, четвёртая жена, светлая ликом, родила Сыздыку сына.

Созвал из окрестных аулов бай многочисленную родню. Готовились женщины к тою: в огромных котлах помешивали баурсаки, варили в чугунных казанах ароматное мясо молодых барашков. В берёзовой роще устраивали качели-алтыбакан. Лениво бродили вокруг аула сытые собаки.

Тем временем старухи в юрте разложили на кошке разные мелкие предметы. Есть у казахов поверье: протянет руку ребёнок к кожаному напёрстку — щёголем будет; возьмёт сыбызгы, тонкоголосую свирель — станет акыном, поэтом, музыкантом; если же потянется к ножу — быть ему храбрейшим из воинов...

Крепко спал долгожданный сын Сыздыка. Терпеливо ждали собравшиеся, когда он откроет глаза. А проснувшийся Жандос (так нарёк бай своего первенца) притянул к себе и нож, и напёрсток, и сыбызгы — всё разом. Такого отродясь никто не видел!

Вздрогнули старшие жёны — байбише, всплеснули руками и бросились вон из юрты. Толкаясь и чуть не падая, кинулись вслед за ними удивлённые и перепуганные старухи.

Узнав о случившемся, бай вскричал:

— Так режьте ещё жеребят и баранов! Добрый это знак, видно, родился вождь, которому дано повелевать моим народом!

Праздновали аул и окрестные кочевья это событие три дня и три ночи.

Всем было ясно, что яркой будет жизнь байского сына, подготовит он себя к славным делам, которые не забудет народ.

Сыздык же испытывал противоречивые чувства. “Счастливы кони, не знающие конца своего”, — думал отец об участии родившегося наследника.

Шло, а порой летело время. Подрастал сын Сыздыка. Пятнадцать трав поднялись со дня его рождения. Учил отец сына горячей охоте, а тот носился по степи вольным и стремительным всадником в предвкушении дальних походов.

Учился Жандос всему: красил кожу и шерсть с помощью трав и корней, глины и камня, упражнялся в стрельбе из лука, укрощал вздыбленного аргмака.

Брал отец сына на советы старейшин. Учил сказать веско, метко и образно, объяснял, какому роду какое кочевье отвести, чтобы не вышло ссор да обид, и не дошло бы дело до вооружённого столкновения и позорного побоища. Учил устанавливать порядок в использовании пастбищ.

Не пропадали даром уроки отца, но, увы, не всё он успел передать из богатейшего багажа знаний и мудрости.

Похоронив отца, редко теперь смеялся Жандос. Научил его отец убеждать от вражеской стрелы, дурного глаза, лживой дружбы, но всё недосуг

было открыть глаза сыну на то, что следует кара за совершённое зло там же, на грешной земле, и на то, что знает Небо, вечное синее Небо, земные дела каждого, и ведёт им свой счёт...

Знал твёрдо сын Сыздыка: аруахи, духи предков, всегда помогают правому делу.

Сбывались предсказания старух: храбрый вождь народа сочинял песни, всегда удивлявшие воинов. Они запоминали каждое слово, а потом пели в своих простых шатрах.

Песни его пели и чужие племена. Протягивал юный вождь руку за свирелью, смачивал губы молоком, и лилась мелодия — тревожная, волнующая, заставляющая мучительно сжиматься сердце, чего-то ждать, искать, верить и надеяться.

Шипело и пенилось кобылье молоко, кружил голову хмельной айран, острее становились запахи свежескошенной травы и дорожной пыли. А над всем аулом плыла щемящая музыка печали — то пели девушки и парни песни своего вождя.

Однажды ночью на соседние аулы совершила набег хуннская рать. Длинной цепью лежали связанные люди, когда солнце взошло над горами и залило тёплым светом долину.

Прощально кивнул и улыбнулся вождь девушкам своего аула, и поскакали вслед за его конём всадники на помощь соседнему роду. Трудно юному вождю. Ещё не познавший ласки девушки, он уже отец, но не простой отец. Велика его семья. И если простой отец должен заботиться о престарелых родителях, детях и жёнах, то Жандос должен думать обо всех сразу.

Не малой кровью за счёт других хочет добиться победы молодой наследник Сыздыка.

Пусть отважен возглавляемый им отряд, но равную со всеми тяжесть битвы возьмёт на себя вождь. Так учил его отец Сыздык. И так будет!

Повеселел сын отца своего. Умирать не страшно! Жаль лишь, что не оставил он после себя наследника, который тоже выжжет дурную траву, чтобы поднялись потом сочные высокие травы.

Сам гореть будет вождь и других зажигать. Так учил его отец.

Ещё успела сверкнуть мысль его на лезвии меча иноземного врага: я сделал для своего народа всё, что смог...

Но слышало его одно лишь Небо, вечное синее Небо.

Тусклым стало солнце. Тяжёлая туча повисла вдаль.

— Спасение! Дождь обнажит дорогу! — крикнули воины врага.

А небо наслало на них смерч, песчаную бурю, чтобы вырос курган над юным вождём.

... А песни те поют в наших степях и поныне.

Злом на добро

Сильный красивый зверь с мягкими кошачьими повадками пружинисто и легко ступал по осенней выгоревшей долине. В зарослях камыша таились сети, расставленные охотником. Угодил тигр в сети и, как ни бился, ни вырывался, не мог выбраться. Мимо шёл случайный путник. Тигр, завидев человека, взмолил о помощи:

— Человек! Освободи меня, я смогу отплатить тебе за помощь добром.

Легковерный простак, не подозревая о коварстве зверя, освободил его из сетей. И тут тигр зарычал:

— Я голоден, и съем тебя!

— Но ты ведь обещал отплатить мне добром за добро. Я не сделал тебе ничего дурного. Разве можно так поступать? Хоть у кого спроси — скажут, что нет...

Согласился тигр, и направились оба к раскидистому дубу, стоявшему поодаль.

— Эй, дерево! Ответь нам, рассуди! За добро как платят — добром или злом?

Дуб закивал ветвями, зашумел кроной:

— Злом только лишь платят. В моей прохладной тени отдыхают путники, уходя, вместо благодарности причиняют мне боль, отламывая ветки. Разве это не зло?

Тигр обрадованно говорит человеку:

— Вот видишь! Ну теперь мне остаётся лишь съесть тебя!

Человек стал умолять тигра:

— Потерпи, давай так сделаем: спросим трижды, дождёмся ответов, а потом — будь по-твоему, съешь меня.

Паслась вблизи корова.

Человек у неё спрашивает:

— Скажи нам, платят ли за добро добром, или злом на добро?

Корова отвечает:

— Злом платят. Было у меня много молока — любила меня хозяйка, по бокам гладила, берегла, кормила. Нынче молока убавилось, так хозяин решил меня прирезать. Это ли не зло?

Тогда тигр говорит человеку:

— Съесть мне тебя придётся!

— Ещё один раз спросим, — попросил человек.

Следующим, кого приметили тигр и путник, был лисёнок. Завидев тигра, хотел тот шмыгнуть в заросли.

Крикнул ему хищник:

— Мы тебя не тронем, скажи нам вот что: человек спас меня, я намереваюсь его съесть, так как страшно проголодался. Прав ведь я? На добро только злом и принято в этом мире отвечать?

Лисёнок оказался не робкого десятка, да и ума у него было поболее, чем у иных. Предложил он спорщикам следующее:

— Разве тигр — царь зверей, самый сильный среди нас, в какие бы сети ни попал, не сможет выпутаться?

Тигру не оставалось ничего, как признать, что благодаря человеку он освободился от сетей. Лисёнок и говорит:

— Ни за что не поверю! Ложь всё это! Пока своими глазами не увижу этого тигра в сетях, да как он ловко сумеет вырваться из них, никому из вас не поверю.

Тогда тигр влез снова в сети, чтобы показать лисёнку, как всё происходило на самом деле.

Бедный путник кинулся помочь тигру. А лисёнок и говорит:

— Не вздумай помогать хищнику, который готов тебя съесть, а беги что есть мочи домой.

Остался разъярённый тигр в сетях, не в силах выбраться сам.

Подошёл охотник с ружьём, а что было дальше, догадайтесь сами...

Сказ о Жанибеке

Жил в казахской степи знаменитый хан Аблай, слава о котором породила множество легенд. Вот одна из них.

В одной из кровавых битв, которые вёл Аблай-хан с многочисленными врагами, совершавшими буйные набеги на его владения, стрела смертельно ранила любимого коня предводителя казахов.

Совсем юный джигит, статный и высокорослый, соскочил со своего коня и подвёл его к владыке.

— А как же ты, сынок? — спросил хан.

— Если погибну я, женщина из моего рода-племени родит сына, подобного мне. Если же с вами, о великий Аблай-хан, случится несчастье, народ будет обезглавлен...

После тяжёлого боя Аблай-хан приказал найти джигита, пожертвовавшего ему своего коня. Когда встретились они, хан сказал удалому воину:

— Сынок, ты поразил меня не тем, что отдал коня, столь необходимого в бою тебе самому, а тем, что в свои годы нашёл такие слова. Требуй теперь, что пожелает твоя чистая и добрая душа.

— О великий хан, я не прошу ни коня, ни чапана, расшитого золотом, ни лисьего тулупа. Мне достаточно, если вы дадите мне место у вашего правого колена, — попросил джигит.

Тогда хан приказал бию-советнику, сидевшему по правую сторону от ханского трона:

— Уступи место батыру, я обещал ему — если суждено мне выйти из битвы живым — отдам всё, что он пожелает.

Бий не спешил выполнить повеление Аблая, а когда хан твёрдо повторил свои слова, посмотрел на юнца недобро, сверкнув глазами:

— Твой отец был беспомощным, жалким человеком. Что тебе делать возле хана? Разве не хватит тебе чести быть его коневодом?

Побелел лицом джигит, тонко очерченные брови его взметнулись вверх. И чеканно произнёс:

— Если чернь теряет совесть, хан теряет уважение людей, — так говорили наши предки. Что это за неучтивость, вынудившая великого Аблая, хана земли казахской, дважды повторять сказанное? Какое ты имеешь право сидеть рядом с ханом? Прочь!

Отстранив бия одним движением сильного плеча, джигит сел на его место, у правого колена хана.

Этим смелым и гордым молодым человеком был Жанибек, впоследствии сам ставший легендой казахских степей от Урала до Иртыша.

Будь с гордым горд: он не сын пророка. С робким будь робким: он не раб твоего отца.

Рассказ слепой старухи

Давным-давно в детстве видела я ночами алмазные звёзды, устилавшие небосвод. Это теперь, ослепнув, я не знаю ни дня, ни ночи. Только слышу, как ворчит река, перекатывая круглые камни, как летит ветер над равниной, и чувствую, как пляшут языки пламени в костре.

Да, когда-то я видела солнце, а людей боялась. Холодно, неудобно жилось мне на белом свете. Хотели меня отдать в жёны старику, от которого

пахло кислой овчиной. Было ему под семьдесят, а мне в ту пору только-только исполнилось шестнадцать.

Приехал с гор молодой охотник, бросавший на меня украдкой взгляды. Бежала я тогда с ним, оставив всё — и дом родной, и злую мать, после смерти отца нещадно колотившую моих младших сестрёнок, и берег реки, где любила сидеть, поджав колени, вглядываясь в прозрачную воду.

Скрылись мы с моим джигитом, ставшим мне мужем, в дальних степях, соорудили наспех глиняный домик и прожили так годы...

Дни наши проходили в тоске. Мужу ночами снились горы и кони. Я мечтала о сыне, которого не давал Аллах. Вот и пришлось нам вернуться в родной аул. Нас не простили. Мужа лишили жизни какие-то люди. Я видела их ослеплённые злобой белые глаза, но не знала их имён. Один из них бросил мне в лицо горсть раскалённых углей, и я перестала видеть солнце, только ощущала его ласковые прикосновения.

Целыми днями сидела я у старого иссохшего мазара, и даже нищие жалели меня — бросали кусок лепёшки и курт. В лохмотья превратилась моя одежда. Мать моя приходила лишь за тем, чтобы бросить мне в лицо страшные слова проклятий. Родичи осуждали. Смеялись надо мной даже дети, проходившие мимо.

Но судьбе было угодно смиростивиться надо мной. Недаром в моём народе говорят: "Судьба, закрывая на засов двери счастья, всё же оставляет открытой форточку". И увёз меня в свою бедную юрту со скудным убранством немногословный суровый пастух, у которого не было своего скота, чтобы уплатить калым за жену, способную нарожать ему детишек. С тех пор и научилась я гадать по цвету пламени, цвету, который чувствую пальцами рук. Когда пламя светлое, неметь начинают даже ногти мои. Значит это, что человек, бросивший кусочек бараньего жира в огонь, не держит, не умеет держать зла на людей. Хорошее это предзнаменование. Плохо, когда пламя костра становится тёмным и красным. Пальцы мои начинает скрючивать...

В степи нашей добрых людей больше. Пусть они строги и суровы на вид, как спутник моей незадавшейся жизни, но они справедливы, и это главное...

А пламя святого огня, который так почитали мои предки, для меня как светлое солнечное утро, которого я никогда не увижу...

г. Кокшетау.

Николай ШМИГАЛЁВ

Бирюзовая юрта

Рассказ

Осознав, наконец, бесплодность попыток, он выключил движок и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Слепящие лучи заходящего солнца сквозь лобовое стекло осторожно касались замершего человека, как бы извиняясь за своё неуместное озорство, повлёкшее за собой такую неприятность.

Покрытый слоем пыли, подуставший в долгом пути, но державшийся молодцом внедорожник с яркой наклейкой “БРОДЯГА” на лобовом стекле, погрузившись всеми колёсами в солончаковый капкан, притих посреди изнывающей от скуки степи. Тёплый ветер, догоняя ласточек, взъерошивал зелёную шевелюру травы, в бездонной синеве неба кружил одинокий орёл. Любопытный суслик, выскочив из норки, подозрительно оглядел замолкшего железного монстра и, прочесав беспокойным взглядом небосвод, стремительно скрылся в прохладной темноте своего жилища.

Тишина.

Чтобы как-то развлечь себя и степь, человек вставил в магнитолу кассету и включил музыку. Из динамиков сквозь открытые окна салона наружу хлынули пророческие баллады Виктора Цоя, рассказывавшего про двухтысячелетнюю войну, войну без особых причин. Ему нравились эти песни: стихи, дававшие пищу для размышления, и бодрящие басы пробуждали в нём романтическое настроение. Он забарабанил по штурвалу в такт музыке. Недовольные морщины, собравшиеся было на переносице, разгладились. Степь же, казалось, наоборот, напрыглась, прислушиваясь к новым звукам.

А песня лилась, заполняя простор:

*Красная, красная кровь.
Через час уже просто земля.
Через два на ней цветы и трава.
Через три она снова жива —
и согрета лучами звезды по имени Солнце.*

Хозяин “Бродяги” закурил. Осматривая окружавшую его местность, он думал над сложившейся ситуацией. Сигаретный дым вальяжно переваливался через ветровое стекло наружу, где безжалостно разрывался на куски рыскавшим около ветром — степь не любила запахи дыма.

В общем-то, прикидывал парень, окончательно успокоившись, ничего страшного не случилось. До аула, куда он направлялся навестить деда, вёрст ещё, наверное, двадцать пять осталось, может, немногим больше. Ночь можно перекантоваться в машине, а с первыми лучами махнуть напрямик в аул, откуда был родом его отец и куда в детстве по этой дороге возили его родители погостить на лето к старикам. Да, с той поры многое изменилось, и даже здесь, в глуши. Степь прошла чёрной нитью новая автомагистраль, соединившая несколько сёл и городов, от которой ручейком отделилась асфальтированная дорога, связавшая

затерявшийся в степи аул с “Большой землёй”. А этот путь со временем забыли, и он, словно рубец на теле батыра, затягивался, покрываясь местами уже буйною степною травой. Это-то, да слепящая звезда по имени Солнце, и сыграли с ним глупую шутку, заманив в западню. Всё-таки зря он послушал Виктора, романтики, видите ли, захотелось, вспомнить дорогу из детства. Пусть этот путь на полсотни вёрст короче нового, но и на столько же менее комфортен. А что-то, но комфорт и удобства он ценил. Да и как иначе. Рождённый в мегаполисе, с детства познав прелести городской жизни, росший словно огурец в теплице, в благоустроенной квартире в престижном микрорайоне, он всегда удивлялся сельскому простецкому быту, окружавшему его в ауле деда. Правда, отсутствие удобств там ему с лихвой компенсировалось достаточно широкими правами и свободами. Когда родители уезжали, строго-на-строго наказав старикам соблюдать установленный ими для сынули распорядок дня, начинались полноценные каникулы. Дед разрешал ему спать вместе с ним на тахте под яблоней, целыми днями играть с соседской детворой, купаться на речке до стука зубов, а самое главное, приходиться на обед в любое удобное ему, а не его матери, время. И всегда его ждали горячие баурсаки, жирный обжигающий бешбармак и горка свежих фруктов и овощей, лежавших на большом подносе, посреди дастархана, а не измельчённых в стружку в вычурных маминых салатиках.

А по вечерам, перед сном, когда бабушка садилась прясть пряжу, дед выходил с ним в сад, усаживался на тахту и заводил свои неиссякаемые истории: про степных стражей, знавших язык животных, мудрого старца — хранителя древних тайн, бойких неунывающих странников, выходящих сухими из разных переделок. Но больше всего он любил слушать легенды про хозяина необыкновенной юрты, войлок которой был вымочен в водах Великого озера и отливал на солнце глубокой, словно пучина, синевой, решётка-кереге инкрустирована бирюзой, а уйки и шанырак покрыты золотой глазурью. Каждый раз истории были разные: то к хозяину приходили хитрецы, пытавшиеся обманом заполучить его жилище, и как находчивый джигит оставлял их в дураках, то свирепые враги налетали на его стойбище, и бесстрашный батыр с товарищами давал им достойный отпор, сберегая свой очаг, или про то, как торговались с ним чужеземные купцы, предлагая заморские диковины и сокровища в обмен на неё, но также получавших отказ, потому как юрта переходила от отца к сыну в наследство и была хозяину дороже всех богатств. Были в этих историях и ужасные айдахары, и глупые дивы, и прекрасные пэри, и летающие тулпары... Затаив дыхание, он слушал дедовские байки и, засыпая, продолжал видеть в снах бирюзовую юрту.

Кассета доиграла, и вновь округу залила вязкая сонная тишина. Открыв дверь, он выскользнул из автомобиля и, слегка проваливаясь, вышел на твёрдую землю. “Бродяга” беспомощно лежал на оцинкованном брюхе. В квадратных фарах отражались последние лучи уходящего за горизонт светила. В наступающих сумерках джип походил на увязшего в глине гигантского жука, казавшегося действительно беззащитным и одиноким, что его хозяину самому стало немного тоскливо. Вдруг за спиной раздался нарастающий топот. Кто-то мчался к нему. Сделав резкий прыжок с разворотом, парень встал в боевую стойку. Юркий тушканчик, увидев

перед собой человека, шарахнулся в сторону и, набирая обороты, скрылся в надвигавшейся темноте. Сплюнув с досады, незадачливый путешественник вернулся в машину и закрыл окна. В висках стучала разогнанная адреналином кровь. Перевернув кассету, он включил музыку и, убавив громкость, вновь закурил. Виктор запел про группу крови на рукаве и про то, как бы не остаться в этой траве. “Угу, — подумал парень, делая очередную затяжку, — среди этих бешеных тушканчиков. Кто бы мог подумать, что наши “кенгурята” так громко топают своими лапками”. Он улыбнулся своим мыслям.

Степь просто подшучивала над ним.

Докулив сигарету, он решил подкрепиться. Достав с заднего сиденья свёрток с бутербродами и термос с зелёным чаем, он не спеша (вся ночь впереди!) принялся расправляться с незатейливым ужином.

Степь окончательно укрылась тёмным мерцающим пледом. Тонкая светлая полоса на западе лишь подчёркивала мглу безлунной летней ночи.

Хорошо бы найти в ауле трактор, — думал он, разглядывая через лобовое стекло звёздное небо. — Гм, а ведь в городе звёзд не видно, — сделал он, наконец, для себя вывод, попутно припоминая, смотрел ли он вообще в городе на ночное небо. Там, в другом мире, где рестораны, ночные клубы, сияющие неонов рекламные щиты, ему, кажется, некогда было тратить время на подобные безделицы. Днём работа: поездки, встречи, переговоры, офис. А ночью? Ночью активный отдых: поездки, встречи, но уже в более непринуждённой обстановке. Да, точно, на той “планете” он не видел этих звёзд. А это небо, этот бесконечный Млечный путь, падающие звёзды из его далёкого детства, в котором были дедовские сказки, была бирюзовая юрта...

Недалеко от “Бродяги” внезапно крикнула пролетающая во тьме птица, заставив встрепенуться человека от неожиданности. Тыфу ты! — рассердился он на неугомонную дичь.

Степь не оставляла его в покое.

Его неизменный в поездках спутник закончил петь, и магнитола автоматически высунула кассету. Таинственная степь обступила своими еле слышными шорохами затихшую машину, с интересом разглядывая сквозь тёмные стёкла одинокого путника, составившего ей компанию этой ночью.

Когда не стало бабушки, отец предложил деду переехать в город и жить у них, но старик наотрез отказался променять степное раздолье на железобетонный муравейник. Внуку же он сказал, мол, степь будет скучать по нему не меньше, чем он по ней, потому как она, много повидавшая на своём веку, искусный мудрый сказитель, а он есть её верный ученик и внимательный слушатель, и напомнил про истории, якобы рассказанные ему этим необъятным мудрецом. Тогда ему показались дедовы слова, мягко говоря, странными, но он объяснил себе это пережитым аксакалом горем. А нынче ему было стыдно и немножко не по себе от пришедшего на ум. В этой прохладной мгле ему и впрямь верилось, что степь живое, мало того, мыслящее существо. И так это живо представилось, что парень прикрыл веки, дабы не встретиться со строгим взглядом вот-вот готовых прильнуть из тьмы к лобовому стеклу пока что невидимых, но всевидящих огромных глаз.

Тихий стук, а затем испуганное шуршание отогнали дремоту. Пыльный шар перекаати-поля, врезавшись в дверцу, силился обогнуть препятствие, но, застряв около колеса, мог лишь по-мышьиному скрестись о кузов. Оглядевшись по сторонам, парень увидел в окне со стороны пассажирского кресла мерцающую искру костра. В той стороне находился большой курган, так что возможно это пастухи, пасшие отару за холмом (потому-то днём их и не заметил), на ночь развели на его вершине огонь. Ртутный столбик настроения пополз вверх. До кургана примерно не более километра, можно запросто прогуляться к ним и до рассвета скоротать время с чабанами. Решено. Накинув ветровку, он направился в сторону кургана. Поднявшись на холм, парень приблизился к костру, вокруг которого сидело несколько мужчин, собрался было поприветствовать их, как один из сидевших жестом остановил его и также молча указал на свободное у костра место. Приняв приглашение, парень опустился на траву и стал рассматривать неразговорчивую компанию. Мужчин было семеро и на пастухов они явно не смахивали. Суровые лица с задубевшей на вольном ветру кожей обрамляли чёрные, лоснящиеся в свете костра, бороды, у некоторых блестели в ушах золотые серьги-подвески. На головах одних были надеты остроконечные шлемы, венчавшиеся кисточками конских волос, на других были остроконечные высокие колпаки из плотного войлока и кожи, третьи были увенчаны округлыми шлемами, с которых свисала, покоясь на широких плечах, кольчужная сеть. Воины были облачены кто в кожаные куртки с нашитыми на них стальными пластинами, кто в кольчуги, надетые поверх шерстяных рубах. Кожаные штаны были заправлены в сапоги, также обшитые узорными бляшками. На поясах висели кинжалы, ножи с костяными рукоятками, а рядом с хозяевами покоились колчаны-саадаки с луком и стрелами, на коленях дремали в ножнах сабли. И у каждого поверх доспехов висели на шее на тонких кожаных ремешках искусно изготовленные амулеты — фигурки животных: олень, волк, архар, тигр, верблюд, конь и сайгак. Своё присутствие в кругу молчаливых батыров парень счёл вполне естественным, не было удивления, всё казалось закономерным. Ему было тепло в этой необычной компании — и только. Всё же где-то в глубинах сознания всколыхнулось смутное ощущение нереальности происходящего и временного несоответствия, но стало вытесняться вспыхивавшими в голове словами: “А знаешь ты, что это — время? — вопрошал голос. — Спираль незримая иль круг? Что было прежде? Дерево? Семя? Что есть Оно? Ответь, мой друг. В чём растворяются эпохи, где канули Миры и Веры? Как режут явь мгновенья-крохи, какая есть начало Эры? То вспять идёт, когда вы мчитесь, — голос, словно шум прибоя, то стихал, то усиливался, — и замирает у черты, то вы за временем влачитесь, одолевая как версты секунды томных ожиданий, час неги мигом обернёт, и снова, нехотя вперёд, польётся Летой, сколько знаний туманной скрыло пеленой и явного сколь стало тайной... Оно ничтожно иль бескрайно?! Оно за или пред тобой? Мой друг, Оно играет вами, решает многое за вас. Родник секунд?! Эпох цунами?! Никто не ведает сей Час”.

Глубокий убаюкивающий голос и языки жёлтого костра испарили все беспокойные мысли. Словно сквозь закрытую дверь он уловил, как еле слышно всхрапнула лошадь, звякнула сбруя, глухим эхом ответила другая

лошадь, заржала третья. Вокруг засновали тени людей — кто-то, спешившись, вёл под уздцы коня, кто-то вихрем пронёсся верхом, силуэты мелькали на фоне звёздного неба. Скрип арбы, топот, лязг металла, треск поленьев в костре — звуки нарастали снежным комом — дверь открывалась. Взглянув на часы, он заворожённо уставился на циферблат — стрелки, повернув вспять, неслись по кругу словно наперегонки.

Внезапно звуки оборвались, тени замерли. Батыры, сидевшие у костра, поднялись и расступились. Парень тоже поднялся посмотреть, что произошло, и увидел, как в освещённый костром круг вошёл старец в белом, расшитом золотыми узорами халате и колпаке, с длинной, доходящей до пояса белой как снег бородой. Аксакал опустился на кошму и, опять же не проронив ни слова, взмахом руки пригласил всех последовать его примеру. Старец обвёл взглядом присутствующих и остановился на госте. Под строгим и мудрым взглядом бездонных глаз парень почувствовал себя неуютно, постарался отвести взгляд, но не смог. Аксакал овладел его сознанием, вошёл в его мысли.

Он не заметил, как в руках у старца оказался кобыз и понял только тогда, когда его ушей коснулись первые звуки необыкновенной мелодии. С каждым новым звуком фигуры сидевших рядом воинов стали расплываться, превращаясь в размытые разноцветные пятна. Он почувствовал лёгкость в теле.

Когда к нему вернулось сознание, он увидел далеко внизу зелёную степь, по которой величаво плыла орлиная тень. Он понял, чья это тень. Он наслаждался полётом. В орлином обличье он кружил над родной землёй и зоркий глаз высматривал картины степной жизни. С высоты орлиного полёта он зрил переселение народов, как кочевали племена, сходились в битвах межусобных, как зарождались города, как кровью потчует царица чело персидского царя, как легионы Искандера поработить пытались степь — он совершал очередной виток над землёю предков и видел иные события — цепочки бесконечных караванов, текущих по Великому пути, безжалостное войско Тэмуджина со степью сравнивало города, вот армии железного эмира копытами коней терзают степь — с каждым витком он словно перелистывал страницы исторической летописи, от увиденного захватывало дух — джунгарские набеги, битвы, войны, батыры бьются, неприятеля теснят — эпохи великих побед и страшных поражений проплывали под крылом, он наблюдал рождение великих людей и исчезновение с лица земли великих народов, на его глазах возводились мавзолеи и рассыпались в прах цитадели, пересыхали озёра и росли курганы, менялись границы государства, крепили и разрушались союзы с соседями, изменялся облик страны — с каждым витком он поднимался всё выше и выше, горизонт расширялся, а степь укрывалась дымкой белых облаков...

Тёплый ливень заставил его очнуться и открыть глаза.

Сидел он посреди кургана и в недоумении осматривал землю вокруг себя. Отсутствие следов костра, нетронутый вокруг ковыль указывали на то, что всё ему приснилось. А если это был лишь сон, то как он очутился на холме? Поднявшись на ноги, подставил он лицо струям дождя, сгоняя остатки сна и, ощутив вдрог тяжёсть в кулаке, раскрыл ладонь. Его взору предстала выточенная из камня фигурка степного орла с просверлённым отверстием в одном из крыльев, в котором был продет шнурок. Вспомнив о

подобных амулетах у воинов, улыбнулся и, надев на шею их подарок, оглянулся он по сторонам. Небосвод освобождая, на запад спешили тучи, уводя за собой покорный их воле ливень. Умытая степь заискрилась в лучах вырвавшегося из облачного плена солнца. Он смотрел на искрящийся пёстрый ковёр и чувствовал, как сердце наполняется любовью. Вновь скрылось солнце за отставшим от собратьев облаком, заставив потускнеть на луговой траве драгоценные камни, но оно сейчас сдаваться и не собиралось, помедлило, сил набирая, и прыснуло вдруг из-за тучи во все стороны золотыми жаркими лучами. Очарованный удивенной красотой, он осознал, что наконец увидел то, о чём рассказывал ему когда-то дед. Вот она! На вершине таинственного кургана он стоял посреди той самой бирюзовой юрты.

Спускаясь с кургана, он заметил, что возле “Бродяги” кружит всадник. Заметив его, всадник пустил коня навстречу. Это был его дед, и парень этому почти не удивился.

— Ассалаумагалейкум, ата! — поприветствовал он подъехавшего старика. — Вы как узнали, что я здесь?

— Салем! — ответил аксакал, объехал вокруг внука и остановил лошадь. — Степь нашептала, — улыбнулся старик и, заметив как подозрительно прищурился внук, поспешно добавил: — Мать звонила, сказала, что ты едешь, вот я и подумал... Сынок, ты чего такой задумчивый? Случилось что?

— Ата, ты не поверишь?

— Поверю, ещё как поверю, — хитро переглянувшись со степью, аксакал освободил стремя, приглашая внука взобраться на коня. — По дороге расскажешь, надо ещё кого-нибудь попросить машину помочь вызволить, как ты её бедную загнал.

Выехав на дорогу, дед и внук поскакали в аул. Над ними в бирюзовом небе парил величественный орёл, степь смотрела вслед людям. Она знала, что они ещё вернутся, и не только за машиной. Ведь ей ещё о многом нужно рассказать.

пос. Акмол

Целиноградского района

Акмолинской области.

Марат КУЛАТАЕВ

Сельские истории

Согым

Стояла суровая зима. Хотя был ещё декабрь, снега навалило как никогда. В деревнях полным ходом шёл зимний забой скота, попросту говоря — согыма. Сабыр на зиму зарезал бычка, но необходимо было ещё хотя бы четверть лошади. Муж старшей сестры Сайлау договорился в ближайшем совхозе на покупку четверти лошади. Время было тяжёлое в плане спиртного — полным ходом шла горбачёвская безалкогольная кампания, и хозяева лошади попросили вместо денег привезти ящик водки. Сабыр работал санитарным врачом в районной санэпидстанции, поэтому приобрести ящик водки для него проблемой не было.

В один из дней он попросил Сайлау свозить его в ближайший совхоз “Восход” — за водкой. Подъехав к совхозному магазину, он по огромной очереди около него понял, что приехал не зря. Но вот как войти в магазин и вынести оттуда ящик водки — очередь любителей спиртного могла просто-напросто растерзать.

— Да, — сказал Сабыр, показывая пальцем на толпу возле магазина, — что будем делать?

— Будем покупать, — ответил Сайлау, — зря, что ли, приехали?

— А как?

— Пойди поговори с продавцом, — предложил Сайлау.

Делать нечего, и Сабыр зашёл в магазин. Очередь подозрительно уставилась на него, смутно догадываясь о цели его прихода, мол, самим мало. Сабыр пробрался к прилавку, продавщица его сразу узнала и заулыбалась, забыв про очередь, показывая свои золотые фиксы.

— Сабыр Советович, здравствуйте, как вы сюда попали?

— Да вот приехал по делам к директору совхоза, дай, думаю, загляну в магазин, — стал сочинять Сабыр.

— Может, вам что-то нужно? — запела продавщица, вспомнив, как он однажды хотел наложить на неё штраф.

**Марат
Тулегенович
КУЛАТАЕВ**

родился 4 марта 1960 года в селе Полудино Булаевского района Северо-Казахстанской области. В райцентре Тимирязево той же области в 1977 году окончил среднюю школу и поступил в Карагандинский государственный медицинский институт на санитарно-гигиенический факультет. С 1983 года трудился в санитарно-эпидемиологической службе Северо-Казахстанской области, с 1998 года живёт и работает в г. Таразе.

Писать начал в 2005 году.

В “Ниве” выступает впервые.

— Да вот собрался резать лошадь, если можно, — взял бы ящик водки.

— Какие проблемы, — отозвалась продавщица. Сабыр не успел и глазом моргнуть, как она схватила ящик водки и бегом оттащила в машину, на глазах у обезумевшей от такой наглости очереди. Пока толпа не успела прийти в себя, Сабыр быстро расплатился, запрыгнул в машину и был таков.

По дороге зять всё время поглядывал на водку, пытаясь что-то сказать, но никак не решался. Сабыр его опередил: давай, мол, заедем ко мне домой и попробуем водочку. Сайлау не нужно было долго уговаривать, и уже через двадцать минут они весело сидели за столом. Как хорошо было после сорокаградусного мороза сидеть в натопленной комнате и пить холодную водку, закусывая луком и салом. Выпили одну бутылку. Сайлау и говорит:

— Что-то я не понял вкуса.

А у Сабыра от выпитого уже “поехала крыша”.

— Сайлау, ты никуда не торопишься?

— Нет, а что?

— Я тоже никуда не тороплюсь, — сказал Сабыр.

— А, ладно, гулять так гулять — давай доставай ещё одну.

Утром Сабыр не помнил, как выпили вторую бутылку, куда делся зять и когда он сам лёг в постель. Судя по далеко не доброжелательным взглядам жены, он понял, что вчера что-то натворил. Ещё вдобавок страшно трещала голова. Видать, водка плохая была, подумал Сабыр.

— Далеко пойдёшь, если так жрать будешь, — укоризненно сказала ему жена Айман вместо “доброе утро”. — Вчера прибежала твоя сестра, орала, что ты её мужа спаиваешь.

— А я что делал?

— Ты её вместе с Сайлау посылал далеко за пределы района. Твой зять так нажрался, что машину не смог вести, — продолжала Айман.

Сабыр выглянул на улицу — и точно, “уазик” сиротливо стоял у ворот.

— Хорошо хоть у Сайлау хватило ума слить воду из радиатора, — сказал Сабыр.

— Это твоя сестра слила воду, он был не в состоянии, — пояснила жена.

Была суббота, и следовало ехать в Москворецкий совхоз резать лошадь. Там, наверное, уже ждут, не нас, а водку, — подумал Сабыр. И зачем нужно было вчера нажираться? Теперь пропала четверть лошади. Размышления Сабыра прервал Сайлау, заявившийся с утра пораньше. Лицо его, которое точнее следовало назвать мордой, было опухшим и расцарапанным. Видать, постаралась сестра, — сделал про себя вывод Сабыр. Делая вид, что ничего не случилось, Сабыр спросил Сайлау:

— Ты не забыл, что нам нужно ехать за согымом?

— Помню, — угрюмо кивнул Сайлау. — Давай лучше заведём машину, а то на улице под сорок.

Сайлау заправил паяльную лампу, разжёл её и поставил под поддон автомобиля.

— Может, похмелимся? — предложил Сабыр.

— Ну её к чёрту, нам ещё ехать, — отказался Сайлау. — Лучше вскипяти воду для машины.

Сабыр набрал ведро воды, вставил в него самодельный двухкиловаттный кипятильник, и вода быстро нагрелась. Завели машину, залили горячую воду в радиатор, загрузили оставшуюся водку и поехали в совхоз. Жена напутствовала словами: “Смотри не нажирайся, а то домой не пущу”.

Было уже около двенадцати часов пополудни. По дороге заехали на заправку и залили полный бак бензина. До совхоза было двадцать километров. Стоял сильный мороз, к тому же мела позёмка. Дорогу, наверное, давно не чистили, движение было редкое, поэтому ехали на ощупь. Временами машина пробуксовывала в снежных наносах. Сабыр про себя молил бога, чтобы нормально доехать, ему было уже не до согыма. От волнения перестала болеть голова.

После почти часовой езды внезапно показался посёлок. Обрадовались не только Сабыр с Сайлау, но и машина — “уазик”, весело завывая, подъехал к нужному дому.

Для забоя лошади было всё готово, резчики пришли с утра, для мытья кишок стояли наготове соседские женщины. При виде подъехавших все обрадовались, особый восторг вызвал ящик водки, который Сайлау потащил в дом. Его проводили восторженными взглядами.

Решили не тянуть время, быстро завалили лошадь, перерезали ей горло, затем сделали разрез на брюшине, чтобы проверить по обычаю жирность лошади. Оказалось на три пальца. После этого можно было позволить себе выпить по рюмке, что и сделали. Дальше дело пошло веселей, сняли шкуру, вытащили кишечник, отдали женщинам для мытья. Сабыр пошёл в дом помогать резать мясо на куырдак. В доме, как он заметил, пьянка шла уже полным ходом, пили все мужики и женщины, промывавшие кишки.

“Если так будет продолжаться, то водки не хватит на куырдак, и мясо некому будет делить, — сделал вывод Сабыр, — эти пьют похлеще нас с зятьком”.

Помня, какая предстоит обратная дорога и наставления жены, Сабыр много не пил. Зато, как он и предполагал, все перепились до такой степени, что некому было есть куырдак. На кровати, под кроватью валялись вповалку мужики и женщины. Мясо — не разделанное — лежало в снегу на дворе. Сайлау тоже пил мало, предвидя исход дела. Он отделил четверть лошади, засунул в заготовленные заранее мешки и закинул в машину.

— Здесь больше делать нечего, — сказал он, обращаясь к Сабыру. — Поехали домой, пока светло.

К Сабыру приехали рано, причём почти трезвыми, чему Айман очень удивилась. Сабыр предложил Сайлау попробовать согым дома. Его жена стала готовить куырдак. Тем временем Сабыр позвонил своему однокласснику Володе и пригласил его в гости. Тот не стал долго себя упраскивать и через полчаса появился. Пока жарился куырдак, Сайлау смотался за своей женой Розой. Когда мясо было готово, все дружно сели за стол. Пили за согым, за здоровье, за достаток в доме. Когда опустела чаша с куырдаком, все были хороши, особенно Володя. Судя по его осоловелым взглядам, он не мог понять, как попал сюда. Еле ворочая языком и сославшись на занятость, он собрался домой. Сабыр помог ему одеться, закрыл за ним дверь. Минут через десять Володя вернулся, оказывается, он дошёл до ворот, а дальше от выпитого забыл дорогу домой. Сабыр его раздел и положил на кровать поспать.

Сайлау с Розой тоже собрались ехать домой, пока было светло. На этот раз жену он никуда не посылал.

В воскресенье, проснувшись рано утром, Сабыр обнаружил, что Володя, проспавшись, ушёл домой. Ну и хорошо, подумал он, тем более, он позвал на свой согым. Управившись по хозяйству, Сабыр ещё немного полежал, а ближе к обеду отправился к Володе. Тот успел уже зарезать свинью и варил бешбармак. Тесто раскатывал сам.

— Слушай, Вовка, — спросил его Сабыр, — а разве из свинины бывает бешбармак?

— А какая разница из чего, — просто ответил тот. Он деловито вытащил тесто, сверху разложил куски свинины в большой чашке и подал на стол. За стол сели его отец, брат, Сабыр и Володя. Мясо разрезал его отец, Вовка разливал водку. Вначале Сабыр недоверчиво принимался к мясу, а после двух рюмок ему было уже всё равно, он ел мясо с тестом всей пятернёй.

У него лишь временами мелькала мысль: главное — не забыть дорогу домой. И ещё он подумал, если кому рассказать, какой он ел бешбармак, никто не поверит.

Афиноген

Афиноген проснулся как всегда поздно. Сильно болела голова после вчерашней попойки.

— Валька! — крикнул он. В ответ — тишина. Только слышно, как жужжит в окне муха.

— Валька, твою мать!.. — рявкнул он.

— Что, мать твою перемать, тебе надо? — послышалось со двора.

— Принеси браги похмелиться!

— А этого ты не видел? — и она показала ему фигу, — тебе на работу нужно, а ты с утра жрать собрался!

— Сегодня какой день?

— С утра среда.

— Так бы сразу и сказала, а то собачишься.

Афиноген, ругаясь и крихтя, держась за больную голову, встал с кровати и головой упёрся в потолок. Дом, в котором он жил с женой Валькой и пятью детьми, был для него маловат. Афиноген ростом метр девяносто с лишним, но в голове у него была, судя по той жизни, которую он вёл, одна извилина, да и та прямая, плюс ко всему в молодости он служил в десантных войсках и при прыжках с парашютом, наверное, часто приземлялся не на ноги, а головой. Жена его Валька ростом была ему ровно по пояс. Каждый год рожала детей. Она курила “Беломор” и была ужасная сквернословница, без матов не могла говорить. Валька работала в больнице санитаркой на пищеблоке. Каждый день таскала оттуда помои для свиней. Один раз не поделила помои со своей коллегой, между ними вспыхнула ссора, перешедшая в жестокую драку, разнимать их прибежал сам главный врач райбольницы Владимир Михайлович. Как потом с гордостью рассказывал Афиноген, Валька навтыкала той... Вальку не уволили, только пожалев её детей.

Афиноген работал водителем в районной санэпидстанции. Легче у него было спросить, где он не работал. Несмотря на то что у него были золотые руки — он мог починить машину, телевизор, магнитофон, любую радиоаппаратуру за бутылку водки, его отовсюду выгоняли из-за постоянных пьянок, переходящих в запои, причём он пил вместе с Валькой. Айдар у него как-то спросил:

“Афиноген, зачем тебе столько детей, при твоей казацкой жизни ты им ума не дашь”, — на что тот ответил: “Дети — это хорошо”. Вообще у него всё было хорошо. Если получал зарплату, то говорил: “Деньги — это хорошо”. По жизни у него тоже всё было хорошо, никаких проблем. Если бы даже крыша дома упала ему на голову, для него тоже было бы хорошо.

Дом, если его можно было назвать домом, в котором жил Афиноген, стоял на крайней улице, возле озера. Наверное, с момента постройки его никто не ремонтировал, рядом с Афиногеном он напоминал шалаш из картины “Ленин возле шалаша в Разливе”. Только шалаш из картины никуда не накренился, что нельзя было сказать про Афиногенов дом. Было ощущение, что он вот-вот упадёт набок. Сарай представлял из себя тоже жалкое зрелище, напоминал коровник колхоза периода коллективизации. В стенах зияли большие дыры, на крыше торчали остатки шифера. Зато свиньям, из-за которых пришлось повоевать Вальке, жилось вольготно. Из-за отсутствия забора они свободно гуляли по улице как по Бродвею, заходя в любые дворы пообщаться. Куры и утки тоже были свободными птицами, разгуливали где хотели. Всю эту бродячую живность знали на улице, она порядком поднадоела, особенно соседям. Те одно время пытались вразумить хозяев, но потом махнули рукой, как говорится в пословице, каковы сами — таковы и сани, поскольку хозяева и их дети вели такой же бродячий образ жизни, как и вся их живность.

Афиноген, выйдя на крыльцо, точнее, то, что осталось от крыльца, обомлел. Он не поверил своим глазам, даже протёр их — у его “уазика” было разбито лобовое стекло. Афиноген, несмотря на большую голову, помнил, что вчера заехал во двор с целым стеклом.

— Валька, твою мать! — взревел он, — кто разбил стекло?

— Какое стекло? — сделала она удивлённое лицо и на всякий случай отошла на безопасное расстояние.

— Как какое! — у Афиногена от злости не хватало слов из его и без того скудного лексикона. Он показывал пальцем на разбитое стекло, при этом открывал рот, как рыба, выброшенная на берег, только рыба не могла так материться, как это делал в гневе Афиноген.

— Это я вчера камнем разбила, — спокойно ответила Валька, уперев руки в бока и держа во рту папиросу.

— Как ты? — у Афиногена от злости пропал дар речи.

— А зачем ты вчера материл меня и поставил фингал под глазом? Вот я со злости и разбила стекло.

Афиноген, приглядевшись, увидел у Вальки под глазом фонарь. Гнев его пошёл на убыль, он совершенно не помнил вчерашний день.

Валька, видя положительный оборот дела, предложила ему чаю, чем вызвала прилив его ослабевающего гнева.

— Какого чаю, твою мать, меня сейчас Тулегеныч с работы выгонит, а ты чай, сволочь этакая!

— Я сама пойду к нему и попрошу прощения за стекло, — предложила она свои услуги.

— Да пошла ты... — только и смог сказать Афиноген.

Делать нечего. Афиноген оделся, завёл машину и выехал со двора, благо ворот не было, и покатил на работу. Подъехав к санэпидстанции, он зашёл в гараж. Машина главного врача — тоже “УАЗ-469”, только салатного цвета, стояла в гараже, в ней ковырялся Генка, возивший Айдара. Увидев Афиногена, Генка обратился к нему:

— Афиноген, тебя искал шеф.

— А зачем, не знаешь? — испуганно спросил он.

— В совхоз нужно везти врачей, а тебя нет.

— Слушай, Генка, выручай, у меня Валька, чтоб ей пусто было, разбила лобовое стекло.

— Да! — присвистнул Генка, увидев разбитое стекло, — что теперь будешь делать?

— А у тебя случаев нету?

— Афиноген, ты же знаешь — это дефицит, иди честно скажи шефу, он добрый, что-нибудь придумает.

Делать нечего, была не была, и Афиноген уныло побрёл в кабинет главного врача. В приёмной к нему обратилась секретарша Люба, глядя на его печальный вид:

— Афиноген, что ты такой убитый, как будто кого-то похоронил, или Валька отказала?

— А! — махнул тот рукой, — Тулегеныч у себя?

— У себя.

— Как у него настроение?

— Хорошее.

“Сейчас будет плохое”, — подумал Афиноген и зашёл к Айдару в кабинет.

— Здравствуйте, Тулегеныч! — поздоровался он.

Вообще Айдар не мог серьёзно смотреть на Афиногена, он ему напоминал Иванушку-дурачка из одноимённой сказки. Вовремя на работу Афиноген никогда не приходил, на всё у него были причины. Вчера нужно было срочно отправлять бригаду в совхоз на комплексное обследование, а он появился в десять часов. На вопрос — где шлялся, ответил: “Тулегеныч, я в девять часов вышел из дома, почти уже дошёл до работы, как замёрз, потом решил вернуться домой надеть пиджак”. При этом сделал виноватое лицо.

— А ну тебя, — махнул на него рукой Айдар, — у тебя всё не как у людей.

— Афиноген, на этот раз что случилось? — иронично спросил Айдар, глядя на его угрюмый вид.

— Да вот тут такое дело, — начал он мямлить.

— Говори быстрее, мне некогда, в районную администрацию нужно ехать.

— Да Валька, сволочь такая, разбила лобовое стекло, — наконец выпалил он.

— Как разбила? — не понял Айдар.

— Я ей в глаз дал, а она камнем разбила лобовое стекло, — пояснил Афиноген.

— Слушай, что мне прикажешь с тобой делать, а? Я тебе сколько раз говорил: ставь машину в гараж. Вот давай теперь восстанавливай стекло, потом посмотрим, а теперь топай с глаз моих долой.

“Фу, пронесло, — подумал Афиноген, выходя от главного врача, — ну вечером я Вальке второй фонарь поставлю”.

— Слушай, Афиноген, зачем тебе лобовое стекло, сейчас лето, снимите тент — и у тебя будет настоящий джип, как в фильмах про войну показывают, только автомат на шею повесь, — поддел его Генка.

— Да ну тебя, без тебя тошно, ещё и голова болит.

— Нужно похмелиться.

— У меня дома в шифоньере целая фляга браги стоит, Валька на днях поставила, поедем ко мне — вмажем.

Тут вышел Айдар, сел в машину: “Генка, давай срочно в райадминистрацию”. Главу районной администрации по фамилии Колода недавно назначили. Первым делом он решил приобщить население района к культуре,

для этого заставил построить на площади фонтан. Площадь находилась как раз перед окнами райадминистрации. В то время райцентр испытывал острый дефицит воды. В летнюю пору к фонтану сбегался весь бродячий скот, но не для приобщения к культуре, а для житейской надобности — просто попить воды. Видя такое безобразие, Колода посадил охранять фонтан сторожа. Теперь, проезжая мимо фонтана, Айдар наблюдал, как сторож, щёлкая кнутом, отгонял непонятливую скотину, при этом так матерился, что слышно было, наверное, даже в райадминистрации, поминная и фонтан, и коров, и самого главу районной администрации, придумавшего этот фонтан.

Приехав в райадминистрацию, Айдар вначале зашёл к архитектору, к своему куму Ясеню: “Не знаешь, зачем начальство вызывает?”.

— Вроде по саночистке.

— Ладно, я потом к тебе зайду.

Колода отправил Айдара с Ясенем по жалобе на станцию. Пенсионер, проживавший в четырёхквартирном доме, жаловался на соседку, что та мусор вываливает на его территорию. Найдя нужный дом, увидели деда, сидевшего на лавке и курившего трубку.

— Дед, это вы писали жалобу?

Тот утвердительно кивнул.

— А где соседка живёт?

Он показал пальцем на дверь. Ясень стал стучать, но никто не открывал. Тогда Ясень обратился к старику:

— Дед, с кем соседка живёт?

Дед, оказывается, заикался и никак не мог выговорить слово: “С х-х-ха-х-х-ха-лем!”.

То дрова, то свиньи

В один из августовских дней я с водителем решил съездить в лес заготовить немного дров на зиму, а заодно и отдохнуть. У меня был свой грузовик “ГАЗ-52”, и я изредка ездил в ближайший лес за дровами. Водителем у меня работал мой одноклассник Генка Лебедев, это был детина метр девяносто ростом. Любил рыбачить, ходить на охоту. Охотился и рыбачил он во все времена года, был попросту браконьером. Дома у меня никогда не переводилась свежая рыба и дичь. Он частенько отпрашивался у меня пораньше, а утром приносил ведро с карасями. Весной и осенью, когда летела перелётная птица, он с друзьями отстреливал её. Генка в темноте и под хмельком не разбирался, занесена птица в Красную книгу или нет, стрелял, как он шутил, по всему, что летело. Ещё любил Генка выпить, у него дома был самогонный аппарат — и самогон не переводился. Когда я выезжал в командировки в населённые пункты, то я сам не пил — за меня это делал мой водитель Генка, а его легче было убить, чем напоить. Он выпивал за раз по две-три бутылки водки, и к удивлению хозяев, вставал из-за стола, как говорят, ни в одном глазу. Однажды был такой случай. Приехали мы по работе в отдалённое село проверить работу фельдшерско-акушерского пункта. Позвал нас на обед фельдшер домой. Достал четверть самогона. Я всего выпил полстакана, фельдшер осилил стакан, а остальное — к великому изумлению фельдшера — выпил Генка и как ни в чём не бывало встал из-за стола. Фельдшер, оказывается, берёт самогон на день рождения жены, думал, мы выпьем по чуть-чуть и всё, он потом в душе, наверное, каялся, что выставил всё на стол, да поздно было.

Генка был мастером на все руки. Как-то нужно было ехать на совещание в областной центр — до него двести пятьдесят километров, а двигатель на “уазике”, как назло, вечером застучал. Дело было зимой, на улице мороз под сорок градусов. У нас в организации был свой тёплый гараж. Так Генка за ночь снял двигатель, заменил коленвал, а в шесть утра мы уже выехали.

Так вот, утром я вначале заехал на работу, отдал необходимые распоряжения, затем отправился к Генке. Тот уже меня ждал с сумкой, в которой была провизия и пила “Дружба-2”, то есть обычная с двумя ручками. За рулём сидел я, Генка примостился рядом и стал дымить.

— Генка, — спрашиваю я, — у тебя есть хобби?

— А что это такое?

— Хобби — это любимое занятие.

— У меня любимое занятие пить, охотиться, рыбачить и по бабам ходить.

— А ты жене частенько изменяешь?

— А посчитай в неделю несколько раз.

— Скажи, а между женщинами есть разница?

— А они все одинаковые.

— Зачем тогда изменяешь жене?

— А так, от скуки и по пьяни в основном.

— Генка, а ты вообще кого-нибудь любил по-настоящему?

— Только первую жену, и то как женился, прожил с ней только неделю и ушёл от неё, мне свобода дороже. Одно дело любить, а другое — жить вместе.

На этом Генка замолчал и ещё сильнее стал дымить. Видать, я задел его за живое. У Генки была вторая жена, она тоже была в разводе, с двумя детьми. Первый её муж сильно пил, и она его прогнала. С Генкой они жили не расписанные, общих детей у них не было. У Генки от первого брака родилась дочь, но после развода бывшая супруга уехала на Украину, и он их больше не видел и не знал их адреса. Наверное, скучал по ним. А я по незнанию наступил на его больную мозоль.

Показался лес. В первую рощу мы не стали заезжать, минули несколько и заехали на полянку в глубь леса, чтоб нас никто не видел, особенно лесник, так как у меня не было разрешения на заготовку дров.

Как хорошо было в лесу, словно попали в другой мир. И воздух какой-то особенный, и своеобразная, ничем не передаваемая тишина, и пение птиц. В лесу было много грибов. Полянка, где мы остановились, была полна земляники, она уже слегка пожухла, но была не тронута, от неё исходил неповторимый аромат.

Пока я радовался природе, Генка достал сумку, разложил продукты и, конечно, достал литровую бутылку самогону, как он выразился, первача. Мы выпили, я — рюмку, Генка — стакан, на душе сразу стало легко, а мир стал ещё прекраснее. Как хорошо было лечь на спину, на густую траву, и смотреть в небесную высь. В этот миг обо всём забываешь, жизнь кажется каким-то мигом, ненужной суетой. Иногда, оказывается, необходимо остановиться, осмыслить прожитое, жизнь и так коротка.

Пока я лежал и размышлял, Генка побродил по лесу и набрал полный мешок грибов. Красоты леса его не прельщали, он опять разлил самогон, мы выпили. “Ну что, Тулегенч, — обратился он ко мне, беря двуручную пилу, — пойдём пилить, я присмотрел сушняк”. Мы стали пилить сухие деревья, подгоняя по длине кузова, чтобы не видно было по дороге. Так мы

напилили по уровню кузова, сверху накидали сена. Возвращались по грейдеру, перед селом увидели машину гаишников. Пришлось свернуть на просёлочную дорогу и по объездным путям добираться до дому, так как от нас несло самогоном, а гаишники могли и не понять, хорошо, если свои, а то, может, из города командированные. Наши опасения оказались напрасными, мы благополучно доехали до Генкиного дома. Там он сгрузил половину кузова напиленного леса, опять засыпал всё сеном. Затем предложил зайти в дом и попить чайку, но я отказался, помня известное присловье, что чай без водки сукин сын, пить же мне не хотелось.

На следующий день с утра ко мне пришёл мой одноклассник Володя — с просьбой помочь отвезти свиней на сдачу в откормсовхоз, до которого было примерно тридцать километров.

— Вовка, — отвечаю ему, — я на своей машине всё возил, кроме свиней, просто ты мой одноклассник, поэтому я тебе не могу отказать, но только с одним условием: грузить и выгружать будешь сам.

— Хорошо, — согласился он, — кто грузить будет, я уже договорился.

Через полчаса я подрулил к Вовкиному дому, со стороны двора. Оттуда неслись истошный визг и хрюканье на всю улицу. Вовкины грузчики, нанятые им за бутылку, видно, в жизни не только никогда не грузили свиней, а, наверное, их первый раз в глаза видели. Озверевшие животные гонялись за грузчиками по двору. Я не знал этого, и как ни в чём не бывало вошёл во двор. Неожиданно одна разъярённая свинья, лязгая зубами, погналась за мной, хорошо что рядом стояла лестница, прислонённая к сараю, по которой я мгновенно взлетел на крышу сарая, проклиная свиней и Вовку. Помня, как однажды сосед грузил свиней, я стал давать советы с крыши.

— Хватайте их за уши! — кричал я. Но не тут-то было — перепуганные грузчики, отказавшись от бутылки, сочли за лучшее подобру-поздорову исчезнуть.

— Слушай, Вовка! Ты свиней запусти в загон, они тебя знают и не тронут, пусть успокоятся, а потом их как-нибудь, так и быть, загрузим, — подсказал я.

Вовка загнал свиней в загон. Как только они успокоились, я подогнал машину задом вплотную к сараю. Сняли дверь сарая и сделали из них что-то вроде трапа. Дальше было труднее: одно дело давать советы, другое — самому претворять их. Первую свинью было тяжело ловить за уши, тем более, она всё норовила укусить за руку, с ней мы провозились долго. Зато с остальными тремя разделались быстро.

— Ну, Вовка, я из-за тебя согрешил, прикоснулся к нечистому животному. А мне по моей вере нельзя, теперь со мной не рассчитаешься, — заявил я Вовке.

— Ладно, — согласился он, — вот сдадим это свинство, потом обмоем. Загрузив свиней, Вовка накрыл их пологом, чтоб не сбежали.

— Садись в кабину, поехали, — сказал я.

— Ты поезжай, а я следом буду ехать на своей "Ниве".

Я сел в машину.

Как только тронулся, свиньи опять подняли страшный визг, хоть уши затыкай. Чтобы быстрее от них отделаться, я прибавил газу. Как только переехал виадук, вижу в зеркало, как сзади "Нива" моргает фарами. Я остановился, думая, что это Вовка сигнализировал, а оказалось, начальник быткомбината, он был родом из Чимкента. Мы поздоровались.

— Что везёшь, — поинтересовался он, подозрительно глядя на кузов, откуда раздавалось хрюканье.

— Да вот решил свиней сдать.

— Не может быть, — не поверил он.

— Не веришь, можешь посмотреть в кузове.

Но тут подъехал Вовка и рассеял его сомнения.

— А я и вправду поверил, что это твои свиньи, — засмеялся начальник быткомбината.

— Слушай, — предложил я ему, — поехали с нами, а то некому их разгружать, а потом Вовка обмоет.

— Да вы что, — испугался он и чуть ли не бегом заскочил в свою “Ниву”, тут же его и след простыл.

— Вовка, ты куда не исчезай, а то мы твоих свиней и до вечера не доведем, ездай впереди, — попросил я.

Мы благополучно отвезли свиней и сдали в заготконтору. Вечером, когда обмывали удачную сделку, объявились наши общие друзья — Ясень и Сабыр.

— Слушайте, — пошутил я, — как свинство грузить, так вас не найти, а как за стол — так вы тут как тут, у вас нюх, что ли?

— Мы знали, что сегодня Вовка будет сдавать свиней, поэтому и зашли, а насчёт погрузки нам никто ничего не говорил, а то мы пожалуиста, всегда готовы.

— Ладно, — сказал Вовка, — дело сделано, давайте будем пить её, окаянную, — показывая на водку. И я под дружный смех, чуть приукрасив, поведал, как мы ездили сдавать свиней.

Приёмка

В конце месяца Айдар, в молодые годы работавший главным врачом районной санэпидстанции, вместе с районным архитектором Ясением и пожарным Сан Санычем ездил по совхозам принимать построенные объекты. Ясеню было лет тридцать, родом он был из Чимкента. По распределению попал в далёкий северный район. А Сан Саныч уже год был на пенсии, но на отдых, однако, уходить не хотел. По натуре Сан Саныч был очень занудный человек, в районе он всем изрядно надоел. Хотя у него не было высшего образования, ему дали звание подполковника в надежде, что он уйдёт на заслуженный отдых, но не тут-то было — с должностью Сан Саныч расставаться не собирался.

Так вот, все вышеназванные специалисты на “уазике” санэпидстанции направились в совхозы принимать объекты. На дворе ещё стояла советская власть. За рулём находился водитель Айдара по имени Афиноген, здоровый детина, но с разумом младенца. В общем, был со странностями. Как-то раз забыл закрутить переднее колесо, и по дороге оно потерялось. Теперь как только куда выезжали, Айдар всегда у него спрашивал: “Афиноген, ты все колёса закрутил?” — на что получал ответ: “Обижаешь, Тулегеныч, конечно, закрутил”.

Первый совхоз, куда следовало заехать, был “Докучаевский”. Там построили механизированную базу для крупного рогатого скота.

На центральной усадьбе “уазик” остановился возле совхозной конторы. Время близилось к обеду. Директор был по национальности немец,

поэтому его совхоз считался одним из лучших в районе. Улицы все были чистые, на скотобазе навоз вывозился вовремя, скотина всегда была накормлена и ухожена, в общем, куда ни глянь, везде царил порядок.

Директор совхоза Владимир Николаевич был у себя в кабинете, ожидая комиссию. Приветливо поздоровавшись с вошедшими, предложил выпить с дороги холодненького кумыса. Айдар с Ясением с удовольствием осушили по нескольку пиалок. Сан Саныч отказался, сославшись, что данный напиток вызывает у него расстройство желудка.

Владимир Николаевич вызвал прораба, и все направились смотреть новую базу.

Айдару строение понравилось, действительно, таких баз в районе он не видел. В ней всё было механизировано, и подача кормов, и удаление навоза. При необходимости в помещение мог свободно заезжать трактор с тележкой. Напротив, Сан Саныч всё искал, к чему бы придраться. Однажды он попросил шиферу у Владимира Николаевича, чтобы накрыть свой прохудившийся сарай, а тот ему отказал. Теперь эта обида не давала пожарному покоя.

Как-то Айдар заглянул к Сан Санычу домой и поразился увиденному. В доме, наверное, с момента постройки никогда не делался ремонт и не проводилась уборка. Жена Сан Саныча, работавшая бухгалтером в райбольнице, всегда оправдывалась, что муж запрещал что-либо делать в доме: “Не тобой это сделано, ничего не трогай руками”. Айдар про эти странности Сан Саныча слышал, но теперь сам воочию увидел. Снаружи дом был как после бомбёжки, весь обшарпан и даже покосился, казалось, того и гляди упадёт.

Так вот, при входе на базу в тамбуре внимание Сан Саныча привлёк электрощиток. Он долго и внимательно смотрел на него, а затем многозначительно обратился к Владимиру Николаевичу, показывая на щиток:

— У вас неправильно стоит электрощит, будет мимо идти корова и зацепит рогом.

— Позвольте, электрощит находится высоко, у меня коровы не спортивные, если даже и захотят допрыгнуть, у них не получится.

— Нет, у вас неправильно расположен электрощит, — упорствовал Сан Саныч.

— Сан Саныч, бросьте придирааться, если даже корова и допрыгнет, то ничего не случится, электрощит же закрыт, — не выдержал Ясень.

Но Сан Саныч был упрям как осёл и стоял на своём. Владимир Николаевич был по натуре человек властный, он даже с первым секретарём райкома разговаривал на равных, и здесь не выдержал:

— Слушай, Сан Саныч, я тебя сюда не звал, если тебе моя база не нравится, катись из моего совхоза к такой-то матери.

— Я буду жаловаться первому секретарю райкома!

— Да хоть богу или чёрту жалуйся, мне наплевать, — услышал в ответ.

Да, подумал Айдар, встреча испорчена, праздничного обеда не будет. До этого он говорил Ясеню, что этого старого пня не нужно брать с собой, он всю поездку испортит. Но Ясень был воспитан в лучших южных традициях, в уважении к старости и так далее. Теперь придётся не солоно хлебавши ехать дальше.

Сан Саныч после такой отповеди обиженный уселся в “уазик”. Владимир Николаевич пригласил Айдара с Ясением в столовую отобедать. Но

они вежливо отказались, не бросать же Сан Саныча. В душе ругаясь, они вежливо распрощались и выехали из совхоза.

В машине было тихо, все молчали, только Афиноген чему-то весело улыбался.

— Афиноген, ты чему радуешься? — поинтересовался Айдар. — Наверное, вспомнил что-то хорошее?

— Да вот Валька моя три дня назад брагу поставила, сегодня как приеду домой, так и напьюсь.

— А если твоя Валька до твоего приезда сама выпьет, что будешь делать?

— Не выпьет, там целая фляга, — и весело заржал.

— А если всё же выпьет? — не успокаивался Айдар.

— Если выпьет, я ей башку откручу.

— Сан Саныч, какая вас муха укусила, из-за вас обеда лишились, дался вам этот электроцит, — переключился на пожарного Айдар.

— А и сам не знаю, что на меня нашло, — признался Сан Саныч, почёсывая затылок. — Нужно было пообедать, а потом претензии предъявлять.

Через час подъезжали к другому совхозу. Здесь в основном строились жилые дома. Прораба звали Вахит, был он из приезжих, даргинец. Нашли его на стройучастке. Приезд комиссии стал для него неожиданностью, однако на его настроение это не повлияло — прораб гостям по-кавказски был рад. Когда Айдар строил дом, Вахит частенько помогал стройматериалом, никогда не отказывал. Да и у Сан Саныча немало этого добра, взятого на “халяву” у Вахита, лежало и гнило без дела во дворе. Ясень жил в двухэтажке, как пролетариат, поэтому ни у кого ничего не просил и не брал.

В совхозе дома строила бригада приезжих, их привозил Вахит со своей далёкой родины. Вахит повёз комиссию показывать только что построенные новые дома. У одного из них не было передней стены. Как пояснил прораб, два дня назад директор совхоза заселил в него тракториста с семьёй. Вечером тракторист явился домой в сильном подпитии, жена закрыла дверь и сказала ему, мол, топай туда, с кем жрал водку. На все мольбы и клятвы, что это в последний раз, жена была безучастна. Обозлённый механизатор отправился на машинный двор, сел на трактор “Кировец” и протаранил дом. Хорошо что никто не пострадал, сам же виновник этого сейчас сидит в районной кутузке. А жена кается, что не пустила в дом мужа. Теперь осталась без кормильца и без дома. Вот наглядный урок для всех баб, — сделал вывод прораб.

Сан Саныч не был бы пожарным, если бы до чего-нибудь не докопался. Ему в новых домах не понравилась разделка возле дымохода. По норме должна быть 90 x 90, а здесь 80 x 80.

— Ломайте, — приказал он, — а то акт не подпишу.

— Бросьте, Сан Саныч, — вмешался Ясень. Он тоже часто бывал дома у Сан Саныча, у того вообще никакой разделки не было.

— Нет и всё, — упёрся ретивый пожарный. Вахит, чтобы разрядить обстановку, предложил: “Давайте пойдём пообедаем, а разделку мы исправим”. Стол он накрыл в столовой, где питались его земляки-строители. Обед был великолепный, стол ломился от закусок. На горячее были настоящие кавказские шашлыки, в центре стола возвышалась четверть чачи.

Айдар позвал к столу и Афиногена. Тамадой был родственник Вахита. Вместо рюмок использовались гранёные стаканы, тамада наполнял их до краёв. Тост начали с Сан Саныча, после первого стакана он напрочь забыл про разделку. Все захмелели, только Афиноген к великому восхищению тамады пожирал шашлыки, запивая полными стаканами чаи, — и ни в одном глазу.

— Слушай, Афиноген, сколько ты сможешь выпить? — спросил тамада.

— Литр поставите — литр выпью, ведро поставите — ведро выпью, бочку поставите — бочку выпью, — под общий хохот ответил он.

Застолье продолжалось до позднего вечера. Комиссия малость подзабыла, зачем приехала. Вспомнила, что пора домой, когда закончились все запасы чаи. Напомнил Афиноген:

— Тулегеныч, надо ехать, уже темно. А то моя Валька без меня всю брагу выпьет.

Свадьба

Судя по пригласительному билету, свадьба должна была начаться в двадцать ноль-ноль, но не тут-то было. Хотя Аскар, приняв во внимание все нюансы, менталитет, сельскую глубинку, придя в ресторан, где должна была проходить свадьба, в 22.30, глубоко ошибся. Зал был ещё почти пустой, если не считать обслуживающий персонал.

— Я же говорил, что свадьба раньше двенадцати ночи не начнётся, — обращаясь к свояку, с ухмылкой промолвил он. — Тут в деревне свои порядки, это вам не Алматы.

Свояк его Маке приехал из южной столицы специально на свадьбу со своей женой на только что купленном джипе.

— Уважаемый! — вежливо обратился Маке к пробежавшему мимо официанту, — когда начнётся сие мероприятие?

— Не понял, — удивлённо вытаращил глаза официант.

— Свадьба, дурак, — пояснил Аскар.

— А хрен его знает, говорят, ещё сваты не приехали, — зевая, ответил официант.

— Вообще у нас в деревне той раньше часа ночи не начинается, а приглашённые будут идти до утра, народ здесь дикий.

— Оно и видно, — подытожил свояк.

Предыстория свадьбы такова. В одном из сёл, откуда были родом жёны Аскара и Маке, проживал их далёкий родственник, как говорят, седьмая вода на киселе или моему плетню двоюродный племянник. Звали его Молдыбек. Было у него два сына, младший был женат, а старший, Серик, несмотря на то, что ему уже исполнилось тридцать лет, всё ещё ходил в холостяках. И жениться не собирался, что очень огорчало Молдыбека. Серик служил в военном ведомстве в городе Н., неплохо зарекомендовал себя, дослужился уже до майора. Два месяца назад, когда он приехал в отпуск, Молдыбек решил во что бы то ни стало его женить. Невесту он уже подыскал в соседней деревне. Его выбор пал на только что закончившую институт девушку по имени Культай. У Молдыбека были проблемы со вкусом, поэтому он не разглядел, что Культай была немного косоглазой, но это не имело для него никакого принципиального значения. Он действовал по

принципу: с лица воду не пить. Не откладывая дело в долгий ящик, он поручил младшему сыну уговорить Серика украсть Культай. Как только Серик приехал в отпуск, его младший брат Болат позвал пару соседских джигитов, заранее предупреждённых и как бы случайно зашедших поздравить с приездом старшего брата. За выпивкой по этому случаю после пятой рюмки Болат как бы невзначай упрёкнул:

— Серик, ты очень огорчаешь родителей.

— Чем это? — ословело уставился на братишку тот.

— А тем, что до сих пор не женат. Или у тебя с этим какие-то проблемы?

— У меня никаких проблем нет, я, как военный, готов жениться хоть сейчас, — расхрабрился Серик.

— Давай тогда украдём тебе невесту, — предложил Болат, наливая брату шестую рюмку и при этом подмигивая джигитам. Те, видать, забыли, зачем пришли, потому что уж больно охотно налегали на дармовую водку. “Так, — подумал Болат, — пока “жених” и эти ещё не совсем напились, нужно действовать”.

— Так, всё, хватит, едем воровать невесту, потом сразу и обмоем! — решительно заявил Болат.

У Серика и парней от выпитого проснулся небывалый героизм.

— Мы готовы! — заплетающимися языками проговорили они и пошли во двор следом за Болатом.

Тот завёл старенькую “девятку”, запихал в неё “жениха” и двух джигитов и с напутствием отца, мол, там, смотрите, не перепутайте, — выехал со двора. До нужной деревни было примерно двадцать пять километров. Дорога была не ахти, одни колдобины, поэтому Болат ехал тихо. После каждой кочки Болат про себя ругался: “Не мог отец найти невесту по асфальту, что ли?”.

Через час он подъезжал к нужному дому, где проживала родственница Молдыбека, она должна была позвать Культай к себе как будто по делу.

Возле дома Болат заглушил машину, разбудил храпевших “жениха” и парней.

— Эй вы, просыпайтесь, будьте готовы!

— К чему готовы? — Серик и джигиты ошалело глядели на него.

— Невесту воровать!

— А... мы думали, что ты пошутил...

— Думать надо меньше, что я в эту дыру приехал, чтобы машину гробить? — уже не на шутку рассердился Болат. — Только водку жрать можете? Сидите тихо, сейчас я на разведку пойду.

Он вышел из машины, при этом закрыл её, чтобы не сбежали “жених” и “похитители”.

— Навязались на мою шею, — ругался Болат.

В доме за чаем сидели его родственница и Культай. Болат вежливо поздоровался. Увидев Культай, Болат мысленно выругал отца и засомневался: “Не мог, что ли, лучше найти, косая какая-та, а может, это не она?”.

— Тебя зовут Культай?

— Да, — подтвердила девушка и улыбнулась, показав при этом свои кривые зубы.

“Может, она ещё какая-нибудь кривая? — уже серьёзно засомневался Болат, — мне же Серик потом не простит”.

— А у вас в деревне, кроме тебя, ещё девушки по имени Культай нет?
— Нет, а что вы так спрашиваете, как будто кого-то воровать собрались?

— Да так, брата решили женить.

— А брат твой ничего?

— Брат — военный, всё есть: и квартира, и машина, и зарплата хорошая, только жены нет! — и он всё выложил, вплоть до того, что машина с женихом и похитителями стоит возле дома.

— Я согласна! — заявила Культай.

— Как? — опешил Болат. — Мы тебя же украсть должны!

— Так воруйте!

— Тогда, Культай, сделаем так. Сейчас я выйду, а ты минут через двадцать выйдешь, как будто ничего не знаешь, а когда тебя будут тащить в машину, для видимости кричи, плачь и зови на помощь.

— Хорошо, я всё поняла, не в первый раз.

— Как, тебя уже воровали, что ли? — испуганно спросил Болат, он даже вспотел от страха. — “Вот влип”, — мысленно ругал он уже и брата, и всех.

— Шучу, — весело засмеялась Культай.

“Вот дура, нашла над чем смеяться, навязалась на мою шею”, — про себя сердился Болат.

Выйдя на улицу, он хотел отговорить Серика от задуманной затеи.

— Серик, давай тебе в другой деревне, не торопясь, невесту найдём?

— Нет! — упёрся тот. Пока Болат препирался с братом, Культай, не дожидаясь, почти через пять минут выскочила на улицу и направилась к машине. “Ну и дура, — подумал Болат, — невтерпёж, что ли?”. Серик и парни выскочили из машины, чтобы затащить Культай. Она же к их изумлению сама прыгнула на заднее сиденье и только тогда стала кричать: “Караул, воруют!”.

— Ты что орёшь? — прикрикнул на неё Болат, — от радости, что ли?

— Сам же сказал!

— А! — махнул на неё рукой Болат. — Эй вы, садитесь, поехали, — это он уже крикнул опешившим “похитителям”.

Те, ничего не поняв, забрались в машину.

— Что, уже украли? — незадачливо спросили они, — а мы думали...

— Думать меньше надо, — со злостью отозвался Болат, сам не поняв, кто и кого воровал.

Вернулись поздно вечером... У всех, кроме Культай, были кислые лица, зато она цвела и пахла.

— Наверное, папаша тоже пьяный был, когда выбирал невесту, — сделал вывод Болат. — Теперь от неё точно не избавишься.

Дальше было всё скучно, по обычаю, о чём и не стоит повествовать.

... В первом часу ночи наконец-то подъехали сваты, уже навеселе. Немного погодя появился кортеж с женихом и невестой. К этому времени гости собрались, тамада растолкал их по столам. Под звуки фанфар молодые вошли в зал. Культай сияла как начищенный пятак, у Серика на лице была мина, с которой ведут на эшафот.

— Гляди, Маке, — толкнул локтем свояка Аскар, — невеста мало что косяя, она ещё на добрых полголовы выше жениха!

— Какая разница! — был ответ.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 07.05.2008 г.

Подписано к печати 10.06.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2748.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.